

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель – Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, профессор
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

доктор экономических наук, профессор
Ирина Викторовна Лаврентьева
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Зарезбин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат философских наук
Александра Александровна Бобрик
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 29.06.2018 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 12,25. Тираж 500 экз.

Заказ № 175/282.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ

**Дыдров Артур Александрович,
Починская Вероника Алексеевна,
Шарипова Альбина Раяновна**

Механизация человека и гуманизация
машины: тенденции существования
человека и техники..... 7

**Лукин Анатолий Николаевич,
Домрачев Сергей Станиславович**
Вера как элемент сознания человека..... 15

Александрова Людмила Дмитриевна
Опыт саморефлексии в контексте
медиареальности и цифровой
культуры..... 23

ВЛАСТЬ

**Иванова Людмила Леонидовна,
Ревагина Наталья Григорьевна,
Яланский Александр Павлович**
Коррупционные практики
в современной России: объективность
наличия и сложности оценки..... 30

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

- С. В. Борисов* – доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Е. В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Ю. Г. Ершов* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Виктория Лезьер* – доктор философских наук,
профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
- В. Г. Ледаев* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. Н. Медушевский* – доктор философских наук,
профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Павлов* – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
- В. Д. Попов* – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. С. Чупров* – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С. Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. В. Павроз* – доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)
- А. В. Понделков* – доктор политических наук,
профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
- О. Ф. Русакова* – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Грегори Саймонс* – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
- А. Ю. Сунгуров* – доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Н. Б. Костина* – доктор социологических наук,
профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- Сабина Лисица* – доктор, профессор
(г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В. Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
- А. В. Ковбан* – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
- С. В. Кодан* – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
- А. Б. Сергеев* – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика и управление

- О. В. Артемова* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Л. М. Байтенова* – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
- Л. М. Муталиева* – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
- И. В. Лаврентьева* – доктор экономических наук,
профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Т. Ю. Савченко* – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Культурология

- С. С. Загребин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- А. Н. Лукин* – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С. В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
- С. С. Смирнов* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
- Д. В. Тимофеев* – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

**Бухтиярова Татьяна Ивановна,
Коротина Наталья Юрьевна,
Первых Павел Александрович**
Оценка исполнения государственных
программ как инструмент повышения
эффективности расходов бюджетов38

**Голышев Игорь Дмитриевич,
Зубкова Ольга Владимировна,
Карян Юлия Самвеловна**
Учет показателей качества жизни
для оценки результативности
деятельности органов управления44

**Шибанова Елена Климентьевна,
Савченко Татьяна Юрьевна**
Форсайт-прогнозирование
как конструктор «эффективности
будущего» деятельности предприятий52

Сонина Олеся Викторовна
Интегральный показатель
как инструмент оценки уровня
«привлекательности вуза»64

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Корнейчук Борис Васильевич
Принципы и противоречия
Изборской доктрины72

КУЛЬТУРА

Мальцев Ярослав Владимирович
Философия как практика
современности80

Пеннер Регина Владимировна
Ретриты в философской практике:
прошлое, настоящее, будущее86

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ**

**Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:
09.00.11 – Социальная философия.
09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.
23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки.
23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии.
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете
<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

**Подписной индекс 38909
в Объединенном каталоге
«Пресса России. Том 1. Газеты и журналы»**

Орехов Андрей Михайлович

Междисциплинарный синтез и социально-гуманитарные науки: к вопросу о прояснении некоторых концептов и векторов исследования91

**Аверенкова Наталья Вячеславовна,
Пашинцев Евгений Васильевич**

Гуманитарная предметность и проблема методологического синтеза98

**Чернов Леонид Сергеевич,
Погорельская Елена Юрьевна**

Лицо и следы научного эксперимента 104

**Беляева Людмила Александровна,
Новикова Оксана Николаевна**

Игра как форсайт-технология и ее значение для бытия человека в культуре постмодерна 112

Нехамкин Валерий Аркадьевич

Географический детерминизм как направление в философии истории XVIII–XIX вв.: возможности и ограничения 119

АКТУАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА

**Баева Марина Алексеевна,
Кузнецова Анна Евгеньевна**

Использование механизмов региональных интеграционных объединений для увеличения конкурентоспособности российских образовательных услуг 129

Founded by
 The Russian Presidential Academy of National Economy
 and Public Administration

Published by
 Chelyabinsk branch
 of the Russian Presidential Academy
 of National Economy and Public Administration
 Copublisher – South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
 (Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Doctor of Economic Sciences, Professor
I.V. Lavrentyeva
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
 (Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
 (Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
 (Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
 (Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philosophy Sciences
A.A. Bobrik
 (Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
 PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
 Issued by Russian Surveillance Service
 for Mass Media and Communications.
 Passed for printing on 29.06.2018 r.
 Format 70×108 1/16
 Reference sheet area 12,25. Issues – 500.
 Order № 175/282.
 Designed and printed at
 454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

**Artur A. Dydrov,
 Veronika A. Pochinskaya,
 Albina R. Sharipova**

Mechanization of a man
 and humanization of a machine:
 tendencies of the existence
 of man and technology.....7

**Anatoliy N. Lukin,
 Sergey S. Domrachev**

Faith as an element of human
 consciousness..... 15

Lyudmila D. Aleksandrova

Experience of self-reflection
 in the context of media reality
 and digital culture23

POWER

**Lyudmila L. Ivanova,
 Natalya G. Revyagina,
 Alexander P. Yalansky**

Corruption practices in modern Russia:
 objectivity of existence and complexity
 of evaluation30

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. *Borisov* – Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
E.V. *Grunt* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Yu.G. *Ershov* – Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
Victoria *Lezyer* – Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
V.G. *Ledyae*v – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.N. *Medushevsky* – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.V. *Pavlov* – Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
V.D. *Popov* – Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
A.S. *Chuprov* – Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. *Zyrianov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.V. *Pavroz* – Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
A.V. *Ponedelkov* – Ph.D., Professor
(Rostov-on-Don, Russia)
O.F. *Rusakova* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Gregory *Simons* – Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
A.Yu. *Sungurov* – Ph.D., Professor
(St.Peterburg, Russia)

Sociology

- N.B. *Kostina* – Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
Sabina *Lisitz*a – Ph.D., professor
(Areal, Israel)

Law

- V.G. *Grafskiy* – LLD, Professor
(Moscow, Russia)
A.V. *Kovban* – Cand. Sc. (Legal Studies),
(Odessa, Ukraine)
S.V. *Kodan* – LLD, Professor
(Yekaterinburg, Russia)
A.B. *Sergeev* – LLD, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. *Artyomova* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
L.M. *Bajtenova* – Dr. Sc.
(Almaty, Kazakhstan)
L.M. *Mutaliev*a – Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
I.V. *Lavrentyeva* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. *Savchenko* – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. *Zagrebin* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
A.N. *Lukin* – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. *Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)
S.S. *Smirnov* – Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
D.V. *Timofeev* – Ph.D., Assistant Professor
(Chelyabinsk, Russia)

ECONOMICS AND MANAGEMENT

**Tatyana I. Bukhtiyarova,
Natalya Yu. Korotina,
Pavel A. Pervykh**

Estimating execution of the state programs
as a tool to increase the effectiveness
of budget expenditures38

**Igor' D. Golyshev,
Olga V. Zubkova,
Julija S. Karyan**

Accounting for quality of life indicators
for assessing the effectiveness
of governing bodies activity44

**Elena K. Shibanova,
Tatyana Yu. Savchenko**

Foresight forecasting as a constructor
of "effectiveness of the future"
in the activities of enterprises.....52

Olesya V. Sonina

Integrated indicator as a tool
of assessing the level of higher
educational institution "attractiveness"64

STATE AND LAW

Boris V. Korneychuk

Principles and contradictions
of Izborsk doctrines 72

CULTURE

Yaroslav V. Maltsev

Philosophy as a practice of modernity.....80

Regina V. Penner

Retreats in philosophical practice:
present, past, future86

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26

Editor's office phone number:

(351) 771-42-30

E-mail: siv_journal@mail.ru

Website:

<http://siv74.ru>

Disclaimer:

Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia
38909**

Andrey M. Orekhov

Interdisciplinary synthesis and social-humanitarian sciences: on the question of clearing some concepts and vectors of research91

Natalya V. Averenkova,

Evgeny V. Pashintsev
Humanitarian thingness and the problem of methodological synthesis98

Leonid S. Chernov,

Elena Yu. Pogorelskaya
The image and traces of scientific experiment104

Lyudmila A. Belyaeva,

Oksana N. Novikova
Game as a foresight technology and its importance for human existence in the culture of postmodernism.....112

Valery A. Nekhamkin

Geographical necessarianism as a movement in philosophy of history of XVIII–XIX centuries: possibilities and limits119

ACTUAL ANALYSIS

Marina A. Baeva,

Anna E. Kuznetsova
Using mechanisms of regional integration associations for increasing competitiveness of Russian educational services.....129

Для цитирования: Дыдров А.А.,
Починская В.А., Шарипова А.Р.

Механизация человека и гуманизация машины:
тенденции существования человека и техники // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 7–14.

УДК 130.2

МЕХАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ГУМАНИЗАЦИЯ МАШИНЫ: ТЕНДЕНЦИИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНИКИ¹

Дыдров Артур Александрович,

Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76.
E-mail: zenonstoik@mail.ru

Починская Вероника Алексеевна,

Южно-Уральский государственный университет,
магистрант Высшей школы экономики
и управления,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76.
E-mail: nikki-cute@mail.ru

Шарипова Альбина Раяновна,

Южно-Уральский государственный университет,
магистрант Высшей
медико-биологической школы,
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76.
E-mail: alba.chel@mail.ru

Аннотация

Предметом данной статьи является взаимодействие человека и техники. Опираясь на идеи гуманитарного подхода в философии техники, авторы обозначают два направления эволюции техники и человека – «технизацию» человека и «гуманизацию» машины. Если первая тенденция довольно обстоятельно изучена и отражена в западной и российской философии, то вторая еще не освещена. Авторы прогнозируют кардинальные трансформации социокультурной действительности (языковые, научно-гуманитарные, юридические и другие), обусловленные принципиальным изменением статуса «гуманизирующейся» техники.

Ключевые понятия:
гуманизация,
механизация,
технизация,
техноэволюция,
техноцид.

Две истории С. Лема

В 60-х гг. прошлого столетия польский писатель-фантаст и футуролог С. Лем написал циклы «Кибериада» и «Сказки роботов», в которых под оболочками юмористических, неправдоподобных и откровенно абсурдных историй были скрыты актуальные социальные, культурные и иные проблемы. Каждая история «кибернетических эпосов» разворачивается в мире «слишком человеческих» роботов, где оставшиеся в живых особи homo sapiens вызывают только жалость или насмешки. В сказке «О королевице Ферриции и королевне Кристалле» один из персонажей сделал лаконичный набросок человеческой истории от ее зарождения до заката: «Выпрямились они и соорудили машины. От тех машин родились машины разумные, которые сотворили машины премудрые, которые измыслили машины совершенные, ибо как атом, так и Галактика суть машины, и нет ничего, кроме машины, ее же царствию не будет конца!» [13, с. 130]. Обозначенный пассаж не только и не столько связан с проблемой определения способов сдерживания роста числа артефактов, сколько с проблемой технизации жизни человека.

Технизация выражается и в программировании человека, или, по выражению В. А. Кутырева, в «манипулировании человеком по любой внешней мере» [11, с. 451], и в культе порядка, регламента и организации (Н. А. Бердяев) и, несомненно, в том, что человек перепоручает свои дела технике и вручает ей самого себя (М. Хайдеггер). Мысленно продолжая тенденцию технизации в будущее, можно допустить, что в фантазиях К. Чапека, С. Лема, А. Азимова и других авторов содержится немалое зерно истины. Невзирая на тривиальность идеи о любви человека к крайностям («Мы или откровенно застим собой все, или, наоборот, заявляем претензию на объективность, самоустраняемся и, как это называется, предоставляем слово другому и только ему» [3, с. 374]), В. В. Библихин лаконично выразил два контрарных способа бытия человека в мире. В первом случае человек размещается в центре мира или на вершине эволюционной «лестницы» и провозглашает себя мерой всех вещей. Он судья не только и не столько самому себе, сколько требующей обуздания природе. Во втором случае человек отдает слово природе, самоустраняется с вершины эволюционной «лестницы» и добровольно играет роль звена эволюционной «цепи».

В кибернетическом эпосе С. Лема техника взяла слово и не собирается его

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

отдавать. То обстоятельство, что техника мыслит, любит и ненавидит, продолжает род и творит новые миры, говорит, возможно, не о безудержном воображении писателей, а о предчувствии самоустранения человечества. В 1920 г. К. Чапеком была написана пьеса «R.U.R.», в финале которой выживший архитектор благословил роботов и нарек их Адамом и Евой. В фантазмагорических мирах С. Лема роботы создали цивилизацию, достойно продолжив дело механических прародителей.

Другая обозначенная С. Лемом проблема связана с дихотомиями симулякра и референта, подлинного и подделки. Суть проблемы сводится к отсутствию четких критериев их различия. В «Седьмом путешествии» «Кибериады» талантливый инженер преподнес в дар свергнутому правителю макет государства с сотнями миниатюрных механических граждан. Когда по возвращении инженер рассказал своему коллеге о подарке, тот обрушился на него с критикой. Он потребовал от изобретателя отчета в содеянном и попросил вообразить куклу, которая всякий раз, когда ее бьют, молит о пощаде, плачет и истекает кровью: «Неужели ты не видишь, как мастерство подражателя приводит к тому, что видимость становится истиной, а подделка – действительностью?» [14, с. 296].

Подобно животным в оруэлловской сказке-притче, человеку трудно отличить людей от свиней, черное от белого, прекрасное от безобразного (Лао-Цзы), естественное и искусственного, самобытно растущее (М. Хайдеггер) от запрограммированного, кукловода от марионетки. История С. Лема примечательна в качестве иллюстрации к тезису Ж. Бодрийяра об «исчезновении противоположных полюсов», между которыми всегда были «дистанция смысла», промежуток и различие. Этот промежуток, по оценке Ж. Бодрийяра, невозможно было ликвидировать из-за страха неизвестности и риска. Французский философ писал о ликвидации дистанции между «естественным» и «генетически модифицированным» организмами, но то же справедливо и для рожденного / сконструированного. Ликвидация «дистанции смысла» между противоположностями ведет в мир без оттенков в вечное настоящее без виртуальностей, переходов и возможностей (Ж. Делез). Смысловой «промежуток» оберегал от «страшной невыносимости» неразличимых вещей [7, с. 401]. Отныне на сущее нельзя посмотреть под определенным углом, невозможно дистанцироваться от вещей или приблизиться к

ним: «Каждая вещь <...> дает нам пощечины» [7, с. 402]. Чем увереннее подделка претендует на роль оригинала, карта на роль территории, а симулякр на роль референта, тем стремительнее сокращается «дистанция смысла»: «Картина оказалась нестойкой и вскоре начала меняться: контуры ее стали нечеткими, и через пару минут все расплылось окончательно» [17].

В художественно-образной «оболочке» сказок С. Лем выразил две проблемы, ни одну из которых сегодня нельзя назвать плодом фантазии. Первая сводится к самоустранению и «молчанию» человека. Пока человек пребывает в загадочном молчании, техника взяла слово и не собирается его отдавать. По выражению М. Хайдеггера, вторгающемуся в мир исследованию интересно только сущее и сверх того – ничто [20, с. 26]. По-видимому, неотъемлемому человеку досталась как раз «роль» ничто. И отныне мы вправе спросить: как возможно (и возможно ли) возвращение дара слова? Вторая проблема заключается в ликвидации «смысловой дистанции», различия и промежуток между противоположностями. В этом случае мы вправе спросить: как возможно (и возможно ли) различение естественного и искусственного? Не являются ли выражения «первая природа» и «вторая природа» бессмысленными, «осадком» некогда существовавшего смысла? Философы XX в. (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Х. Ортега-и-Гассет и др.) понимали, что техника есть нечто совершенно иное, нежели средство или «известного рода человеческая деятельность» [19, с. 221]. Феномен техники не укладывается в прокрустово ложе инструментального определения. Несмотря на это, представления о технике как о «средстве», «совокупности вещей», «инструментах» и «механизмах» не были поколеблены. В то время, пока мы не думаем о технике, а только пользуемся ей, техника *укореняется и натурализуется* в мире. Она естественнее, чем все естественное, субъектнее любого субъекта.

Субъектность техники: от фантастики к реализму

Тема субъектности техники не нова. В научной фантастике (в особенности, в литературе и кинематографе) популярны сюжеты о восстании машин против своих создателей. И роботы в пьесе К. Чапека и сказках С. Лема, и суперкомпьютеры у Х. Эллисона и Ф. Брауна воплощают идею бунта твари против творца (ранее эта идея была известна благодаря легендам о Голем-

ме и роману М. Шелли). В фантастических мирах возможны не только «боги из машины», но и боги-машины. Не желая терять власть, человек тщетно пытался ограничить роботов четырьмя законами. В недавнем прошлом похожим образом отреагировали власти штата Юта: офис генерального прокурора Юты обратился в суд с просьбой об отклонении иска К. Севьера – бывшего военного прокурора, намеревавшегося жениться на собственном портативном компьютере. Власти Юты возвели баррикады и отразили первую атаку «аномии». Можно предположить, что в будущем случай военного прокурора канет в лету, но его идейные наследники будут штурмовать законодательные преграды снова и снова. Современный человек еще удивляется новостям о заключении браков с животными. По оценке Ж. Бодрийяра, человек «унизил» животное, лишив его сакральности. Сентиментальное отношение к животным предварено десакрализацией – «низложением» и обесценением священного. Животному было отказано в праве представительства рода. Позднее, сменив гнев на милость, цивилизованное человечество потребовало «гуманного» отношения к животным [4, с. 169]. Культ «гуманизма» решительно ведет к сокращению «дистанции смысла», промежутка между сакральным и мирским. Следствием десакрализации является сближение с животным, отношения *tête-à-tête*. «Идолы рода», связанные с познанием действительности по аналогии с человеком, с очеловечиванием мира, как будто открыли новый источник жизни и укореняются в разуме по мере уменьшения расстояния между противоположностями.

Расстояние между человеком и техникой стремительно сокращается. По мере его сокращения отчетливо обозначаются две тенденции – технизация человека и гуманизация машины. Если эти тенденции «разойдутся» друг с другом, то картины из фантастических романов перестанут быть фантастическими: роботу, более человеческому, чем человек, и человеку-программе будет тесно на страницах sci-fi. Еще М. Хайдеггер обратил внимание на «страшную правильность» «инструментального» определения техники, согласно с которым техника есть средство. Как средство техника должна размещаться *посередине, среди и между*. Человек указал технике на ее место между замыслом и воплощением замысла, целью и результатом, самим собой и «дикой» природой. Однако технике тесно на отведенном ей прокрустовом ложе, и потому она высту-

пает за его пределы. Будто не замечая этого, человек убеждает себя в том, что техника есть инструмент и только инструмент. Пока человек настроен видеть в технике нечто нейтральное, ему придется тесниться.

Можно ли отказать технике в субъектности, если она теснит и окружает человека, переходит границы и вызывает зависимость? На этот отвлеченный вопрос можно ответить и положительно, и отрицательно. Положительный ответ основывается на многовековой истории человека разумного – единственного существа, способного к познанию и преобразованию мира, творца религии, философии, науки и техники. Отрицательный ответ связан с возможностью бунта творения против творца. По выражению М. Н. Эпштейна, если человек создан по образу и подобию Бога и наделен свободой воли, то он может передавать эту «эстафету» своим творениям. В таком случае человек должен принять свободу собственных творений и допустить возможность «агуманизма» с их стороны (так как Бог принимает свободу человека, даже если человек не верит в его существование) [21, с. 496–497]. Стоит только допустить эту возможность – возможность передачи «эстафеты» – как вдруг привычная картина мира начинает стираться. Ни существующие законодательные механизмы, ни нормы языка, ни научные парадигмы еще не готовы к такому радикальному изменению положения дел – к утрате человеком положения субъекта или как минимум к тому, что это положение придется делить с техникой.

Оживление техники: взгляд науки и философии

В социально-гуманитарных науках о технике говорят как об исторически развивающейся совокупности механизмов, устройств, средств, а также знаний, умений и навыков, позволяющих преобразовывать природу и удовлетворять потребности человека. Вопреки укрепившемуся мнению о технике, некоторые ученые видели в технике нечто большее, нежели «совокупность» инструментально-аппаратных средств и способов деятельности. Еще С. Лем в книгах «Фантастика и футурология», «Этика технологии и технология этики» и «Сумма технологии» писал о технике как об особой действительности, развивающейся по собственным законам. Одним из первых термин «техноэволюция» («*technoewolucja*») ввел в оборот С. Лем, понимая под ним направленное развитие и усложнение технической реальности.

Ускорение темпов эволюции техники может, в конечном счете, превратить цивилизацию в энерго-информационную машину. Польский фантаст и футуролог критически оценивал влияние техноэволюционных процессов на человека и подчеркивал, что техноэволюция ведет к усилению индивидуальной и социальной зависимости от надежности и функционирования технической аппаратуры» [15]. С. Лем предостерегал от попустительского отношения к технике, так как это сделает техноэволюцию неуправляемым и разрушительным для человека процессом. Между тем, сам же С. Лем полагал, что его опасения оправдались. В созвучии с концептом общества потребления (Ж. Бодрийяр) С. Лем говорил о подмене ценностей удобствами, о том, что «невозможно выбирать культурные ценности по такому принципу, которым руководствуются, выбирая новую модель автомобиля или холодильника» [16, с. 585]. В дискурсе польского писателя техноэволюция связана, таким образом, с подменой ценностей, агрессией и порабощением человека. Безусловно, этими «маркерами» оценка эволюции техники не исчерпывается, однако они являются яркими «пятнами» на картине современной цивилизации.

Советский ученый, доктор технических наук Б. И. Кудрин оперировал понятием техноценоза, введенным в оборот по аналогии с понятиями биоценоза и биогеоценоза [10]. Внедрением концептуальной новации Б. И. Кудрин хотел показать, что техника есть «бытие, существующее само по себе», не зависимое от субъекта [10]. Этот смелый шаг критиковался некоторыми философами: например, В. А. Лекторский был убежден в том, что воплощающая социокультурное содержание техника в корне отлична от биосферы. Мир техники существует благодаря деятельности человека, использованию орудий труда и коммуникации. Философ уверен, что «биологический подход» к изучению техники не дает никаких позитивных результатов [12, с. 283]. С этим, по-видимому, можно согласиться. Однако, верно и то, что размещение техники в промежутке между субъектом и природой, целью и результатом, замыслом и его воплощением уже не адекватно существующему положению вещей. Под техноценозом Б. И. Кудрин понимает сообщество артефактов, ограниченное во времени и в пространстве. По мнению ученого, любое устройство имеет фенотип и генотип. Фенотипом называется совокупность признаков изделия (видимо, немалое значение при оценке фенотипа имеет корпус). Генотип – это документально

зафиксированная конституция, устройство изделия [9, с. 236–237].

«Биологизация» техники в дискурсе Б. И. Кудрина – это не единственный в науке способ познания феномена техники. В этой связи примечательна, например, книга «Размышления об эмпатическом познании» С. В. Бочкаревой. Рассуждая о взаимодействии человека и техники, автор монографии формулирует провокационные вопросы: «Возможно ли “почувствовать” сущность техники, раскрыть ее потаенные “мысли”?» [курсив наш – А. Д., В. П.]; «“Техно” – как мертвая природа и только?» [5, с. 149] и др. Сама постановка таких вопросов может показаться абсурдом: они ставятся в ученой академической среде, а не на собраниях техноязычников.

Обозначенные идеи пока не вызывают одобрения в академических кругах. Причина такого положения дел вполне понятна: «биологизация» техники выглядит скорее как дерзкая выходка, нежели как научно обоснованный шаг. «Оживление» техники привело бы (и приведет) к крушению привычных и некогда прочных бинарных оппозиций. Прежде всего, речь идет о живом и неживом, о естественном и об искусственном, об органическом и о неорганическом. То же касается оппозиции организма и организации, части которой Н. А. Бердяев заставил враждовать друг с другом [2]. «Сокращение дистанции» между противоположностями выражается двумя встречными процессами – биологизацией техники и механизацией человека. Появление автоматизации и самообучающихся программ можно назвать узловыми моментами первого процесса. Употребление в отношении к этому процессу понятий роста, развития и рождения сегодня уже не является неоправданной аналогией. Современному человеку, искушенному во взаимодействии с техникой, нужно еще доказать, что техника не живет по тем же законам, что и человек. Немалую лепту в формирование современного «технизированного» мировоззрения внесли наука и философия Нового времени. В частности, речь идет о математизации природы («res extensa») и механизации человека («человек-машина»). Стоило только признать правоту механизировавших человека мыслителей, как оказалось, что возможен и «перевертыш» – «машина-человек». Встретившись, человек и техника могут поменяться местами: к технике будут применимы понятия роста и развития, а к человеку – структуры, детали и механизма.

Вчерашний механизм – сегодняшний субъект

Когда речь заходит о субъектности техники, в воображении прежде всего возникают сюжеты фантастической литературы и кинематографа. В мирах фантастики искусственный интеллект если и не был подобен богу, то, во всяком случае, был подобен дьяволу. В связи с ростом могущества техники у человечества должна была возникнуть необходимость ограничения развития (и в том числе аутопоэзиса) «второй природы». Как уже говорилось, в фантастических мирах действуют императивные нормы, запрещающие технике и обязывающие технику функционировать определенным образом. А. Азимов, К. Чапек, А. Кларк, Ф. Браун, Р. Хайнлайн и другие авторы показали, что человечество не справляется с задачей регулирования техники. Это выразилось, в частности, в том, что техника неожиданно обходила нормы и вынуждала человека искать новые способы защиты.

Заслуга фантастов в том, что они изобразили человека безоружным перед надвигающейся угрозой. И дело не только в отсутствии механизмов сдерживания взбунтовавшейся, «слишком субъектной» техники, но и в крушении стереотипов, расхожих мнений, демонтаже привычного образа мысли – мышления о технике как о средстве. Сам язык, циркулирующий в пространстве публичности, еще не подготовлен для «схватывания» и выражения новой реальности. В цементирующейся правом публичной сфере возникнет острый дефицит понятий и терминов, что не позволит ни отобразить, ни тем более контролировать ситуацию. Общеизвестно, что уголовный кодекс наказывает за жестокое отношение к животным. Норма обязывает человека воздержаться от причинения животному боли и страданий. Отягчающим обстоятельством является, в частности, применение «садистских методов» в обращении с животными. Правовой дискурс остановился на полпути: он не вывел животных из сферы имущества, но требует осуществления «принципа гуманности» в обращении с ними.

Вероятно, нечто подобное случится в будущем и с техникой. Некоторое время (10–20 лет) она будет маркироваться и как имущество, собственность, и как объект, подлежащий охране (в том числе от самого собственника) и требующий соблюдения «принципа гуманности» (общеизвестно, что право требует «гуманного» отношения к животным, так почему бы не требовать такого

же отношения и к технике?). Технику будут защищать от всех известных человечеству правонарушений – убийства, изнасилования, краж и грабежей, клеветы и т. д. По аналогии с экоцидом и геноцидом в оборот может войти понятие техноцида, означающее массовое уничтожение техники, приводящее к нарушению баланса «второй природы» (а также баланса отношений с «первой») и ставящее под угрозу существование человечества. К ювенальной юстиции может добавиться «техноюстиция» – судебная система защиты техники, фундированная принципом «человек в ответе за то, что он сконструировал». Защита техники от незаконных посягательств предполагает, что техника как объект права будет вместе с тем и носителем прав. Феномен техноязычества, исследованный Э. Дэвисом, сегодня уже не столь удивителен, как несколько лет назад [8, с. 255–270]. Человек уже давно впустил технику в мир сакрального. Так почему бы не впустить ее в мир юстиции?

Неологизмы «техноцид» и «техноюстиция» – капли в океане будущих языковых трансформаций. Изменения в понятийно-категориальном аппарате права будут необходимы и для того, чтобы говорить о технике как о субъекте права, о ее правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. В фантастической литературе и fiction-кинематографе эта тема хорошо представлена. В том случае, если техника уклоняется от выполнения своих функций и угрожает человеку, ее перепрограммируют или демонтируют. По существу, это все известные способы «наказания». Вполне возможно, что этот скудный перечень придется дополнять наказаниями, ранее применяемыми только к человеку, – системой штрафов, лишением свободы, исправительными работами и т. д. Образы посаженного под арест программного обеспечения или оштрафованного компьютера сегодня кажутся безумием. Но столь же безумными во времена европейских просветителей были бы идеи о психике кошек или социализации собак.

Признание правоспособности и дееспособности техники можно рассматривать в русле политики по самоустранению человечества. Кроме того, эта политика выражена и встречной тенденцией – тенденцией механизации человека.

Вчерашний субъект – сегодняшний механизм

Едва ли найдется человек, который будет отрицать, что сегодня значение информации

огромно. Трудно представить существование социально-экономической, политической и духовной сфер жизни общества без баз данных, перманентной циркуляции сообщений, Интернет-контента и т. д. Экономисты классической школы считали, что факторов производства три – труд, капитал и земля. Позднее в этот перечень включили информацию. Более того, информацию стали считать едва ли не ведущим фактором. Итальянский философ П. Вирно в книге «Грамматика множества» писал, что информация – ресурс столь же полноправный, как и рабочая сила. Если рабочего лишит информацию, то его рабочая сила будет нереализованной потенциальной [6, с. 103]. Субъектность рабочего ставилась под сомнение и ранее: в «Манифесте коммунистической партии» рабочий назван «простым придатком машины», выполняющим самые простые и однообразные приемы; в «Эссе об абсурде» труд рабочего сравнивался с трудом мифологического персонажа Сизифа (Камю); труд перестал быть частью природы рабочего (Фромм) и т. д. П. Вирно прибавил к этому еще и тезис об «абсолютной роли знания и уменьшающейся важности времени труда» [6, с. 104]. «Машинизация» человека трудящегося обстоятельно изучена философами XIX–XX вв.

Во второй половине прошлого столетия стало ясно, что машинизация труда не является единственным средством механизации человека – жизнь во всей ее полноте и многогранности «перепротезирована» и «перелогизирована» [5, с. 151]. Впервые в истории у процесса механизации человека возникло новое измерение – радикальное вмешательство в природу человека вплоть до аннигиляции тела. Это измерение носит название «трансгуманизм». Трансгуманизм опирается на науку и не только берет из ее кладовых информацию о новых открытиях и достижениях в области НБИК-технологий, но и перенимает особое, характерное для науки, отношение к миру. По выражению М. Хайдеггера, это «особое отношение» есть «вторжение известного сущего, именуемого человеком, в совокупность сущего» [20, с. 26]. Наука исследует исключительно сущее «и более – ничто» [20, с. 26]. Трансгуманизм, если оценивать его сквозь призму хайдеггеровской мысли, осуществляется как вторжение человека в самого себя. В то же время человек вторгается в самого себя как в «совокупность сущего». Для науки прошлого понимание человека как «совокупности» сущего не было чем-то выходящим из ряда вон. Анатомия веками изучала морфологию человеческого

организма и раскладывала человека на «части» – кости, синартрозы, суставы и симфизы, мышцы, внутренние органы, лимфатическую и кровеносную системы, центральную и периферическую нервную системы, которые, в свою очередь, тоже дробились на элементы. Анатомия не интересовала «загадочная» природа воображения, внимания, памяти, мышления, сознания и т. д. Последнее до недавнего времени находилось в «юрисдикции» философии, было и остается предметом многочисленных споров. Трансгуманизм хочет вторгнуться и в эту неизведанную «область». Пафос радикального вмешательства в природу человека присущ не только ранним произведениям трансгуманистов (М. Мор, Н. Бостром, Д. Пирс и др.), но и современным статьям и манифестам (Д. Ицков, А. Ариянов и др.) Результатом вторжения в голову человека должно стать отделение сознания от мозга с последующей «загрузкой» сознания в компьютер. Формулировка такой претенциозной задачи основана на смелых допущениях: 1. Мозг – это «биологический субстрат» сознания; 2. Сознание может существовать без данного эволюцией «субстрата». 3. Сознание измеримо, имеет некоторый «объем», может быть «записано» и «загружено». Формулируя задачу таким образом, трансгуманисты пытаются сорвать с человека покров тайны. Они убеждены в том, что линии раздела проходят не только между известными анатомии частями, но и между мозгом и сознанием. Выражение Ж. Ламетри «l'homme machine» («человек-машина») сегодня приобретает специфический смысл – смысл, соответствующий духу трансгуманизма. Трансгуманизм не удовлетворяется практиками имплантации и трансплантации органов и идет дальше – к «хирургии» сознания и «утилизации» мозга, к искусственной копии тела и телу-голограмме.

Выводы

Во второй половине XX в. в фокусе философии постструктурализма (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида и др.) оказалось стремительное сокращение дистанции между диалектическими противоположностями – одной из несущих конструкций онтологии. Картина мира, подобного, по выражению Р. Барта, медали или монете с «обоюдочитаемой поверхностью» [1, с. 80] не адекватна сложившемуся положению дел. Дистанция смысла между «естественным» и «искусственным», «рожденным» и «сконструированным» ликвидируется, предвещающая становление мира вечного настоящего, без виртуальностей и

переходов. Польский футуролог и писатель-фантаст С. Лем уловил эту метаморфозу и обозначил ее в научно-публицистической и художественно-образной формах. В фантастических мирах С. Лема политика по самоустранению человечества завершилась музеефикацией останков органической жизни и рождением кибернетических цивилизаций. Иными словами, техника взяла дарованное человеком слово. Пока человек не думает о технике или довольствуется расхожими мнениями, вставляя технику в «тики» инструментального определения, техника укореняется и натурализуется в мире, становится «слишком естественной».

Сокращение расстояния между «естественным» и «искусственным», «первой» и «второй» природами, человеком и машиной обусловлено встречным движением двух тенденций – *гуманизации* техники и *технизации* человека. Если вторая тенденция была «схвачена» еще философией марксизма и связывалась с утратой субъектности, с превращением человека в «придаток» машины и с противостоящей человеку объективацией результатов его деятельности, то первая тенденция еще ожидает осмысления. В социально-гуманитарных науках уже есть некоторые результаты осмысления первой тенденции, выраженные в концептах техноэволюции, техноценоза и техногуманизма. За исключением обозначенных случаев, нормы языка, научные парадигмы и законодательство еще не готовы к возможным пертурбациям. Языковые новшества – понятия техноцида и техноутиции – категорически недостаточны для понимания первой тенденции. Осмысление тенденции гуманизации техники (в том числе и средствами концептуальных новаций) не является «избыточным» делом. Напротив, «схватывая» грядущее словом, человек делает первые уверенные шаги по пути, ведущему к сохранению субъектности.

Вторая тенденция – *технизация* человека – сегодня угрожает природе *homo sapiens*, стремительно превращающейся в экспериментальную площадку. Значительные шаги (по преимуществу на уровне идеологии) в направлении трансформации человеческой природы сделал трансгуманизм. В программном произведении «FAQ по трансгуманизму» Н. Бостром утверждал, что сознание может и должно быть отделено от биологического «субстрата». Эту идею взяли на вооружение зарубежные и отечественные трансгуманисты. Вопрос «как сохраниться человеку?» носит не отвлеченный, а вполне конкретный характер.

Чтобы человек мог обдуманно ответить на обозначенный вопрос, дискурсы о будущем (и в том числе трансгуманизм и имморталогия) должны изучаться в учебных заведениях. Внедрение тем и проблем, связанных с будущим («футуризация»), по выражению А. Д. Урсула [18, с. 34–35] в систему образования не является универсальным и достаточным средством сохранения человека, но это необходимый шаг, побуждающий к рефлексии. Человек должен быть поставлен перед лицом технико-технологических новаций. Только в этом случае он сможет ответить на запросы времени.

1. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М. : Ad Marginem, 2012. 224 с.

2. Бердяев Н. А. Человек и машина // Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. Т. 1. М. : Искусство, 1994. 542 с.

3. Бибахин В. В. Философия и техника // Другое начало. СПб. : Наука, 2003. 430 с.

4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. 204 с.

5. Бочкарева С. В. Размышления об эмпатическом познании. Челябинск : Цицеро, 2011. 179 с.

6. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 144 с.

7. Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого. М. : Академический проект, 2011. С. 395–421.

8. Дэвис Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. М. : АСТ, 2008. 480 с.

9. Кудрин Б. И. Исследования технических систем как сообществ изделий – техноценозов // Системные исследования. Методологические проблемы : ежегодник. 1980. М. : Наука, 1981. С. 236–254.

10. Кудрин Б. И. Постнеклассический взгляд на техническую реальность. URL: <http://www.dialog21.ru/biblio/kudrin.htm> (дата обращения: 05.05.2018).

11. Кутырев В. А. Бытие или ничто. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 880 с.

12. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М. : Наука, 1980. 358 с.

13. Лем С. О королевиче Ферриции и королевне Кристалле // Сказки роботов. Кибериада. М. : АСТ, 2002. С. 129–139.

14. Лем С. Путешествие седьмое, или Как Трурля собственное совершенство к беде привело // Сказки роботов. Кибериада. М. : АСТ, 2002. С. 290–298.

15. Лем С. Фантастика и футурология : в 2 кн. Кн. 1. М. : АСТ : Хранитель, 2008. 591 с.

16. Лем С. Фантастика и футурология : в 2 кн. Кн. 2. М. : АСТ : Хранитель, 2008. 667 с.

17. Травник Т. Больше всего на свете. URL: <https://www.litres.ru/terentiy-travnik-10940498/bolshe-vsego-na-svete-filosofskie-razmyshleniya/chitat-onlayn/> (дата обращения: 05.05.2018).

18. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Глобальное образование – новое направление развития высшего

образования // Вестник экологического образования в России. 2014. Т. 4. № 74. С. 32–35.

19. Хайдеггер М. Вопрос о технике // *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С. 221–238

20. Хайдеггер М. Что такое метафизика? М.: Академический проект, 2013. 288 с.

21. Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литератур. обозрение, 2017. 616 с.

References

1. Bart R. (2012) *Rolan Bart o Rolane Barte*. Moscow, Ad Marginem Press, 224 p. [in Rus].

2. Berdyayev N.A. (1994) *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva*. T. I. Moscow, Iskusstvo, 542 p. [in Rus].

3. Bibihin V.V. (2003) *Drugoe nachalo*. Saint Petersburg, Nauka, 430 p. [in Rus].

4. Bodriyar Zh. (2013) *Simulyakry i simulyaciya*. Tula, 204 p. [in Rus].

5. Bochkareva S.V. (2011) *Razmyshleniya ob ehmpaticheskomo poznanii*. Chelyabinsk, Cicero, 179 p. [in Rus].

6. Virno P. (2015) *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni*. Moscow, Ad Marginem Press, 144 p. [in Rus].

7. Delez Zh. (2011) *Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo*. Moscow, Akademicheskij proekt, 472 p., pp. 395–421 [in Rus].

8. Dehvis E. (2008) *Tekhnognozis. Mif, magiya i misticizm v informacionnyu ehpho*. Moscow, AST, 480 p. [in Rus].

9. Kudrin B.I. (1981) *Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problem*, pp. 236–254 [in Rus].

10. Kudrin B.I. *Postneklassicheskij vzglyad na tekhnicheskuyu real'nost'*. Available at: <http://www.dialog21.ru/biblio/kudrin.htm>, accessed 05.05.2018 [in Rus].

11. Kutyrev V.A. (2015) *Bytie ili nichto*. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 880 p., pp. 451 [in Rus].

12. Lektorskiy V.A. (1980) *Sub"ekt. Ob"ekt. Poznanie*. Moscow, Nauka, 358 p. [in Rus].

13. Lem S. (2002) *Skazki robotov. Kiberiada*. Moscow, AST, 640 p., pp. 129–139 [in Rus].

14. Lem S. (2002) *Skazki robotov. Kiberiada*. Moscow, AST, 640 p., pp. 290–298 [in Rus].

15. Lem S. (2008) *Fantastika i futurologiya: t. 1*. Moscow, AST, Hranitel', 591 p. [in Rus].

16. Lem S. (2008) *Fantastika i futurologiya: t. 2*. Moscow, AST, Hranitel', 667 p. [in Rus].

17. Travnik T. *Bol'she vsego ne svete*. Available at: <https://www.litres.ru/terentiy-travnik-10940498/bolshe-vsego-na-svete-filosofskie-razmyshleniya/chitat-onlayn>, accessed 05.05.2018 [in Rus].

18. Ursul A.D. (2014) *Vestnik ehkologicheskogo obrazovaniya v Rossii*, no. 74, pp. 32–35 [in Rus].

19. Hajdegger M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya*. Moscow, Respublika, 447 p., pp. 221–238 [in Rus].

20. Hajdegger M. (2013) *Chto takoe metafizika?* Moscow, Akademicheskij proekt, 288 p. [in Rus].

21. Epshtejn M.N. (2017) *Proektivnyj slovar' gumanitarnykh nauk*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 616 p. [in Rus].

For citing: Dydrov A.A., Pochinskaya V.A., Sharipova A.R. Mechanization of a man and humanization of a machine: tendencies of the existence of man and technology // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 7–14.

UDC 130.2

MECHANIZATION OF A MAN AND HUMANIZATION OF A MACHINE: TENDENCIES OF THE EXISTENCE OF MAN AND TECHNOLOGY

Artur A. Dydrov,

South Ural State University, Associate Professor of the Department Chair of Philosophy, Cand. Sc. (Philosophy) The Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76. E-mail: zenonstoik@mail.ru.

Veronika A. Pochinskaya,

South Ural State University, Graduate student of the Higher School of Economics and Management, The Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76. E-mail: nikki-cute@mail.ru

Albina R. Sharipova,

South Ural State University, Graduate student of the Higher School of Medical Biology, The Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, prospect Lenina, 76. E-mail: alba.chel@mail.ru

Annotation

The subject of this article is the interaction of a human and technology. Relying on the ideas of the humanitarian approach in the philosophy of technology, the authors designate two directions in the evolution of technology and a human – the «technization» of a human and the «humanization» of a machine. If the first trend is thoroughly studied and reflected in foreign and Russian philosophy, then the second has not been covered yet. The authors predict cardinal transformations of socio-cultural reality (linguistic, humanitarian, juridical and others), caused by a fundamental change in the status of «humanizing» technology.

Key concepts:

humanization, mechanization, technization, technoevolution, technocide.

Для цитирования: Лукин А. Н., Домрачев С. С. Вера как элемент сознания человека // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 15–22.

УДК 130.3

ВЕРА КАК ЭЛЕМЕНТ СОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Лукин Анатолий Николаевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, кандидат культурологии, доцент. Российская Федерация, 454071, г. Челябинск, ул. Комарова, 41. E-mail: anlukin@mail.ru

Домрачев Сергей Станиславович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, декан факультета управления, кандидат философских наук, доцент. Российская Федерация, 454071, г. Челябинск, ул. Комарова, 41. E-mail: ssdomr@chel.ranepa.ru

Аннотация

Вера важный структурный элемент сознания человека наряду с волей, знаниями, эмоциями. В статье проводится анализ различных взглядов на природу веры, на ее место в духовной культуре, на соотношение веры и знания, веры и интуиции. Знания об окружающем мире никогда не будут полными и исчерпывающими. Сам процесс познания основывается на вере в познаваемость мира. Авторы раскрывают роль веры в процессе ценностной ориентации личности. Именно вера придает человеческим поступкам смысл. Понятие «вера» гораздо шире понятия «религиозная вера». Понимание природы веры позволяет более глубоко постичь сущность человека.

Ключевые понятия:

вера, духовная культура, интуиция, ценности, трансцендентное.

Введение

Нет сомнения, что помимо знаний, эмоций и воли в структуру человеческого сознания входит вера. Нельзя уклониться от рассмотрения этого феномена, исследуя духовную сторону человеческого бытия. Но какова природа веры? Эта проблема уже долгие годы остается предметом жарких философских споров.

В советское время часть официальной философии (академическая философия была далека от такого примитивного подхода) исходила из того, что «вера – слепая убежденность в существовании сверхъестественного мира (богов, духов, демонов и т. д.), характерная особенностью всякой религии. Религия считает, что вера не нуждается ни в каких доказательствах, т. к. покоится не на данных опыта или доводах разума, а на божественном откровении и религиозных догматах. Вера в корне противоположна научному знанию» [12, с. 240]. Таким образом, вера практически отождествлялась с религиозной верой, которая, в свою очередь, объяснялась бессилием людей в процессе их взаимодействия с природной и социальной средой и потребностью в компенсации этого бессилия, в восполнении их отчуждённого бытия иллюзорным потусторонним миром. Вера возникла как следствие недостатка знаний. Значит, по мере развития знания она должна была постепенно угасать. Такое понимание проблемы оправдывало активное сопротивление всему религиозному, репрессии священников, разрушение храмов (многие из которых представляли большую культурную и историческую ценность) и т. д.

Конечно, понятие «вера» в этой исторической ситуации употреблялось и в других значениях. Например, официальной идеологией советским гражданам предписывалось верить в будущее торжество коммунизма, в руководящую роль рабочего класса на переживаемом историческом этапе, в неизбежность крушения изживающей себя системы капитализма. Но такая вера выдавалась за форму знания. Ведь этот постулат формально-логическим путём выводился из марксистской философии, которая объявлялась совершенным законченным знанием. Это противоречило широко используемому в марксистской философии диалектическому методу, который указывает на неизбежность развития любых, в том числе теоретических

систем, и преодоления старых застывших форм. Основным критерием всякого научного знания марксизм считает практику. Практика классово́й борьбы, как утверждала официальная советская философия, подтверждает истинность марксистской теории, сформулированных в ее рамках законов развития социума, из которых вытекает неотвратимость смены капитализма социализмом. Символично, что именно историческая практика на рубеже нового тысячелетия серьезно подорвала доверие к подобным «истинам». Разрушение Советского Союза и всей системы социализма в Восточной Европе никак не соответствует научным предсказаниям последователей К. Маркса. В то же время эволюция марксизма в некоторых странах, прежде всего в Китае, показывает, что в модернизированном виде он по-прежнему сохраняет серьёзный методологический потенциал.

Сознание индивида, познающего мир, расколото. Одна его часть подчинена тому, что он наблюдает и чистой логике мысли, а вторая базируется на вере. Первая часть предполагает обоснованность и опровергаемость суждений (поиском границ научного познания усиленно занимались позитивисты). А вторая придаёт нашим поступкам смысл. Наша мораль, наши высшие оценки не могут быть обоснованы ни логически, ни экспериментально [4, с. 94]. Как отмечается А. С. Чупровым и О. Ю. Яценко, «самостийность, или бытие субъекта, постигается не только мышлением (разумом), но и волей (желанием), и чувственностью (переживанием), и здравым смыслом (рассудком), интегрируемых в веру. Если веру и можно назвать чувством, то только в смысле ее присущности душе как субъективированному бытию. Вера – это удостоверение человеком своего бытия» [15, с. 19].

Биологический и эволюционный подходы в объяснении феномена веры исходят из того, что первобытный человек, осознав свое «Я», вынужден был решать проблему преодоления отрицательных эмоций, связанных с чувством страха перед неотвратимой смертью, перед необоримой мощью природных стихий. Вера в сверхъестественное начало, согласно этому подходу, стала формой защиты психики человека. Люди усложнили восприятие мира, чтобы преодолеть свою отчужденность к нему, чтобы от внешнего хаоса перейти к порядку. Вера, став основой первобытной культуры, напол-

нила жизнь новыми смыслами, ограничила проявление инстинктов, угрожавших роду. Например, по мнению Э. Тайлора, именно от имени тотема были введены первые табу на убийство соплеменников и инцест. Благодаря появившейся вере в существование высших сил и начал, от помощи которых зависит жизнь и благополучие человека, у первобытных людей постепенно сформировалась внутренняя психофизиологическая потребность наполнить новым сокровенным смыслом свою жизнь.

Несколько иначе расставлены акценты в определении веры, которое дается в энциклопедическом словаре, вышедшем в свет в 90-е гг. прошлого века, из которого мы узнаем, что «вера означает признание чего-либо истинным с такой решительностью, которая превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств. Это не значит, что истины веры не подлежат никаким доказательствам, а значит только, что сила веры зависит от особого самостоятельного психического акта, не определяемого всецело эмпирическими и логическими основаниями. Так, например, мы, безусловно, верим в существование внешнего мира самого по себе (независимо от его явления для нас), признаем такое его существование бесспорной истиной, тогда как рациональные доказательства этой истины, представленные доселе философами, строгой критики не выдерживают и, во всяком случае, спорны и не разрешают всех сомнений» [14, с. 352–353]. Из этого определения следует, что понятие «вера» по своему содержанию гораздо шире понятия «религиозная вера». Напрашивается вывод о том, что вера – это неотъемлемый элемент человеческого сознания. Знания об окружающем мире никогда не будут полными и исчерпывающими. Поэтому для веры всегда будет оставаться место. Как отмечает В. Р. Шадрин, «вера является предпосылкой и условием действий разума. Разум всегда содержит в себе «веру вообще». Именно этой верой всегда поддерживается целокупность разума, преодолевается разрывность разума между необходимостью всему «давать меру» и предельной его невозможностью со-размерить бытие, быть со-размерным бытию» [16, с. 151].

Подчеркнем еще и тот факт, что вера – это не просто принятие индивидом какого-то представления или положения. Акт веры предполагает эмоциональную насыщенность. Чем острее чувства, тем глубже

вера, которая, в свою очередь, во многом определяет духовное бытие человека. Объекты веры, как правило, не даны субъекту чувственно и выступают лишь в виде интуитивно ощущаемой очевидности. При этом объект веры представляется человеческому сознанию существующим в действительности образно и эмоционально.

Проблема определения приоритета между знанием и верой

Сложной проблемой по-прежнему остается определение приоритета между знанием и верой. В разные эпохи и в разных философских традициях этот вопрос решался по-своему. Так, в III веке Тертуллиан, один из главных авторитетов церкви, утверждал превосходство веры над разумом. Противоречие между разумными доводами и положениями веры должно, по мнению этого богослова, решаться однозначно в пользу веры. Если высшие религиозные истины доступны только вере, то она выше знания и предшествует ему. Тот факт, что религиозные догматы не могут быть объяснены логически, не является препятствием для веры. Познавательный императив Тертуллиана: «Верую, потому что абсурдно!» – стал руководством для его последователей.

Несколько более взвешенную позицию занимал ряд других религиозных средневековых философов. Не принимая значения веры, они, тем не менее, стремились повысить статус знания. Так, в V в. Августин Блаженный заявлял о том, что то, что уже принято религиозной верой, богословие должно познать в свете разума. Следовательно, наука должна развиваться в фарватере религиозного учения. Необходимость достижения согласия между наукой и верой при первенстве веры утверждали также Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский и др. Наконец, схоласты XIII в. пытаются преодолеть противоречие между разумом и верой, используя сложные логические доказательства религиозных догматов. Самым известным примером подобного рода является, пожалуй, система доказательств существования Бога, приведенная схоластом Фомой Аквинским. Эти доказательства оказались, в конечном счете, научно несостоятельны. Проблема не была решена. Гармония между знанием и верой достигнута не была.

Номиналисты предприняли попытку провести разграничительную линию между ве-

рой и знанием, установив им свои области применения, что должно было дать простор для развития науки. Эта важная задача для той исторической ситуации была успешно решена. Номиналистам пришлось выдвинуть идею о двойственной природе истины. По их мнению, то, что истинно для философии и науки, может быть ложным для богословия, как и наоборот. Это совсем не согласовывалось с классическим Аристотелевым пониманием истины как суждения, соответствующего объективной действительности. Кроме того, под таким углом зрения мир утрачивал свое органическое единство. Тем не менее, учение о двойственности истины, способствовало повышению статуса знания. Так, уже Ф. Бэкон обосновывает положение о независимости научного знания от положений «Святого писания» и о его глубокой связи с опытом. Наука становится все более престижным занятием. Как следствие, наступает бурный рост научного знания. Все чаще в Новое время разуму начинают приписываться неограниченные возможности. Многим тогда казалось, что вера будет преодолена научным познанием. Само принятие идей, с этой мировоззренческой позиции, проходит развитие от веры, через убеждение, к высшей форме – знанию. Если в Средние века знание страдало от веры, то в новое и новейшее время вера стала, как тогда казалось, постепенно вытесняться знанием.

Однако уже немецкий философ И. Кант подверг такие взгляды серьезной критике. Отвечая на свой знаменитый вопрос: «Что я могу знать?», И. Кант обосновывает положение о том, что достоверное научное знание возможно лишь о феноменальном мире, но о ноуменах, в первую очередь о предельных сущностных характеристиках бытия, человек не может знать столь же достоверно. Это не предмет научного знания, а область приложения веры. Кант, как принято сейчас считать, обнаруживает границы научного познания и тем самым снова открывает простор для веры. На основе кантовской философии можно сделать вывод о том, что вера объемлет не то, что еще не познано, а то, что для науки принципиально непознаваемо. Рассуждая о вере, нельзя пройти мимо кантовского разделения мнения, веры и знания. Он писал: «Признание истинности суждения, или субъективная значимость суждения, имеет следующие три ступени в отношении убеждения (которое имеет также объективную значимость): мнение, веру

и знание. Мнение есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное как с субъективной, так и с объективной стороны. Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется верой. Наконец, и субъективно, и объективно достаточное признание истинности суждения есть знание. Субъективная достаточность называется убеждением (для меня самого), а объективная достаточность – достоверностью (для каждого)» [3, с. 481].

Принципиальная конечность, ограниченность человека задаёт ему естественный потолок познания. Область веры с развитием науки не упрядняется, а только вводится в должные границы. Знание не может быть для нее угрозой. Но, с другой стороны, и вера должна отказаться от претензии на господство в той области, где должно царствовать знание. По выражению С. Булгакова, «во что можно верить, нельзя знать, оно выходит за пределы знания, а в то, что можно знать, нельзя и не должно верить. Кто верит в таблицу умножения или Пифагорову теорему? Ее знают. И кто знает Бога, включая Его в число предметов научного знания? В Него верят и познают верой. Вера же, по определению апостола Павла, есть «уверенность в невидимом как видимом, ожидаемом и уповаемом как настоящим» [1, с. 28.].

Однако знание и вера не могут существовать параллельно, не вторгаясь в область применения друг друга. В отличие от религиозной веры, объект в которой носит иррациональный характер, научная вера, где вера утверждает существование нового за пределами опыта, способна выстраивать взаимоотношение со знанием [10, с. 58–61]. Более того, если под верой понимать принятие в качестве истинных каких-либо положений без специальных эмпирических подтверждений и рационального вывода, т. е. некую «априорную уверенность в истине», то мы обнаруживаем генетическую связь веры и знания. Указывая на эту связь, Э. А. Тайнов заявляет: «Обратившись к истокам научного познания, мы столкнёмся с удивительным фактом: источником науки, родником, из которого она берёт своё начало, является вера. Чтобы увидеть это, вспомним исходные недоказуемые гносеологические предпосылки науки, или эпистемы (от греч. – знание)» [11, с. 26]. Под «эпистемами» здесь понимаются метафи-

зические предпосылки всякого научного знания. Перечислим основные эпистемы, приводимые для аргументации своей позиции Э. В. Тайновым. Они хорошо известны ученым.

Во-первых, это убеждение в том, что изучаемый наукой мир является объективной реальностью, существующей вне сознания познающего субъекта. Пусть даже при этом и допускается влияние познавательных актов субъекта на объективный мир. Как утверждал А. Эйнштейн, «вера в существование внешнего мира, независимого от воспринимающего субъекта, лежит в основе всего естествознания» [17, с. 136].

Во-вторых, эпистема закономерности мира предполагает, что во Вселенной существует закономерный порядок, а не хаос. Эта эпистема утверждает существование объективных законов природы – универсальных, вневременных, внепространственных и неизменных. По мнению Н. Винера, «без веры, что природа подчинена закону, не может быть никакой науки» [2, с. 195].

Наконец, есть еще эпистема познаваемости мира, которая выражает веру человека в то, что окружающий мир познаваем нашим разумом, а, следовательно, веру в возможность познания законов природы. Как отмечал все тот же А. Эйнштейн, «основой всей научной работы служит убеждение, что мир представляет собой упорядоченную и познаваемую сущность. Это убеждение зиждется на религиозном чувстве. Моё религиозное чувство – это почтительное восхищение тем порядком, который царит в небольшой части реальности, доступной нашему слабому разуму» [17, с. 142]. Отметим, что далеко не все философы безоговорочно принимали это положение. В истории философии, как всем известно, были те мыслители, которые отрицали познаваемость мира. Их принято называть агностиками. Но наука опирается не на скепсис агностиков, а на философские постулаты гносеологического оптимизма.

В XX веке предпринимались новые попытки, как изгнать веру из науки и философии (позитивизм), так и, напротив, ввести понятие некой «философской веры» (К. Ясперс) [20], способной помочь проникнуть человеку в собственную экзистенцию, постичь уникальный индивидуальный смысл личностного бытия. Это свидетельствует о том, что проблема соотношения знания и веры все ещё остается открытой.

В современной философии на основе отношения веры к разуму принято разли-

чать рациональную веру, которая в значительной степени согласуется с установками разума, и веру нерациональную (некоторые критики ее называют слепой). Для нерациональной веры акт принятия какого-либо положения не требует логического обоснования.

Следует также различать веру и интуицию. Они близки своей очевидностью и неосознанностью ведущего к результату пути. Однако вера затрагивает не только наш разум, но и эмоции, она насыщена психической энергией. Как отмечает А. А. Ивин, «если интуиция – это непосредственное усмотрение истины и добра, то вера – непосредственное тяготение к тому, что представляется истинной или добром; интуиция – способ открытия нового содержания, вера – способ удержания такого содержания в душе и разуме» [13, с. 132].

Вера как возможная связь человека с трансцендентным началом

Обратимся еще раз к природе веры. Кроме уже упоминавшегося нами рассмотрения веры как реакции человека на свое бессилие по отношению к господствующим над ним силам природы или как на психофизиологический механизм защиты от осознания своей конечности в этом мире, встречается попытка усмотреть в вере проявление особой генетической связи между субъектом и объектом познания. В энциклопедическом словаре, посвященном христианству, мы встречаем следующее: «Если вера утверждает более того, что содержится в данных чувственного опыта и выводах разумного мышления, то, значит, она имеет свой корень вне области теоретического познания и ясного сознания вообще. Основания веры лежат глубже знания и мышления, она по отношению к ним есть факт первоначальный, а потому и сильнее их. Она есть более или менее прямое или косвенное, простое или осложненное выражение в сознании досознательной связи субъекта с объектом. Чем проще, общее и неизбежнее эта связь, тем сильнее соответствующая ей вера. Так, всего сильнее мы верим в бытие внешнего мира, потому что эта вера лишь отражает в нашем сознании тот первоначальный, простой и неустранимый факт, что мы, т. е. данный субъект, есть часть общего бытия, член всемирного целого. Так как этот факт предшествует всякому мышлению и

познанию, то и определяемая им вера не может быть устранена никаким мыслительным и познавательным процессом» [14, с. 353]. Из этого положения легко вывести объяснение существования веры в Бога, сославшись на некую генетическую память о первоначальном акте сотворения человека. Однако у этого постулата есть и уязвимое место. Есть немало фактов, когда вера подвела человека. Кроме того, порой у разных людей встречаются противоположные убеждения, основанные на отличной вере. Тогда выходит, что высказанные предположения о связи субъекта и объекта являются заблуждением, либо генетическая память о такой связи может существенно искажаться.

Наибольшее внимание исследованию сущности веры уделяется в религиозной философии. Вера рассматривается здесь как связующее звено между двумя мирами – миром дольным и миром горним. Так, С. Булгаков отмечает: «Как будто от луча света, упавшего с высоты и свыше озарившего собою мир, загорается в душе сознание мира божественного, а вместе и устанавливается грань между горним и дольным, их разделяющая, но вместе и соединяющая. И в этом свете по-иному является этот мир, получается совершенно другой вкус, новое ощущение бытия – чувство мира как удаленного от Бога, но вместе с тем от Него зависящего» [1, с. 16]. Вера, согласно этому подходу, – это особый способ связи человеческого сознания с трансцендентным. Трансцендентное же имеет сверхчувственное и сверхразумное основание, а потому не может быть познано логически. «Трансцендентное, как религиозная категория, не принадлежит имманентному, – “миру” и «я», хотя его касается. К нему нет пути методического восхождения (ибо путь религиозного подвига не имеет в виду познания, не руководится познавательным интересом), оно вне собственной досягаемости для человека, к нему можно стремиться и рваться, но нельзя планомерно, методически приходить. Путь религиозный в этом смысле необходимо есть путь чуда и благодати» [1, с. 24].

Неверно считать, что религиозная философия рассматривает веру как игнорирование всякого опыта. Многие религиозные мыслители, напротив, считают, что она основывается на особом мистическом опыте. Вера определяется ими как соединение человека с Богом через первоначальный опыт встречи с трансцендентным

и последующий мистический опыт богообщения. С. Булгаков отмечает: Вера рождается не от формул катехизиса, но от встречи с Богом в религиозном опыте, на жизненном пути. И вера верит и надеется именно на расширение и углубление этого опыта, что и составляет предмет веры как невидимое и уповаемое. Но человек сам должен совершать это усилие, осуществлять это устремление, поэтому вера есть жизненная задача, подвиг, ибо она может становиться холоднее или огненнее, беднее или богаче. А потому и предмет веры, – ее догматическое содержание, – всегда превышает наличный религиозный опыт» [1, с. 29]. Трансцендентное, по мнению русского религиозного философа, есть тайна, она может приоткрываться лишь в меру вхождения трансцендентного в имманентное, актом самообнаружения, откровения трансцендентного. По Булгакову, следует различать три вида опыта связи с Богом: во-первых, это личный опыт первой встречи с Трансцендентным, в котором Бог открывается человеку. При этом философ ссылается, в том числе, на свой уникальный опыт мистических встреч с Трансцендентным началом, который побудил С. Булгакова порвать с марксизмом и стать священнослужителем. По мнению русского философа, вера основывается на стремлении человека к дальнейшему расширению своего первоначального опыта встречи с трансцендентным. Во-вторых, вера опирается на святоотеческий опыт, который является достоянием духовной культуры народа. В-третьих, вера основывается на соборном опыте, благодаря которому только и смог сложиться символ веры как система основополагающих догматов христианства.

Если атеистическая традиция считает, что человек в акте веры создает Бога, то религиозная традиция исходит из того, что Бог открывается человеку, а потому человек находит в себе Бога или себя в Боге. Но тогда вера, будучи откровением, столь же мало зависит от субъективного настроения, как и знание. Впрочем, сложность заключается в том, что опыт индивидуальной встречи с трансцендентным ни в коей мере не может быть описан с помощью научного языка, к нему неприменимы принципы верификации и фальсификации. По мнению К. Ясперса, попытка рассказать об этом опыте приводит к появлению «шифра трансценденции» – шедевра культуры, созданного человеком, которому открылось нечто со-

кровенное при встрече с трансцендентным [20]. Но это настолько уникальный опыт, что он не предполагает создания алгоритма для его повторения. Конечно, «шифр трансценденции» может быть использован другим человеком для того, чтобы выйти на связь с высшим уровнем бытия, но это не гарантированный путь. Кроме того, всякая новая встреча с трансцендентным будет по-своему уникальна, а значит, по-прежнему невыразима в привычном языке. Невозможно указать маршрут, идя по которому, человек непременно выйдет на встречу с трансцендентным. Поэтому всегда остается место, как для глубокой веры, так и для откровенного скепсиса.

Вера в акте целеполагания и нравственной ориентации человека

Вера – важный элемент ценностного сознания. Человек, будучи духовным существом, проявляет свою сущность в постановке целей. Об уровне его духовности во многом можно судить по той цели, которая является для него предельной, высшей в иерархии целей [см. 7; 8.]. Она раскрывает смысл индивидуального бытия. Конечно, есть люди, которые не задумываются о предельной цели своей жизни. Но такое бытие принято называть животным или растительным. Постановка и принятие предельной цели человеческого существования – это всегда некий акт веры. Подчеркнем значимость не только постановки цели, но и ее принятия. Цель меняет духовное естество человека не тогда, когда она сформулирована и запечатлена в сознании личности, а тогда, когда человек принимает ее, напитывает энергией своей души, перестраивает свой внутренний мир ради достижения конечного результата. Именно такая перестройка названа Э. Гуссерлем «интенцией сознания». Направленность мыслей и чувств на предельную цель способствует преодолению бессмысленности человеческого существования. Этот момент включает воля как средство преодоления препятствий на пути к желаемому результату. Глубокая вера в значимость и достижимость предельной цели является основой полноценной духовной жизни личности.

Конечно, вера играет важную роль и при постановке целей более низкого уровня. Но именно на предельных высотах эта связь, на наш взгляд, наиболее очевидна [см. 5; 6.].

Феномен веры приобретает важнейшее значение для построения цивилизации, поскольку (по крайней мере, с религиозной точки зрения) для большинства людей не существует более сильной мотивации для морального поведения, чем страх Божьего суда – трудно ожидать от человека, что он станет сознательно жертвовать своим благом ради блага ближнего, если не будет при этом внутренне ссылаться на некий трансцендентный, абсолютный авторитет. Впрочем, светская мораль также основывается на вере. Отличие в том, что основание этой веры находится не в трансцендентном, а в нашем эмпирически воспринимаемом мире, в котором нет ничего неизменного. При этом трудно избежать релятивизма нравственных принципов и норм. В любом случае, именно вера становится барьером, препятствующим полному погружению человека в мир исключительно утилитарных приоритетов.

Таким образом, при всей сложности постижения своей природы, вера является атрибутивным элементом человеческого сознания. Она во многом определяет специфику и глубину духовной жизни личности. Без веры невозможна ценностная ориентация человека, на ней основываются нравственные отношения в обществе. Нет и не может быть человека и общества, лишенных какой-либо веры вообще. Вера позволяет человеку органически вписывать себя в окружающий мир, преодолевать ощущение конечности и ограниченности своего бытия.

1. Булгаков С. Н. Свет не вечерний: созерцания и умозрения. М. : Республика, 1994. 415 с.
2. Винер Н. Кибернетика и общество. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 200 с.
3. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М. : Мысль, 1994. 592 с.
4. Лефевр В. А. Познание и вера // Вопросы философии. 2016. № 9. С. 94–97.
5. Лукин А. Н. Медиативный континуум как место человеческого бытия // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. IX. Вып. 3 (37). С. 225–231.
6. Лукин А. Н. Между горним и дольным мирами: где же подлинное место бытия человека? // Социум и власть. 2016. № 4. С. 126–131.
7. Лукин А. Н. Ценностно-целевой аспект человеческого бытия // Социум и власть. 2014. № 6. С. 103–107.
8. Лукин А. Н. Онтология ценностей // Социум и власть. 2011. № 3. С. 104–105.
9. Мажитов И. М. Категории «вера» и «знание» в процессе познания // Успехи современной науки. 2016. Т. 5. № 9. С. 7–9.

10. Смирнов С. А. Соотношение веры и знания: история и современность // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 313. С. 58–61.

11. Тайнов Э. А. Трансцендентальное. Основы православной метафизики. М. : Парад, 2007. 282 с.

12. Философская энциклопедия. Т. 1. М. : Сов. Энцикл., 1960.

13. Философия : энцикл. слов. / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарика, 2004.

14. Христианство : энцикл. слов. : в 2 т. Т. 1. М. : Большая Рос. Энцикл., 1993.

15. Чупров А. С., Яценко О. Ю. Вера как бытие человека // Социум и власть. 2016. № 2 (58). С. 17–24.

16. Шадрин В. Р. Вера как таковая и религиозная вера: аспекты рассмотрения // Вестник науки и образования. 2015. № 4. С. 151–154.

17. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. М. : Наука, 1967.

18. Ярыгин Н. Н. Вера и обыденное сознание // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2-1. С. 11–15.

19. Якименко П. И., Бакланов И. С. Религия как регулятор общественных отношений // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 11-7. С. 140–144.

20. Ясперс К. Разум и экзистенция. М. : Канон+ : Реабилитация, 2013. 336 с.

References

1. Bulgakov S. N. (1994) Svet nevechernij: Sozercaniya i umozreniya. Moscow, Respublika, 415 p. [in Rus].
2. Viner N. (1958) Kibernetika i obshchestvo. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 200 p. [in Rus].
3. Kant I. (1994) Kritika chistogo razuma. Moscow, Mysl', 592 p. [in Rus].
4. Lefevr V.A. (2016) *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 94–97 [in Rus].
5. Lukin A.N (2007) *Lichnost'. Kultura. Obshchestvo*, T. IX, vyp. 3 (37), pp. 225–231 [in Rus].
6. Lukin A.N (2016) *Socium i vlast'*, no. 4. pp. 126–131 [in Rus].
7. Lukin A.N (2014) *Socium i vlast'*, no. 6. pp. 103–107 [in Rus].
8. Lukin A.N (2011) *Socium i vlast'*, no. 3. pp. 104–105 [in Rus].
9. Mazhitov I.M. (2016) *Uspekhi sovremennoj nauki*, T. 5, no. 9, pp. 7–9 [in Rus].
10. Smirnov S.A. (2008) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 313, pp. 58–61 [in Rus].
11. Tajnov E. A. (2007) *Transcendental'noe. Osnovy pravoslavnoj metafiziki*. Moscow, Parad, 282 p. [in Rus].
12. *Filosofskaya ehnciklopediya* (1960). T. 1. Moscow, Sovetskaya ehnciklopediya [in Rus].
13. *Filosofiya: Enciklopedicheskij slovar'*. (2004). Moscow, Gardariki [in Rus].
14. *Hristianstvo. EHnciklopedicheskij slovar': v 2 t.* (1993). T. 1. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya ehnciklopediya [in Rus].
15. Chuprov A.S., Yashchenko O.Yu. (2016) *Socium i vlast'*, no. 2 (58), pp. 17–24 [in Rus].

16. Shadrin V.R. (2015) *Vestnik nauki i obrazovaniya*, no. 4, pp. 151–154 [in Rus].

17. Ejnshtejn A. (1967) *Sobranie nauchnyh trudov*. T. 4. Moscow, Nauka [in Rus].

18. YArygin N.N. (2011) *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, no. 2-1, pp. 11–15 [in Rus].

19. Yakimenko P.I., Baklanov I.S. (2016) *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologij*, no. 11-7, pp.140–144 [in Rus].

20. Yaspers K. (2013) *Razum i ehkzistenciya*. Moscow, Kanon+, Reabilitaciya, 336 p. [in Rus].

For citing: Lukin A.N., Domrachev S.S. Faith as an element of human consciousness // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 15–22.

UDC 130.3

FAITH AS AN ELEMENT OF HUMAN CONSCIOUSNESS

Anatoliy N. Lukin,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Department Chair of Public Administration, Legal Groundwork for State and Municipal Service, Cand. Sc. (Cultural Studies), Associate Professor, The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 41. E-mail: anlukin@mail.ru

Sergey S. Domrachev,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Dean of the Department of Management, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 41. E-mail: ssdomr@chel.ranepa.ru

Annotation

Faith is an important structural element of human consciousness, along with will, knowledge, and emotions. The article analyzes various views on the nature of faith, on its place in spiritual culture, on the correlation of faith and knowledge, faith and intuition. Knowledge of the world around us will never be complete and exhaustive. The process of cognition is based on belief in the cognizability of the world. The authors reveal the role of faith in the process of a person's value orientation. It is faith that gives meaning to human actions. The concept of «faith» is much broader than the concept of «religious faith». Understanding the nature of faith allows you to understand the essence of a man more deeply.

Key concepts:

faith,
spiritual culture,
intuition,
values,
transcendental.

Для цитирования: Александрова Л. Д.
Опыт саморефлексии в контексте
медиакультуры и цифровой культуры //
Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 23–29.

УДК 1.140

ОПЫТ САМОРЕФЛЕКСИИ В КОНТЕКСТЕ МЕДИАРЕАЛЬНОСТИ И ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Александрова Людмила Дмитриевна,
Русско-Британский институт управления,
директор высшей школы менеджмента,
кандидат философских наук,
Российская Федерация, 454014,
г. Челябинск, ул. Ворошилова, 12.
E-mail: Aleks.L.D@rbiu.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрена специфика и существенные характеристики новых медиа, которые лежат в основе современной цифровой (цифровой) культуры. Выявляется проблема атрибутивного и необходимого статуса медиа для осуществления саморефлексии и создания смыслов медиакультуры. Обозначены тенденции к чрезмерному медианасыщению бытия человека множеством частных, относительных, случайных информационных потоков, создающих репрезентативный образ мира.

Ключевые понятия:

новые медиа,
медиакультура,
саморефлексия,
цифровая (дигитальная) культура,
коммуникация,
информация,
онтология,
дискурс,
искусство,
экзистенция,
инновации,
технологии,
информация,
сущность,
интерпретация,
личность,
осмысление.

Введение

Исследования современной культуры уже прошли долгий путь от создания критической теории новых медиа (В. Беньямин, М. Кастельс, Ж. Бодрийяр) до анализа киберкультуры. Однако основной отличительной чертой настоящего времени является экспансия цифровых технологий и создание междисциплинарных проектов типа Digital Humanities, позволяющих определять первую треть XXI в. как Digital culture («дигитальная культура»).

Философская рефлексия всегда являлась одним из важнейших ресурсов устойчивого развития и использовалась человеком и обществом для осмысления интегральных характеристик культуры, создания новых областей знаний и практического преобразования мира в соответствии с поставленными целями. Обращаясь к дефинициям, касающимся существенных характеристик медиакультуры, можно выделить те, которые коренным образом отличаются от традиционного, и являются теоретической и практической проблемой осмысления настоящего и будущего. Например, изменяется процесс формирования и развития личности, происходивший посредством живого опыта, самостоятельного движения к смыслообразованию и формированию универсальных критериев критического мышления и способностью к саморефлексии. Одновременно на смену этому опыту приходит медианасыщение человека множеством частных, относительных, случайных интерпретаций, лавинообразного информирования, создающего репрезентативный образ мира или образ, продуцируемый мышлением с помощью медиа и оцифровки.

Основная часть

Анализ категории «новые медиа», с одной стороны, указывает на специфику формирования и освоения совершенно новых каналов, объектов и способов коммуникации, отличных от аналоговых, «старых», традиционных, которая повлияла на появление таких феноменов как мультимедийность, гипертекстуальность, интерактивность, тотальная информатизация и оцифровка. Поэтому на содержание знаний, полученных в результате рефлексии как динамики мыслительных процессов

и эмоционально-чувственного восприятия мыслящего, оказывают влияние медиа-каналы и средства массовой информации (коммуникации), преобразовывающие их в конструкты медиареальности.

С нашей точки зрения дать исчерпывающее определение понятию «медиа» достаточно трудно в силу того, что медиации отводится универсальное положение, но содержание и формы существования требуется каждый раз уточнять. О какой вариации медиа идет речь: книга, фильм, картина, лекция, каковы технические возможности, содержательное наполнение, масштаб распространения и аудитория? В случае с новыми мульти/масс-медиа, чье технологическое расширение преодолевает пространственные и социальные барьеры, необходимо констатировать их вмешательство в наше мышление, опыт, мировоззрение. Обладая такой вседесущностью и всеохватностью, новые медиа формируют, корректируют и меняют наши представления о реальном, должном, ценностном, достоверном в том бесконечно текущем потоке логики, целесообразности и значимости которого вряд ли возможно четко определить.

Соучастие, содействие являются условиями медиальности, то есть выводят нас в ситуации взаимодействия, переплетая мышление и медиа, формируя связь такого рода, которая придает этому процессу-действию трансцендентальный характер. «Если мы исходим из трансцендентального условия, тогда необходимо ввести следующим условием принцип рефлексивности, так как трансцендентальные обоснования суть рефлексивные обоснования, и непонятно, каковы их эквиваленты применительно к медиа и их техническим детерминантам» [7].

Рефлексивное обоснование сущности технологического развития неизбежно выходит к проблематике существования человека в ситуации риска, опасности, которая исходит от нее. Для М. Хайдеггера размышления о сущности техники представляются в образах потаенности и выхода из неё, раскрытия потаенности, которая заложена в наличии. «Существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду, более или менее ясно, делается состоящей-в-наличии. То сосредоточивающее послание,

которое впервые ставит человека на этот путь раскрытия потаенности, мы называем миссией и судьбой» [11, с. 231]. Такого рода размышления о технике ассоциируют ее с рядом первоначальных понятий «искусство», «мастерство», а также «знание», «мышление». Техника из машины становится инструментом для расширения вовне.

Таким образом, ставится вопрос о технической стороне конструирования и функционирования медиа в центр жизненного мира и соотношения медиа с ним. Нас не интересует буквально техническое, нам важно символическое. Не цифровая (дигитальная) технология, а ее представление в медиа. Стремление к техническому раскрытию потаенности в данном случае приобретает, не только глобальный характер, но и вписывается в исторический контекст технической гонки, которая началась в XIX в. Наиболее убедительно этот процесс представляет дигитализация как перевод жизненного мира и информации в медиальность. Именно здесь темпы роста набрали самый предельный оборот.

Попробуем ответить на экзистенциальный вопрос современности: а что сегодня не медиа? Медиа как посредник в передаче информации, как носитель информации, как канал коммуникации. Движение от медиума к метафоре предполагает деконструкцию различия между собственной и не собственной речью; так, метафоризация может пониматься как перевод в другую сферу, состояние, существование. «Язык, собственная метафора которого не только является концептом медиального, но и предлагает метод его анализа, показывает, как именно она «переводит» сама себя, а именно языковые перевод и содействие в цифровые процессы трансмиссии технических медиа» [7]. Общая модель теории коммуникации и медиа подразумевает множественность переходов, переносов, переводов, т. е. такие ситуации в которых необходима метафора, транс-мост и посредник. Средство коммуникации (или медиум, как это есть в оригинале «medium is the message») как соотношение наиболее справедливо по отношению к интернет-коммуникации. Разворачивая миф о Нарциссе, который употребляет М. Маклюэн не только с точки зрения расширения представлений о себе через зеркало (отражающую поверхность), мы можем его представить как симптом и

диагноз нашего времени. Саморепрезентации в социальных сетях современных медиа наиболее наглядно демонстрируют нарциссизм, как его понимал М. Маклюэн. «С появлением электрической технологии человек расширил, или вынес за пределы себя, живую модель самой центральной нервной системы. В той степени, в какой это действительно произошло, данное событие предполагает отчаянную и самоубийственную самоампутацию, словно центральная нервная система не могла более полагаться на физические органы как защитительный буфер, оберегающий ее от камней и стрел разбушевавшегося механизма» [6, с. 53].

Онтологические модусы медиареальности таковы, что существует осознание эпохального перехода от лингвистического взгляда к визуальному и медиальному принципу построения мира. В свое время постструктуралистская стратегия по отношению к тексту, представленная в работах Р. Барта, Ж. Дерриды, М. Фуко, закрепила в философии такие идеи, как многообразие дискурсивных практик, невозможность существования человека вне текста, деконструкция текста, тотальность языка, как преодоление трансцендентального означаемого [8, с. 1057]. Таким образом постулируется презумпция языковой, текстуальной реальности как исчерпывающе самодостаточной. Постструктурализм расширил понятие «текст», выведя его из лингвистической и литературоведческой зон влияния в широкое философское и культурологическое исследовательское поле. Мир, сконструированный с помощью слов, стал миром, конструирующимся фотографией. Иконический поворот как сдвиг культурной ситуации инициирует появление образа мира, в котором онтологическая проблематика переводится в план анализа визуальных образов, «полотен», клипов. Следуя за онтологическим и лингвистическим поворотами, и фиксируется «отход в средствах коммуникации от вербального способа к визуальному» [9, с. 10]. Но господство нового средства коммуникации изменяет существо восприятия, что в конечном итоге ведет к изменению понятия реальности. Медиальность приобретает главное качество – визуализацию, без которой немислимо представление информации. Слово – речь – текст – теперь недостаточные способы фиксации знания.

Опыт события – сообщения чего угодно от светской хроники до химического опыта – это его изображение/фотография/картинка.

Такое расширение границ текста делает процесс осмысления медиа основополагающим культурфилософским дискурсом. Цифровые технологии переводят, переносят, транспонируют весь архив культуры и наличный опыт в мультимедийную среду. Все стороны жизненного мира, проходя дигитализацию, формируют медиареальность, без которой невозможно представить современности. Цифровое бытие перешло границы фантастического допущения и стало условием настоящего конструирования реальности. Так, размышляя о новом, Б. Гройс [2, с. 40] затрагивает проблему соотношения культурной традиции и инноваций, будь то стремление к будущему или ориентация на прошлое. Истоки нового всегда укоренены в культуре как в иерархии ценностей. «Каждое явление внутри культуры подтверждает или опровергает эту иерархию – или, в большинстве случаев, подтверждает и опровергает одновременно» [2 с. 46]. Таковых примеров сегодня мы можем обнаружить достаточно много. Проходя дигитализацию (оцифровывание), явления культуры внезапно попадают в поле зрения и актуализируются. Здесь культурная иерархия уже не имеет тех четких границ различения, которые декларировались в Новое время, отделяя новое от старого на основе отношения к традиции и ее преодоления. Антропологическое и культурное значение новых медиа, таким образом, видится в расширении архивирования культуры и доступности этого архива для любого потенциального пользователя. Здесь, по мысли Б. Гройса, открывается «бесконечный экстаз рынка мнений» [3, с. 33].

Исходя из вышесказанных предварительных замечаний о медиа, не исчерпывающих всей широты феномена, очевидно, что медиаобразование в контексте философской рефлексии может быть рассмотрено предельно широко. Проблемное поле осмысления затрагивает такие аспекты, как философия техники и технологии, медиафилософия [1], теория коммуникации, современные эпистемологические исследования, философская антропология и частные направления, такие как визуальная культура, социопсихология восприятия медиа.

Одна из ключевых проблем в такой ситуации – доверие к медиа, более конкретно определяемое в педагогических исследованиях как критическое осмысление (как трансцендирование) медиа. Безусловно, это один из важнейших моментов при рассмотрении социализирующей роли медиа, где вскрывается не только традиционная задача передачи опыта и знаний – ценностей – норм, но и их интериоризация индивидом в осуществлении собственной жизненной стратегии. Возможно, что образование первым сталкивается с проблемой соотношения медиального и субмедиального, иными словами, как то, что представлено в медиа, соотносится с материальным. По формулировке Б. Гройса, мы наблюдаем и переживаем медиа-онтологическое подозрение и более широко известное в культуре состояние подозрения к человеку: «С таким же подозрением культура относится ко всем остальным знаковым носителям» [3, с. 33].

Конечно, данная формулировка проблемы более подходит для масс-медиа в самом широком употреблении этого термина. Так, исследуя отношение аудитории к интернет-сообщениям выявляется низкая критичность в их анализе, достоверность информации и источника, как правило, не проясняются, а автоматически передаются или остаются без внимания. Это формирует ситуации распространения недостоверной, а порой и ложной информации. Поэтому допущение медиа в общественное пространство – проект, требующий серьезной редакции контента. Мы не будем останавливаться на анализе образовательных проектов, которые уже активно представлены в медиа, поскольку все сколько-нибудь достойные обсуждения создаются командами профессиональных ученых, педагогов, исследователей чаще всего на университетской базе, то вопрос доверия к содержанию уже лежит в зоне юридической и профессиональной ответственности.

Что по-настоящему представляет интерес в рамках понимания медиа, так это попытка выявить процесс формирования современной картины мира, где медиареальность уже стала привычным способом ее символизации. «Можно сказать, что медиареальность создается символическими кодами власти, которые поставляют обществу модель мира в формах конкретно-чув-

ственного восприятия, а не рационального осмысления происходящего» [5, с. 77]. Кто выступает в роли массмедиального коммуникатора не столь важно, коль скоро нам приходится прорываться сквозь многослойность медиации. Поскольку самооткрытие бытия (по М. Хайдеггеру) требует постоянного расширения вовне и его освоения, в том числе с помощью техники, возникает момент сомнения и саморефлексии. Практико-духовную связь человека с миром М. Хайдеггер называет «заботой», в которой, одновременно и вещи материального мира (внутримировые сущие) обретают смысл бытия (Логос) в отношении к человеческой деятельности. Но если мы не в силах контролировать медиации, то нам остается одна реальность мышления – подозрение. Для современной культуры такая ситуация двойственна, но очевидно, что доведение чего-либо до полной негации может дать положительный эффект, как в случае с картезианским радикальным сомнением. Ведь если единственная доступная реальность мышления – это подозрение, значит, надо продолжать копать, зерно истины где-то спрятано, за очевидной представленностью, которой обладают факты медиареальности, скрывается невиданный эвристический потенциал. Если в самом начале новые медиа критически осмыслялись как опасные для общества, ибо они стирают границы реальности, подменяют ее, убивают персональную идентичность, потворствуют эскапизму, игромании и т. д., то сегодня очевидно, что это лишь цифровая трансформация, просто мир переходит в иной формат. Любая переходная эпоха – это всегда кризис. Таким образом, появляется необходимость свыкнуться с новой реальностью, принять ее и научиться в ней жить. Многие социальные институты, представленные в современной культуре консервативны и болезненно переживают цифровую трансформацию, а участники межкультурной коммуникации теперь должны учитывать медиацию как необходимое условие.

Смыслообразом медиареальности становится его фрагментация (редукция, разрезание, коллажирование). Теория медиа исходит из исследований современного искусства и эстетики, а транслировать опыт этой художественной стратегии можно через медиаобразование. Медиа открывают

свое сообщение, опираясь на художественные стратегии – авангардные и постмодернистские, вовлекая фотографии, кино, клипы в визуальную коммуникацию.

Медиареальность в эпоху цифровой культуры потребовала от человека переосмыслить и осовременить качества личности, мировоззренческие и прикладные компетенции, без которых комфортное и плодотворное существование становится проблематичным. Актуальным для общества стала оцифровка объектно-предметной культуры и формирование нового самобытия (самости) личности, связанного с индивидуальным переживанием о возможности получать целостное (максимальное) знание о мире. На первых порах доминирующим аспектом для человека являлось максимальное информирование и даже увлеченность погружения в динамику медиапотоков, постепенно осознавалась пользовательская сторона, то есть умения, связанные с технологическим освоением того или иного информационно-коммуникативного средства. Затем акцент сместился на поисково-аналитическую область. С появлением сетевой культуры (взаимодействия в социальных сетях) востребованными оказались методики, помогающие собрать информацию, дать оценку, «свернуть» или «развернуть» информацию [4].

Заключение

На сегодняшний день многие из перечисленных проблем и задач решаются в довольно разветвленной системе медиаобразования. Российские и зарубежные эксперты в области медиаобразования сходятся во мнении, что «медиаобразование» (англ. media education – от лат. media – средства) термин, которым обозначают технологию образования, использующую средства массовой коммуникации (кинематограф, видео, интернет, мессенджеры и т. д.) как медиатексты, предполагающие понимание гуманитарного, антропологического, социального, культурного и политического контекста функционирования средств коммуникации и используемых ими способов представления действительности [10, с. 114].

Доступность и демократичность современных медиа практически уравнивает возможности совершенствования не только профессиональных компетенций, но и личного экзистенциального опыта. Обра-

щаясь к массовой аудитории, раскрываются и новые социальные роли человека, например: «человек-просьюмер» – человек – сопроизводитель цифрового контента, игр, новостей, виртуальных карт и т. д. Появление просьюмеров приводит к стиранию границ между потреблением и производством, игрой и работой, свободным временем и трудом, подрывает монополию профессионального сектора, вступает в противоречие с установившейся иерархией в культуре. Таким образом, медиа становятся полем борьбы за легитимное производство смыслов и установление новых культурных норм. Соответственно, медиакультура личности расценивается как современный уровень и результат распространения медиа, влияющих не только на определенный набор компетенций личности, но и на самоидентификацию и экзистенциальный опыт проживания и переживания современной эпохи. Чаще всего его накопление происходит вне рамок и границ какого-либо специально организованного процесса обучения, в процессе реального или медиадialogа. Таким образом, формирование медиакультуры личности – сложный, инновационный, а порой революционный процесс.

Как культура-универсум медиакультура вбирает в себя все основные способы освоения действительности, такие как: мотивационный, контактный, информационный, перцептивный, интерпретационный/оценочный, практико-операционный, креативный. Возвращаясь к осмыслению результатов медиакультуры как экзистенциального опыта, хочется еще раз подчеркнуть, что медиакультура как уровень развития личности является результатом мышления как подозрения, когда за гипертекстуальностью и очевидной представленностью скрывается возможность формирования качественно нового современного типа личности.

1. Визинг Л. Шесть ответов на вопрос «Что такое медиафилософия?» // Издательский центр медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil/ (дата обращения: 11.04.2018).

2. Гройс Б. О новом. Опыт экономики культуры. М. : Ад Маргинем Пресс, 2015. 240 с.

3. Гройс Б. Под подозрением: феноменология медиа / пер. с нем. А. Фоменко. М. : Художественный журнал, 2006. 199 с.

4. Гук А. Медиаобразование как система результативных уровней медийной культуры личности // Информационные ресурсы России. 2013. № 5. URL: http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/irr4925/irr49255567/irr492555675572/irr4925556755725578/ (дата обращения: 01.04.2018).

5. Кузнецова Е. И. Медиареальность как коммуникативный медиум // Медиафилософия II: границы дисциплины : материалы междунар. науч. конф. (21–22 ноября 2008 г.). СПб. : Фак. философии и политологии СПбГУ, 2008. С. 67–79.

6. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М. : Канон-пресс-Ц, 2003. 464 с.

7. Мерш Д. Мета/диа. Два различных подхода к медиальному // Издательский центр медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/mersh_dia/ (дата обращения: 25.04.2018).

8. Можейко М. А. Трансцендентальное означаемое // Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. М. : Кн. дом., 2003. С. 1056–1057.

9. Савчук В. В. Философия фотографии. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 256 с.

10. Федоров А. В. Медиаобразование: история, теория и методика. Ростов : ЦВВР, 2001. 708 с.

11. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Библихина. М. : Республика, 1993. С. 221–238.

12. Галкин Д. В. Понять интерактивность: кибернетика в зеркале эстетики // Гуманитарная информатика. 2010. Вып. 5. С. 47–60.

13. Галкин Д. В. Цифровая культура: горизонты искусственной жизни. Томск : Изд-во ТГУ, 2013. 301 с.

14. Александрова Л. Д. Культура виртуальной коммуникации : монография. Челябинск : Изд-во НОУВПО РБИУ, 2012. 119 с.

15. Кузнецов С. Ощупывание слона: заметки по истории русского Интернета. М. : Новое литератур. обозрение, 2004. URL: <http://vikent.ru/enc/676/> (дата обращения: 26.04.2018).

16. Криволап А. Девальвация медиа-активизма: от «DIY» до «I LIKE» / Международный журнал исследований культуры, тема номера «Цифровая культура». URL: <https://culturalresearch.ru/ru/media/73-devact> (дата обращения: 27.04.2018).

17. Медиа. Электронная библиотека Института философии РАН. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH016ac36ab16e2b770addf56a> (дата обращения: 28.04.2018).

18. Метальникова В. Гаджеты и смыслы. Интернет-технологии и их влияние на культурные практики // Международный журнал исследований культуры. Цифровая культура. URL: <https://culturalresearch.ru/ru/media/71-gadgets> (дата обращения: 27.04.2018).

19. Кириллова. Н. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М. : Академ. проект, 2006. 448 с. URL: <https://www.ifap.ru/library/book380.pdf> (дата обращения: 28.04.2018).

20. Галкин Д. В. Бинарный язык и виртуальный дискурс: к философии цифровой культуры // Гуманитарная информатика. 2004. Вып. 1. С. 30–40.

References

1. Vizing L. Shest' otvetov na vopros «Chto takoe mediafilosofija?» [Media philosophy – what is it?] / Izdatel'skij centr mediafilosofii. Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/vizing_mediaphil, accessed 11.04.2018 [in Rus].

2. Grojs B. (2015) O novom. Opyt jekonomiki kul'tury [About the new. Experience of the culture economy]. Moscow, Ad Marginem Press, 240 p. [in Rus].

3. Grojs B. (2006) Pod podozreniem: fenomenologija media [Under suspicion: the media phenomenology] / per. s nem. A. Fomenko. Moscow, Hudozhestvennyj zhurnal, 199 p. [in Rus].

4. Guk A. Mediaobrazovanie kak sistema rezul'tativnyh urovnej medijnoj kul'tury lichnosti. [Media education as a system of effective levels of personality media culture]. Available at: http://www.aselibrary.ru/press_center/journal/irr/irr4925/irr49255567/irr492555675572/irr4925556755725578, accessed 01.04.2018 [in Rus].

5. Kuznecova Ye.I. (2008) Mediareal'nost' kak kommunikativnyj medium [Media Reality as a communicative medium]. St. Petersburg, Fakul'tet filosofii i politologii SPbGU, pp. 67–79 [in Rus].

6. Makljuven G.M. (2003) Ponimanie media: Vneshnie rasshirenija cheloveka [Understand the media: external human expansions]. Moscow, Kanon-press-C, Kuchkovo pole, 464 p. [in Rus].

7. Mersh D. Meta/dia. Dva razlichnyh podhoda k medial'nomu [Meta / dia. Approaches to medial] // Izdatel'skij centr mediafilosofii. Available at: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/mersh_dia, accessed 25.04.2018 [in Rus].

8. Mozhejko M.A. (2003) Transcendental'noe oznachaemoe [The transcendental signified] // Novejšij filosofskij slovar. Minsk, Knizhnyj dom, pp. 1056–1057 [in Rus].

9. Savchuk V.V. (2005) Filosofija fotografii [Philosophy of photography]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 256 p. [in Rus].

10. Fedorov A.V. (2001) Mediaobrazovanie: istorija, teorija i metodika [Media education: history, theory and methodology]. Rostov, CVVR, 708 p. [in Rus].

11. Hajdegger M. (1993) Vopros o tehnikе [The question about technology] // Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija: per. s nem. V.V. Bibihina. Moscow, Respublika, pp. 221–238 [in Rus].

12. Galkin D.V. (2010) *Gumanitarnaya informatika*, vyp. 5, pp. 47–60 [in Rus].

13. Galkin D.V. (2013) Tsifrovaya kul'tura: gorizonty iskusstvennoj zhizni [Digital culture: artificial life horizons]. Tomsk, Izd-vo TGU, 301 p. [in Rus].

14. Aleksandrova L.D. (2012) Kul'tura virtual'noy kommunikatsii [Virtual communication culture]. Chelyabinsk, Izdatel'stvo NOUVPO RBIU, 119 p. [in Rus].

15. Kuznetsov S. (2004) Oshchupyvaniye slona: zametki po istorii russkogo Inter-

neta [Feeling of an elephant: notes on the history of the Russian Internet]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye. Available at: <http://vikent.ru/enc/676>, accessed 26.04.2018 [in Rus].

16. Krivolap A. Deval'vatsiya media-aktivizma: ot «DIY» do «I LIKE» [Media Devaluation activism: from «DIY» to «I LIKE»] // Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury. Tsifrovaya kul'tura. Available at: <https://culturalresearch.ru/ru/media/73-devact>, accessed 27.04.2018 [in Rus].

17. Media. Elektronnaya biblioteka Instituta filosofii RAN. Available at: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH016ac36ab16e2b770addf56a>, accessed 28.04.2018 [in Rus].

18. Metal'nikova V. Gadzhety i smysly. Internet-tehnologii i ikh vliyaniye na kul'turnyye praktiki [Gadgets and meanings. Internet technologies and their impact on cultural practices] // Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury. Tsifrovaya kul'tura. Available at: <https://culturalresearch.ru/ru/media/71-gadgets>, accessed 27.04.2018 [in Rus].

19. Kirillova. N. (2006) Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu [Media culture: from the modern to the postmodern]. Moscow, Akademicheskii Proekt, 448 p. Available at: <https://www.ifap.ru/library/book380.pdf>, accessed 28.04.2018 [in Rus].

20. Galkin D.V. (2004) *Gumanitarnaya informatika*, iss. 1, pp. 30–40 [in Rus].

For citing: Aleksandrova L.D. Experience of self-reflection in the context of media reality and digital culture // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 23–29.

UDC 1.140

EXPERIENCE OF SELF-REFLECTION IN THE CONTEXT OF MEDIA REALITY AND DIGITAL CULTURE

Lyudmila D. Aleksandrova,

Russian-British Institute of Management,
Director of the Higher School of Management,
Cand. Sc. (Philosophy),
The Russian Federation, 454014,
Chelyabinsk, ulitsa Voroshilova, 12.
E-mail: Aleks.L.D@rbiu.ru

Annotation

The article considers peculiarities and essential features of new media, which are in the basis of up-to-date digital culture. The author identifies the problem of attributive of the media status and necessary for realizing self-reflection and creating meanings of media reality. Tendencies towards excessive media saturation of a human's existence with a great number of private, relative, accidental information flows, creating representative image of the world are emphasized.

Key concepts:

new media,
media culture,
self-reflection,
digital culture,
communication,
information,
ontology,
discourse,
art,
existence,
innovations,
technologies,
information,
essence,
interpretation,
personality,
understanding.

Для цитирования: Иванова Л. Л.,
Ревягина Н. Г., Яланский А. П.
Коррупционные практики в современной России:
объективность наличия и сложности оценки //
Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 30–37.

УДК 32.019.5

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЪЕКТИВНОСТЬ НАЛИЧИЯ И СЛОЖНОСТИ ОЦЕНКИ

Иванова Людмила Леонидовна,

Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доцент кафедры политологии и этнополитики,
кандидат политических наук, доцент.
Российская Федерация, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.
E-mail: ivanovalrostov@yandex.ru

Ревягина Наталья Григорьевна,

Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
доцент кафедры политологии и этнополитики,
кандидат политических наук, доцент.
Российская Федерация, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.
E-mail: fpk@uri.ranepa.ru

Яланский Александр Павлович,

Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
ведущий специалист лаборатории
проблем повышения эффективности
государственного
и муниципального управления,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.
E-mail: mitsrostov@mail.ru

Аннотация

В статье проведен анализ некоторых методик
оценки уровня коррупционных практик в совре-
менной России. В ходе исследования авторы
указывают на основные причины высокой
коррупциогенности общества, а также выделяют
достоинства и недостатки некоторых оценочных
методик коррупционной проблематики.

Ключевые понятия:

коррупция,
коррупционные практики,
социологический опрос,
экспертные оценки.

Неоспоримо негативное влияние кор-
рупционных проявлений на все сферы
общественной жизни, духовное начало и
нравственные основы общества. Распро-
странившись как в бедных, так и богатых
государствах, коррупция обратила на себя
пристальное внимание мирового сообще-
ства, получив характеристику глобальной
проблемы современности [13, с. 178]. Ее суть
и основная угроза для большинства совре-
менных государств заключается в том, что
любой человек, обладающий властью по
своему усмотрению распределять непри-
надлежащие ему ресурсы, естественным
образом может быть подвержен соблазну
коррупционных злоупотреблений.

Многовековая история оценки опасно-
сти коррупционных проявлений просле-
живается начиная с античных времен. Еще
Аристотель в известном труде «Политика»
отмечал, что «самое главное при всяком го-
сударственном строе – это посредством зако-
нов и остального распорядка устроить дело
так, чтобы должностным лицам невозможно
было наживаться» [2, с. 547]. Спустя столетия
французский просветитель Ш. Монтескье
продолжил эту мысль: «Известно уже по опы-
ту веков, что всякий человек, обладающий
властью, склонен злоупотреблять ею, и он
идет в этом направлении, пока не достигнет
положенного ему предела» [14, с. 289]. При
изучении работы ученых нашего времени,
посвященные феномену коррупции, сразу
бросается в глаза многоаспектность их под-
ходов. Так, например, духовно-нравственно-
му фундаменту противодействия коррупции
посвящено исследование А. И. Овчинникова
и В. И. Фатхи [15]; о проблемных вопросах,
связанных с необходимостью ограниче-
ния чиновничьего произвола в России на
примере некоторых наиболее коррумпир-
ованных современных государств говорят
в своей монографии Г. А. Прокопович и
А. Б. Артемьев [17]. Индикаторы корруп-
ционной деятельности в органах государ-
ственного и муниципального управления
выделяют в своей работе С. А. Воронцов,
А. В. Понеделков, Зырянов [5]; генезис кор-
рупции в элитологическом контексте рассма-
тривает О. А. Артюхин [3]. Поиск эффектив-
ных методов противодействия коррупции на
региональном уровне ведут в своей статье
Д. К. Григорян, А. А. Крицкая и И. В. Кисе-
лев [8]; политическим механизмам борьбы
с коррупцией посвящено диссертационное
исследование В. Н. Прокуратова [18].

Обилие научных исследований анти-
коррупционной проблематики, казалось
бы, подтверждает широко распространен-

ное мнение о том, что в российском государстве коррупция является «хроническим заболеванием». Между тем, нам представляется, что с достаточно большой долей уверенности можно утверждать, что как в современной российской практике, так и в истории нашей страны достаточно актуальным является феномен самых разнообразных мифов¹ о коррупции, или фейков, как принято сейчас говорить с подачи американского президента Д. Трампа. При этом, как представляется, существуют как явные (привычные) объекты мифологизации, так и те, о которых по известной русской поговорке можно сказать, что нет дыма без огня.

Между тем, уверенность относительно значительной распространенности коррупции в современном российском обществе даже у вполне патриотичных граждан (не говоря о ее недоброжелателях) достаточно велика. Подобные мнения зачастую подкрепляются соответствующими «обоснованиями». Так, по данным международного антикоррупционного агентства «Transparency International», в 2017 г. в индексе восприятия коррупции Россия набрала 29 баллов из 100 и заняла 135-е место из 180, получив одинаковый результат с Доминиканской республикой, Гондурасом, Кыргызстаном, Лаосом, Мексикой, Папуа – Новой Гвинеей и Парагваем². Результаты социологических опросов Левада-центра, основанные на другой, более объективной, методике, также свидетельствуют о том, что коррупция, по мнению россиян, является одной самых серьезных для страны проблем. Как еще более значимые в исследовании указаны инфляция, рост безработицы, нестабильность курса рубля и расслоение на богатых и бедных³. В то же время в «Российском статистическом ежегоднике – 2017» – издании Федеральной службы государственной статистики, отражающем явления и процессы в экономической, социальной и политической жизни страны, такого понятия как «коррупция» вообще нет. В разделе «Правонарушения» содержатся данные о зарегистрированных преступлениях с формулировкой

«взяточничество»⁴. С точки зрения авторов методики исследования, проведенного, например, Transparency International, подобный «ход» российского правительства можно было бы охарактеризовать как попытку занижения показателей коррупции в современной России, однако, если разобратся внимательнее, подобная методика оценки коррупции статистически и будет наиболее верной. Так, например, поддержанные членом совета по внешней и оборонной политике при Президенте РФ генерал-лейтенантом полиции А. Г. Михайловым специалистами Южно-Российского института РАНХиГС в своем пособии по основам противодействия коррупции [4, с. 8] указывают на то, что коррупцию можно рассматривать как в узком, так и в широком понимании. В такой интерпретации взяточничество действительно выступает синонимом проявления (с возможностью статистической фиксации) коррупции в узком смысле понимания этого феномена. Большая же часть ее проявлений в широком смысле слова и как правонарушений (различных проявлений мздоимства и лихоимства), и тем более как этических отклонений статистически не только не могут быть зафиксированы, но и могут трактоваться весьма широко. В контексте такого подхода абсолютно понятен тезис В. В. Лунеева о том, что «регистраемая преступность лишь примерно и неполно отражает преступность реальную, но государственный учет преступлений при всех его недочетах является единственной более или менее показательной статистической базой» [12, с. 407]. Отсюда, по нашему мнению, справедлив и вывод о том, что анализ официальной статистики при характеристике коррупции также может иметь лишь вспомогательное значение, позволяя дать косвенные оценки. В этой связи следует согласиться с экспертным мнением о трудоемкости выявления коррупционных фактов, вследствие чего действительно доказанных (а значит, и статистически учтенных) коррупционных преступлений не может быть слишком много.

Таким образом, объективность существующих суждений о коррупции в России весьма противоречива, прежде всего потому, что большинство наиболее «авторитетных» исследователей, используя массив различных методов (от социологических опросов и эмпирического наблюдения до сложных математических расчетов), как правило, ставят

¹ См., напр., известную серию публикаций В. Мединского «Мифы о России».

² Россия в Индексе восприятия коррупции – 2017: посадки не помогли // Трансперенси Интернешнл Россия. URL: <https://www.transparency.org.ru/research/v-rossii/rossiya-v-indekse-vospriyatija-korrupsii-2017-posadki-ne-pomogli.html> (дата обращения: 14.03.2018).

³ Коррупция стала беспокоить россиян больше войны на Украине // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/31/08/2015/55e44fb09a794703918a385d> (дата обращения: 30.01.2018)

⁴ Российский статистический ежегодник – 2017. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b17_13/Main.htm (дата обращения: 10.03.2018).

перед собой цель измерить ее масштабы. В то же время выявление показателей, реально оказывающих влияние на указанную проблему, является довольно трудным делом из-за сложности получения достоверных данных. В связи с этим вполне закономерно, что даже эксперты приходят к различным выводам в оценке такого противоречивого феномена как современная коррупция.

С одной стороны, непрекращающаяся череда громких коррупционных скандалов, касающихся крупных российских чиновников (дела Гейзера, Хорошавина, Денина, Дудки, Белых, Улюкаева и др.), позволяет уверенно заявлять: «Ну вот, воруют же!». С другой стороны, в демократическом правовом государстве любое обвинение в преступлении считается правомочным только после решения суда. Однако анализ судебной статистики свидетельствует, что зачастую при вынесении судами приговора лицам, обвиненным в коррупционных преступлениях, назначается наказание ниже низшего предела, предусмотренного санкциями УК РФ, либо, что, на наш взгляд, и вовсе «парадоксально», виновному назначается штраф, сумма которого в разы ниже суммы взяток, за которые он осужден [10, с. 24].

К примеру, по данным прокуратуры РФ за последние десять лет в Российской Федерации выявлено свыше 3 млн нарушений законодательства о противодействии коррупции¹. Среди методик выявления данных нарушений, как правило, используются: антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов; проверка достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; анализ соблюдения требований к служебному поведению и контроль за расходами государственных служащих; мониторинг сообщений средств массовой информации на предмет выявления сведений о правонарушениях коррупционной направленности (позволяет проводить проверки по изложенным в публикациях доводам и при наличии оснований принимать меры прокурорского реагирования) и проч. Однако тот факт, что огромное число коррупционеров оставалось и остается безнаказанным является реальностью, о которой хорошо осведомлены наши сограждане [10, с. 23].

Среди причин увеличения количества нераскрытых коррупционных преступлений и роста числа уголовных дел, прекращенных

судом за недоказанностью вины подсудимых, исследователи выделяют проблему кадрового обеспечения органов внутренних дел, низкий уровень профессионализма сотрудников, осуществляющих выявление фактов и расследование по делам, связанным с коррупцией [6, с. 111], что зачастую приводит к утрате доказательной базы, и, вследствие этого, до судебного разбирательства доводятся в основном малозначительные деяния. К тому же и сами сотрудники правоохранительных органов, к сожалению, не только не всегда добросовестно следуют антикоррупционному законодательству, но и во многих случаях сами по-человечески поддаются коррупционным соблазнам [1, с. 5], что обусловлено длительным генезисом криминогенных факторов экономического, политического, духовно-нравственного характера, которые порождены не только и не столько негативными процессами в самой системе правоохранительных органов, сколько всеобщей деформацией социально значимых ориентиров, коммерциализацией всех жизненных сфер, сведением на нет правовой пропаганды и воспитания населения [11, с. 23]. Сложность выявления преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов, а также всевозможные варианты сокрытия этих преступлений от учета объясняются не только общими для всех преступлений причинами, но и сугубо специфическими. Складывается ситуация, когда подчиненные замалчивают факты коррупционного поведения начальников, а последние смотрят «сквозь пальцы» на нарушения первых. Классический принцип неотвратимости наказания в рассматриваемой сфере практически не действует [11, с. 31]. Также можно предположить, что при всей нетерпимости к коррупционным практикам в контексте логики правоохранительной деятельности в реализации мер антикоррупционной политики по отношению к ним очень часто имеет место (и это не только российская практика) либо отсрочка команды на пресечение коррупционных деяний, либо откровенный мораторий на какие-либо санкции в отношении коррупционеров.

Таким образом, рассуждая о действительных параметрах современных коррупционных практик, учитывая, что указанные выше обстоятельства весьма затрудняют применение принципов элементарной объективности к исследованию феномена современной коррупции, можно констатировать их неизбежную оценочность, субъективность и т. п. характеристики, указыва-

¹ Коррупция нанесла РФ ущерб на 130 млрд рублей за 2,5 года // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/08/09/10825598.shtml?updated> (дата обращения: 17.02.2018).

ющие на вероятностный характер подобных оценок. Наше мнение подтверждается тезисом Э. Л. Сидоренко об односторонности большинства из проводимых опросов восприятия коррупции, а также несоблюдении требований валидности и надежности измерений [20, с. 84]. В свою очередь, к недостаткам методики определения индекса восприятия коррупции, разработанной международным антикоррупционным агентством «Transparency International», например, можно отнести специфическую технологию расчета, использующую исключительно статистические параметры без учета экономических индикаторов, а также упор на мнение специалистов, которые чаще всего объективно не могут быть осведомлены не только в массовых или эпизодических, но даже в единичных случаях коррупционных злоупотреблений в России. Нам представляется, что в отношении повышения действительной объективности оценок коррупции одним из наиболее экстропективных ее параметров может являться обязательное допущение определенной погрешности суждений о реальной коррупции. В такой ситуации, чем более категоричным будет суждение о степени коррупции, тем больше должна оцениваться вероятность его необъективности.

Между тем, очевидно, что следование нашей логике порождает следующие вопросы: «Как же выйти из охарактеризованного выше методологического затруднения? Как понять действительный размер проблемы?» Без ответа на эти вопросы вряд ли возможно ожидать адекватного понимания сути коррупции, а также применения действенных мер государственной антикоррупционной политики.

Представляется, что одним из вариантов ответа на поставленные вопросы может быть использование результатов социологических опросов специалистов экспертного уровня. При всех недостатках этого метода результаты подобных опросов хотя и основываются на субъективных мнениях экспертов, однако погрешности индивидуальных оценок нивелируются законами больших чисел (опросы, как правило, предполагают работу с достаточно большим числом не связанных друг с другом экспертов). Кроме того, факт проникновения субъективных подходов в плоскость объективной оценки, лежащий в основе методологии экспертных методов, призван обеспечить более точное и адекватное отображение свойств и признаков оцениваемого объекта [9, с. 34].

Подобные опросы по самым разным актуальным проблемам социально-политической природы на протяжении нескольких лет достаточно успешно организует Лаборатория проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления РАНХиГС. Обратимся, например, к результатам исследований, проведенных Лабораторией еще в 2015 г. Одно из исследований, проведенное в феврале – марте 2015 г. в 12 регионах Российской Федерации, касалось оценки эффективности местного самоуправления [16]. Второе посвящено оценке проблем национальной безопасности на региональном уровне. Оно было проведено в августе – сентябре 2015 г. [19]. Экспертами в указанных опросах выступали представители региональной политико-административной элиты, авторитетные государственные и муниципальные служащие, общественные деятели, представители региональных СМИ, ученые и т. д. Принципиально отметить, что оба исследования не были посвящены непосредственно коррупционной проблематике.

Любопытно, что, оценивая причины того, почему не реализуются должным образом полномочия органов местного самоуправления, эксперты в некоторых регионах страны (Ростовская область, Краснодарский край) вообще не назвали коррупцию. В целом ряде других регионов (Алтайский край, Республики Башкортостан и Татарстан, Курганская и Московская области, Ямало-Ненецкий автономный округ) на актуальность коррупции в данном аспекте оценки органов местного самоуправления указали только от 2 до 4 % опрошенных респондентов. Самую большую значимость (20 %) среди других предложенных факторов коррупционные практики получили у экспертов Приморского края.

Таким образом, по мнению опрошенных экспертов, коррупция не является важнейшим фактором, снижающим эффективность деятельности органов местного самоуправления. С другой стороны, по данным того же опроса [16], коррупция в органах местного самоуправления являлась основанием для недоверия к ним со стороны населения, по мнению от 3 (Курганская область) до 40 % (Челябинская область) респондентов. Налицо существенное расхождение во мнениях. Специалисты, непосредственно находящиеся в системе муниципальной власти или соприкасающиеся с ней, указывают на неактуальность коррупционных практик для реализации органами местной власти своих

полномочий и в то же время констатируют существенное (до 40 %) недоверие к ним со стороны граждан по причинам коррумпированности.

Такая противоречивость в оценках, по нашему мнению, в какой-то мере характеризует различия профессионального и обывательского мнений. Некоторые исследователи считают, что сегодня коррупция стала менее воспринимаемой и осуждаемой обществом, чему в немалой степени способствовали пробелы в правовом воспитании населения, а также усилия некоторых политиков и высокопоставленных чиновников узаконить соответствующие отношения в качестве неотъемлемого элемента государственной службы [7, с. 158]. Согласимся с С. М. Иншаковым в том, что высокая степень социальной терпимости в отношении к коррупционерам проявляется только тогда, когда речь идет о мерах жесткого государственного реагирования на нее. При этом, по его мнению, личные проблемы обыватели по возможности предпочитают решать с помощью взяток [10, с. 25].

Коррупция, воспринимаемая населением как «привычное зло»¹, оценивается неоднозначно. Еще Аристотель утверждал, что «масса, отстраняемая от участия в государственном управлении, не очень уж негодует по этому поводу, напротив, она даже довольна, если каждому предоставляют возможность спокойно заниматься своими частными делами; но если она думает, что правители расхищают общественное добро, тогда ее огорчает то, что она не пользуется ни почетными правами, ни прибылью» [2, с. 547]. Интерпретируя приведенные выше результаты экспертных опросов, можно сказать, что граждане (по мнению экспертов), даже не зная реальных причин неэффективности местных властей, склонны упрекать их в коррупции. Этот же тезис находит свое подтверждение в исследовании О. Матвейчева и А. Акопяна, которые заключают, что «все считают, что победа над коррупцией сразу улучшит нашу жизнь. Вот если бы не коррупция, то все жили бы в роскоши, бюджет был бы под завязку заполнен деньгами, которых хватало бы на все»².

С другой стороны, специалисты также не всегда последовательны в своих оценках. Как говорилось выше, респонденты из Ростовской области не назвали коррупцию

¹ Так устроены русские // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/14/tak-ustroeny-russkie/> (дата обращения: 15.02.2018)

² Матвейчев О., Акопян А. Мифы о коррупции. URL: <http://mif-corr.ru/> (дата обращения 12.02.2018).

в качестве фактора, сдерживающего реализацию органами местной власти своих полномочий. Основным фактором, влияющим на результативность деятельности органов муниципальной власти, 73 % этих респондентов назвали отсутствие у местной власти достаточных финансовых ресурсов. В то же время 48 % опрошенных в качестве основного направления модернизации местной власти указали на необходимость антикоррупционного очищения аппарата.

По нашему мнению, приведенные результаты эмпирических исследований при всей их кажущейся противоречивости указывают на то, что парадоксальность оценки коррупционных практик в разных слоях российского общества требует дополнительных, более детальных исследований, а ни в коем случае ни категоричных суждений о тотальной коррумпированности органов государственной и муниципальной власти.

В защиту тезиса о необходимости дополнительных исследований проблем коррупции и придания им гласности говорит и то, что в ходе проведенных исследований опрошенные эксперты продемонстрировали свою относительную (по сравнению, например, с оперативными работниками правоохранительных органов) неосведомленность в отношении коррупционных практик. Многие из них, например, указали, что в качестве основного источника информации о проявлениях коррупции они считают ресурсы Интернета. Так высказался 21 % респондентов в Московской области, 23 % – в Ямало-Ненецком автономном округе, 28 % – в Приморском крае, 30 % – в республике Башкортостан, 53 % – в Астраханской, 69 % – в Ростовской и 72 % – в Кировской областях, а также 78 % – в Краснодарском крае и 79 % – в Челябинской области.

Между тем, использование ресурсов Интернета для повышения своей осведомленности о коррупционных практиках, по нашему мнению, не дискредитирует опрошенных экспертов (специалистов органов государственной власти и управления, работников СМИ, ученых и т. д.). В подавляющем большинстве они не являлись профессиональными правоохранителями. Наоборот, приведенные данные указывают на то, что, с одной стороны, опрошенные эксперты интересуются проблемами коррупции, используя все доступные средства, и с другой – что объективные сведения о коррупции естественным образом не лежат на поверхности: зачастую они скрыты от глаз обывателей и достаточно редко предаются огласке в средствах массовой информации,

а судопроизводство по таким делам, как правило, проводится в закрытом режиме. Вследствие чего, суждения о них не могут иметь форму очевидных истин.

Необходимость широкого конструктивного обсуждения коррупционной проблематики (на фоне реальной борьбы с коррупцией силами правоохранительных органов), по нашему мнению, вернет не только заинтересованность общества в избавлении от коррупционных практик, но и сделает его представителей более последовательными в этом. Основаниями для подобных выводов опять-таки являются, с одной стороны, результаты указанных выше исследований, а также доступные сведения все в тех же ресурсах Интернета.

Так, например, исследование, проведенное Лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления Южно-Российского института управления РАНХиГС, указывает на эффективность опыта использования антикоррупционных практик. В частности, достаточно эффективной практикой считается использование телефонов доверия. В опросах с этим тезисом согласилось от 31 (Ростовская область) до 7 % (Приморский край) респондентов. Одним из инструментов противодействия коррупции, получивших положительные оценки населения, выступают многофункциональные центры предоставления государственных муниципальных услуг, создание которых было направлено на исключение взаимодействия заявителя с представителями органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, тем самым работая на снижение проявления коррупции и повышение качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг. А вот среди неэффективных способов вовлечения широких масс граждан в борьбу с коррупцией оказался такой проект, как интернет-портал «Российская общественная инициатива»¹. На портале содержится около 40 гражданских инициатив антикоррупционной проблематики, которые (в целом!) поддержаны 60 тысячами граждан. Такая реакция общества не может иметь никакого продолжения, так как по действующему законодательству государственное сопровождение может получить только та инициатива, которая поддержана не менее 100 тысячами сторонников. К тому же, если проанализировать эти инициативы,

многие из них выглядят популистски и неконструктивно.

Несмотря на неприятность приведенных фактов (кого порадует вывод, что здоровые антикоррупционные инициативы власти не получают широкой поддержки в обществе?), по нашему мнению, они могут быть объяснены. Один из вариантов объяснения опять-таки подсказывают результаты указанных выше исследований. В исследовании о проблемах национальной безопасности на региональном уровне [19] более 75 % опрошенных экспертов охарактеризовали существующий уровень антикоррупционной безопасности в России как низкий или скорее низкий. Тем не менее, из 18 предложенных аспектов национальной безопасности антикоррупционную безопасность они поставили только на 5 место. Впереди оказались (по степени приоритетности) военное, экономическое, антитеррористическое и криминальное направления национальной безопасности. Может, это многое объясняет? Ни общество, ни власть объективно не готовы ставить борьбу с коррупционными практиками на первое место до устранения перечисленных угроз. Если проанализировать приоритетность указанных опасностей, вполне можно согласиться с экспертами в их оценке.

В такой ситуации и характеристика объективности актуальности феномена коррупции не может с одной стороны игнорироваться, а с другой стороны – искусственно завышаться. По нашему мнению, в отношении коррупции должны продолжаться реализовываться меры антикоррупционной политики, а также совершенствоваться методики оценки объективной значимости феномена коррупции для современного российского общества.

Совершенствование методик оценки коррупционных практик представляет важный сегмент антикоррупционной политики. Исследование ее эффективности является социально востребованным вследствие ожиданий положительных результатов от ее реализации, которые должны характеризоваться тем, что предпринимаемые меры гарантированно препятствуют распространению коррупционных практик вплоть до максимально возможного избавления от них.

1. Александров С. Г. Правовой механизм борьбы полиции с коррупцией : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Моск. у-т МВД Рос. Федерации, 2005. 39 с.

¹ Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/search/?q=коррупц&page=2> (дата обращения: 23.12.2017).

2. Аристотель. Политика // Соч. : в 4 т. Т. 4. Кн. 5. М. : Мысль, 1983. 832 с.

3. Артюхин О. А., Григорян Д. К., Крицкая А. А., Кадурина Н. В. Элитологические факторы коррупции: аксиологический подход // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 94–97.

4. Воронцов С. А., Понеделков А. В., Буров А. В. Основы противодействия коррупции : учеб.-метод. пособие. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016. 256 с.

5. Воронцов С. А., Понеделков А. В., Зырянов С. Г. Индикаторы коррупционной деятельности в системе государственной власти и местного самоуправления РФ // Социум и власть. 2017. № 1 (63). С. 30–37.

6. Гиниятуллина Л. И. Коррупция в правоохранительных органах: анализ причин и условий и мер по их предотвращению // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2016. Т. 1. С. 110–112.

7. Григорьева Е. О., Петренко Н. И. История российской коррупции // Марийский юридический вестник. 2015. № 1 (12). С. 157–158.

8. Григорян Д. К., Крицкая А. А., Киселев И. В. Пути повышения эффективности противодействия коррупции в органах государственной власти субъектов Российской Федерации: элитарный подход // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 2 (93). С. 140–145.

9. Дорохова Ю. В., Гончарук Н. С. Использование метода экспертных оценок при прогнозировании социальных процессов // Среднерусский вестник общественных наук. № 1. 2013. С. 34–44.

10. Иншаков С. М. Факторы коррупционной преступности и перспективы противодействия ей // Криминологический журнал. 2009. № 4 (10). С. 23–29.

11. Коррупция в правоохранительных органах. Сборник научных докладов. М. : Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2014. 126 с.

12. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. М. : Норма, 1997. 480 с.

13. Моисеев В. В., Ницевич В. Ф. Коррупция как глобальная проблема: история и современность // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1. С. 177–182.

14. Монтескье Ш. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 803 с.

15. Овчинников А. И., Фатхи В. И. Коррупционные вызовы национальной безопасности: философско-правовой аспект // Философия права. 2015. № 4 (71). С. 76–80.

16. Понеделков А. В., Старостин А. М., Ляхов В. П. Эффективность местного самоуправления в зеркале общественного мнения и экспертных оценок: итоги исследований последнего пятнадцатилетия (2001–2015 гг.) // Информационно-аналитические материалы научно-практической конференции с международным участием «Проблемы повышения эффективности местного самоуправления в условиях современных реформ и политических процессов в современной России», 07–08 апреля 2015 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. 480 с.

17. Прокопович Г. А., Артемьев А. Б. Коррупция и методы ее ограничения: теоретико-правовое исследование. М. : Моск. ун-т им. С. Ю. Витте, 2017. 284 с.

18. Прокуратов В. Н. Политические механизмы противодействия коррупции в современной России: состояние, перспективы развития : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2015. 30 с.

19. Рудой В. В., Шутов А. Ю., Понеделков А. В., Воронцов С. А., Жеухин О. А. и др. Проблемы национальной безопасности: региональный уровень // Информационно-аналитические материалы Круглого стола с международным участием в рамках научно-практической конференции «Великая Отечественная война в исторической памяти поколений». 23–24 октября 2015 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. 272 с.

20. Сидоренко Э. Л. К вопросу о современных направлениях криминологического исследования коррупции // Общество и право. 2016. № 4 (58). С. 83–87.

References

1. Aleksandrov S.G. (2005) *Pravovoj mehanizm bor'by policii s korrupciej*. Absrtract of thesis. Moscow, Moskovskij universitet MVD Rossijskoj Federacii, 39 p. [in Rus].

2. Aristotel' (1983) *Politika* // Aristotel'. Sochinenija: v 4 t. T. 4. Kn. 5. Moscow, Mysl', 440 p. [in Rus].

3. Artjuhin O.A., Grigorjan D.K., Krickaja A.A., Kadurina N.V. (2018) *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, no. 1 (92), pp. 94–97 [in Rus].

4. Voroncov S.A., Ponedelkov A.V., Burov A.V. (2016) *Osnovy protivodejstvija korrupcii*. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo JuRIU RANHiGS, 256 p. [in Rus].

5. Voroncov S.A., Ponedelkov A.V., Zyrjanov S.G. (2017) *Socium i vlast'*, no. 1 (63), pp. 30–37 [in Rus].

6. Ginijatullina L.I. (2016) *Uchenye zapiski Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, vol. 1, pp. 110–112 [in Rus].

7. Grigor'eva E.O., Petrenko N.I. (2015) *Marijskij juridicheskij vestnik*, no. 1 (12), pp. 157–158 [in Rus].

8. Grigorjan D.K., Krickaja A.A., Kiselev I.V. (2018) *Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, no. 2 (93), pp. 140–145 [in Rus].

9. Dorohova Ju.V., Goncharuk N.S. (2013) *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, no. 1, pp. 34–44 [in Rus].

10. Inshakov S.M. (2009) *Kriminologicheskij zhurnal*, no. 4 (10), pp. 23–29 [in Rus].

11. *Korrupcija v pravoohranitel'nyh organah*. Sbornik nauchnyh dokladov (2014) Moscow, Akademija General'noj prokuratury RF. 126 p. [in Rus].

12. Luneev V.V. (1997) *Prestupnost' XX veka*. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii. Moscow, Norma, 480 p. [in Rus].

13. Moiseev V.V., Nicevich V.F. (2014) *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk*, no. 1, pp. 177–182 [in Rus].

14. Montes'ke Sh. (1955) *Izbrannye proizvedenija*. Moscow, Gospolitizdat, 803 p. [in Rus].

15. Ovchinnikov A.I., Fathi V.I. (2015) *Filosofija prava*, no. 4 (71), pp. 76–80 [in Rus].

16. Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Ljahov V.P. (2015) *Jeftektivnost' mestnogo samoupravlenija v zerkale obshhestvennogo mnenija i jekspertnyh ocenok: itogi issledovanij poslednego pjatnadcatiletija (2001–2015 gg.) // Informacionno-analiticheskie materialy nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Problemy povyshenija jeftektivnosti mestnogo samoupravlenija v uslovijah sovremennyh reform i politicheskikh processov v sovremennoj Rossii», 07–08 aprelja 2015 g., Rostov-na-Donu. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo JuRIU RANHiGS, 480 pp. [in Rus].*

17. Prokopovich G.A., Artem'ev A.B. (2017) *Korrupcija i metody ee ogranichenija: teoretiko-pravovoe issledovanie. Moscow, Moskovskij universitet imeni S.Ju. Vitte, 284 pp. [in Rus].*

18. Prokuratov V.N. (2015) *Politicheskie mehanizmy protivodejstvija korrupcii v sovremennoj Rossii: sostojanie, perspektivy razvitija. Abstract of thesis. Orel, 30 pp. [in Rus].*

19. Rudoj V.V., Shutov A.Ju., Ponedelkov A.V., Voroncov S.A., Zheuhin O.A. (2015) *Problemy nacional'noj bezopasnosti: regional'nyj uroven' // Informacionno-analiticheskie materialy Kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem v ramkah nauchno-prakticheskoj konferencii «Velikaja Otechestvennaja vojna v istoricheskoj pamjati pokolenij». 23–24 oktjabrja 2015 g., Rostov-na-Donu. Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo JuRIU RANHiGS, 272 pp. [in Rus].*

20. Sidorenko Je.L. (2016) *Obshhestvo i pravo*, no. 4 (58), pp. 83–87 [in Rus].

For citing: Ivanova L.L., Revyagina N.G., Yalansky A.P. *Corruption practices in modern Russia: objectivity of existence and complexity of evaluation // Socium i vlast'. 2018. № 3 (71). P. 30–37.*

UDC 32.019.5

CORRUPTION PRACTICES IN MODERN RUSSIA: OBJECTIVITY OF EXISTENCE AND COMPLEXITY OF EVALUATION

Lyudmila L. Ivanova,

South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Associate Professor of the Department Chair of Political Science and Ethnopolitics, Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, The Russian Federation, Rostov-na-Donu, ulitsa Pushkinskaya, 70/54. E-mail: ivanovalrostov@yandex.ru

Natalya G. Revyagina,

South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Associate Professor of the Department Chair of Political Science and Ethnopolitics, Cand. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, The Russian Federation, 344002, Rostov-na-Donu, ulitsa Pushkinskaya, 70/54. E-mail: fpk@uriu.ranepa.ru

Alexander P. Yalansky,

South-Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Leading Expert of the Laboratory of Problems of Increasing Efficiency of the Public and Municipal Administration, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, The Russian Federation, 344002, Rostov-on-Don, ulitsa Pushkinskaya, 70/54. E-mail: mitsrostov@mail.ru

Annotation

In the article the analysis of some techniques of assessing corruption offenses in modern Russia is carried out. During the research the authors point to the main reasons for high level of corruption in the society, as well as highlight the advantages and disadvantages of some evaluation methods of corruption.

Key concepts:

corruption,
corruption practices,
sociological poll,
expert evaluations.

Для цитирования: Бухтиярова Т. И.,
Коротина Н. Ю. Первых П. А.
Оценка исполнения государственных программ
как инструмент повышения
эффективности расходов бюджетов //
Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 38–43.

УДК 332.14

ОЦЕНКА ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАСХОДОВ БЮДЖЕТОВ

Бухтиярова Татьяна Ивановна,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
профессор кафедры экономики,
финансов и бухгалтерского учета,
доктор экономических наук, профессор.
Российская Федерация, 454071,
г. Челябинск, ул. Комарова, 41.
E-mail: viola_1_49@mail.ru

Коротина Наталья Юрьевна,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой экономики,
финансов и бухгалтерского учета,
кандидат экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454071
г. Челябинск, ул. Комарова, 41.
E-mail: korotina@chel.ranepa.ru

Первых Павел Александрович,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
студент направления «экономика».
Российская Федерация, 454071,
г. Челябинск, ул. Комарова, 41.
E-mail: tectonikelectro@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены проблемы повышения качества управления общественными финансами посредством оценки эффективности исполнения бюджета в разрезе государственных программ. Рассмотрено применение отечественного и зарубежного опыта в оценке государственных программ на примере Челябинской области. Разработаны мероприятия для повышения качества оценки эффективности использования бюджетных средств по целевым программам.

Ключевые понятия:

программно-целевое управление,
оценка государственных программ,
эффективность бюджетных расходов.

Реформирование российской системы государственного и муниципального управления повышает актуальность модернизации управления общественными финансами. Происходит постепенное смещение акцентов с затратного управления государственными расходами на управление в соответствии с достигаемыми результатами. В качестве действенного механизма аллокационных решений, рационального использования бюджетных средств стал применяться программно-целевой метод управления.

Программно-целевое управление государственными финансами означает жесткую связь целей и затрат на их достижение во всех структурных подразделениях органов исполнительной власти [4]. Это подразумевает овладение программно-проектными технологиями и их постоянное использование в процессе государственного и муниципального управления.

Программно-целевое управление предполагает внедрение нового инструмента повышения эффективности бюджетных расходов – государственных программ, которые положены в основу распределения бюджетных средств и позволяют увязывать объемы финансирования с конкретными целями развития территорий.

Государственные программы субъекта Российской Федерации являются документами стратегического планирования, содержащими комплекс планируемых мероприятий, взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам и обеспечивающих наиболее эффективное достижение целей и решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации [7].

Государственное регулирование общественных финансов представлено в виде комплексной нормативно-правовой базы, реализация которой способна вызвать не только достижение планируемого результата, но и различные негативные эффекты, которые не предусмотрены планом. Соответственно, оценка эффективности использования бюджетных средств целевых программ обуславливает необходимость анализа и мониторинга изменений региональной экономики, качества самих принимаемых госпрограмм.

В зарубежных странах практика оценки эффективности использования бюджетных средств целевых программ является непосредственным инструментом повышения результативности государственного управления федеральными и региональными финансами [3].

Реализация оценки исполнения государственных программ способствует исполнению основных функций государственных финансов: контрольной в части получения информации о состоянии процесса, его результативности и причинах несоответствия и регулирующей в части выработки механизма корректировки управленческих решений [2].

Оценка эффективности использования бюджетных средств целевых программ бюджета субъекта РФ является важным и неотъемлемым инструментом современной бюджетной политики регионов. Ее роль многократно возрастает при необходимости обеспечения прозрачности бюджетного процесса и подотчетности деятельности органов исполнительной власти за реализацию субфедеральной политики в той сфере ведения, за которую они ответственны. В соответствии с бюджетным законодательством России принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках установленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием определенного бюджетного объема средств.

Существует множество методик оценки эффективности использования бюджетных средств. В зарубежной практике широко используется рейтинговая методика Всемирного банка PEFA (Public Expenditure and Financial Accountability) [8]. Данная методика проводит оценку совокупных показателей исполнения расходной и доходной частей бюджета в сравнении с первоначально утвержденным бюджетом, а также структуры расходов в сравнении с первоначально утвержденным бюджетом. Оценка показателей осуществляется в среднесрочной ретроспективе, за 3 предшествующих года.

По мнению Фоминой и Ковальской, методика PEFA может быть использована для оценки эффективности исполнения региональных расходов бюджетов как по отдельным разделам, так и по региону в целом [6].

Авторами предпринята попытка применения указанной методики для оценки эффективности использования бюджетных средств госпрограмм Челябинской области.

Для расчета баллов воспользуемся формулой, предлагаемой методикой PEFA:

$$I = A / Bs,$$

где I – эффективность исполнения расходов в баллах,

A – абсолютное отклонение фактических расходов от скорректированного бюджета, Bs – скорректированный бюджет.

$$Bs = M \times V / G,$$

где M – величина расходов по плану,

V – величина исполненного бюджета в целом,

G – величина запланированного бюджета в целом.

Общая оценка эффективности исполнения расходов бюджета по отдельной программе определяется путем суммирования эффективности исполнения расходов бюджета по каждой подпрограмме. Критерий эффективности расходов бюджета в целом и по отдельным программам определяется по шкале PEFA (табл. 1).

В табл. 2 представлена оценка эффективности использования бюджетных средств целевой государственной программы «**Охрана окружающей среды Челябинской области на 2014–2016 годы**» на основе данных открытого бюджета Челябинской области.

Полученные данные свидетельствуют о средней эффективности расходов бюджета Челябинской области по направлению «**Охрана окружающей среды**», а также о снижении общей оценки эффективности исполнения программных расходов.

Международный опыт оценки эффективности использования бюджетных средств следует адаптировать под отечественную практику. Применение как отечественного, так и международного опыта оценки исполнения бюджета позволяют составить полный, комплексный и научно-обоснованный анализ эффективности исполнения расходных обязательств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации.

Оценка эффективности использования бюджетных средств субъекта РФ является важнейшим элементом бюджетного процесса на субфедеральном уровне. Программно-целевое управление предполагает внедрение нового инструмента повышения эффективности бюджетных расходов – государственные программы, которые положены в основу формирования бюджета и позволяют увязывать объемы финансирования с конкретными целями развития отраслей.

Данную оценку эффективности использования бюджетных средств осуществляет Министерство экономического развития. Для

Таблица 1

Эмпирическая шкала рейтинговой оценки эффективности расходов бюджета [8]

Рейтинг	Эффективность расходов	Оценка по разделу расходов бюджета
A	Высокая	До 0,2
B	Средняя	0,2-0,4
C	Ниже среднего	0,4-0,6
C+	Низкая	0,6-0,8
D	Критическая	0,8-1

Таблица 2

Оценка эффективности использования бюджетных средств государственной программы «Охрана окружающей среды/ Челябинской области на 2014–2016 годы» по методике PEFA, баллы [5]

Наименование государственной программы	2014	2015	2016
Общая оценка эффективности исполнения расходов по программе «Охрана окружающей среды Челябинской области на 2014–2016 годы»	0,248	0,223	0,375
Направление 1. «Снижение загрязнения окружающей среды»	0,049	0,062	0,039
Направление 2. «Охрана ООПТ регионального значения, растительного и животного мира Челябинской области»	0,11	0,071	0,057
Направление 3. «Информирование о состоянии окружающей среды и участие в эколого-просветительских мероприятиях»	0,049	0,012	0,035
Подпрограмма 4. «Развитие системы обращения с отходами производства и потребления на территории Челябинской области на 2014–2016 годы»	0,019	0,02	0,059
Подпрограмма 5. «Преодоление последствий радиационных аварий на производственном объединении “Маяк” и обеспечение радиационной безопасности Челябинской области на 2014–2016 годы»	0,021	0,058	0,185
Рейтинг госпрограммы	B	B	B

оценки эффективности реализации бюджетных средств используется методика¹, которая состоит в расчете достижения плановых индикативных показателей и полноты расходования бюджетных средств, составлении сводного итогового показателя и его оценке.

Оценка эффективности использования бюджетных средств в рамках государственной программы проводится по следующему алгоритму:

1 этап: оценивается достижение плановых индикативных показателей по каждой подпрограмме как соотношение фактических и плановых значений индикативных показателей.

2 этап: оценивается полнота использования бюджетных средств по каждой подпрограмме как отношение фактических и плановых показателей использования бюджетных средств.

¹ Административный регламент исполнения государственной функции по проведению оценки выполнения индикативных показателей и эффективности использования бюджетных средств органами исполнительной власти Челябинской области и оценки эффективности оказания (выполнения) государственных услуг (работ) : приказ М-ва эконом. развития Челяб. обл. от 13.07.2016 г. № 183.

3 этап: определяется эффективность использования бюджетных средств по каждой подпрограмме путем соотношения достижения плановых индикативных показателей и полноты использования бюджетных средств.

4 этап: определяется сводная оценка эффективности использования бюджетных средств по государственной программе в целом путем суммирования произведений оценки эффективности использования бюджетных средств и доли расходов по каждой подпрограмме.

5 этап: оценка эффективности использования бюджетных средств государственной программы определяется согласно критериальной шкалы (табл. 3).

Оценим результаты оценки эффективности использования бюджетных средств той же государственной программы Челябинской области «**Охрана окружающей среды Челябинской области на 2014–2016 годы**» (табл. 4).

Анализ показал, что эффективность использования бюджетных средств по государственной программе «**Охрана окружающей среды Челябинской области на 2014–2016 годы**» в 2014 и в 2016 гг.

Таблица 3

Критерии эффективности исполнения бюджета по государственной программе в Челябинской области

Значение оценки по разделу расходов бюджета	Эффективность исполнения бюджета
1,0 и выше	Высокая эффективность выполнения индикативных показателей и использования бюджетных средств
0,8–1,0	Средняя эффективность выполнения индикативных показателей и использования бюджетных средств
0,5–0,8	Удовлетворительная эффективность выполнения индикативных показателей и эффективность использования бюджетных средств
Менее 0,5	Низкая эффективность выполнения индикативных показателей и использования бюджетных средств

Таблица 4

Результаты оценки эффективности использования бюджетных средств целевой программы «Охрана окружающей среды Челябинской области на 2014–2016 годы»

Наименование государственной программы	Достижение плановых индикативных показателей			Полнота использования бюджетных средств			Эффективность использования бюджетных средств			Сводная оценка эффективности использования бюджетных средств		
	2014	2015	2016	2014	2015	2016	2014	2015	2016	2014	2015	2016
Охрана окружающей среды Челябинской области на 2014–2016 годы	0,917	1,000	0,993	0,966	0,932	0,942	0,996	0,992	0,981	0,996	1,069	0,910
Подпрограммы												
1. Направление «Снижение загрязнения окружающей среды»	1,000	1,000	1,000	1,000	0,990	0,979	1,000	0,970	0,999	1,000	0,980	1,020
2. Направление «Охрана ООПТ регионального значения, растительного и животного мира Челябинской области»	0,667	1,000	0,750	0,848	0,998	0,995	1,000	1,000	0,908	0,786	1,002	0,685
3. Направление «Информирование о состоянии окружающей среды и участие в эколого-просветительских мероприятиях»	1,000	1,000	1,000	1,000	0,921	0,975	1,000	1,000	1,000	1,000	1,086	1,026
4. Подпрограмма «Развитие системы обращения с отходами производства и потребления на территории Челябинской области на 2014–2016 годы»	1,000	1,000	1,000	0,935	0,950	0,998	1,000	0,990	1,000	1,069	1,042	1,002
5. Подпрограмма «Преодоление последствий радиационных аварий на производственном объединении “Маяк” и обеспечение радиационной безопасности Челябинской области на 2014–2016 годы»	1,000	1,000	1,000	0,973	0,877	0,768	0,980	1,000	1,000	1,007	1,140	1,302

оценивается как средняя, в 2015 г. – как высокая.

Данная методика имеет ряд недостатков:

1. Чрезмерно ограниченный ряд переменных. Данная методика опирается лишь на фактическое значение достигнутого показателя и планируемое значение.
2. Отсутствие практико-ориентированного взгляда. Анализ уже достигнутых показателей, не позволяет комплексно оценить состояние государственной программы в долгосрочной перспективе.
3. Формальный характер.
4. Отсутствие системного подхода.
5. Некоторые программы невозможно оценить данной методикой.
6. В методике не учитывается влияние на экономику региона и бюджета госпрограммы различных факторов: внешних и внутренних, экономических и политических, экологических и социальных, налоговых и финансовых и т. д.

В совокупности такой комплекс недостатков может привести к неверной трактовке результата государственной программы, что может повлечь за собой риск невыполнения госпрограммы.

Сложность мониторинга оценки эффективности использования бюджетных средств госпрограмм связана с содержанием различных элементов исполнения целевых программ: уровнями, целями, субъектами, этапами реализации, системным влиянием и так далее. Данный аспект говорит о том, что необходимо разработать унифицированные свойства госпрограмм, способствующие эффективному использованию бюджетных средств целевых программ на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации:

- 1) непосредственное отражение упущенных выгод, наступающих после исполнения бюджета по государственной программе, то есть использование метода упущенных выгод при оценке эффективности использования бюджетных средств госпрограммы;
- 2) учет и сравнение альтернативных издержек по другим госпрограммам;
- 3) оценка влияния целевой программы на основные социально-экономические показатели экономики (федеральной или региональной);
- 4) исключение побочных и непредвиденных эффектов до этапа испол-

нения бюджета по целевые программы.

Суть данной оценки эффективности использования бюджетных средств госпрограмм заключается в комплексном, всестороннем анализе госпрограммы на разных этапах её исполнения. Такой подход к исполнению бюджета способствует минимизации негативных эффектов и достижению максимального результата, то есть реализации принципа результативности.

1. Афанасьев Р. С., Голованова Н. В. Оценка эффективности бюджетных расходов: федеральный и региональный опыт // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 2 (284). С. 56–64.

2. Данилова И. В., Годовых А. С. Оценка политики и программ в системе государственного управления региона: теоретические и методические подходы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Экономика и менеджмент. 2013. № 4. С. 9–19.

3. Данилова И. В., Годовых А. С. Оценка программ, проектов, политики как фактор повышения эффективности государственного управления // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Экономика и менеджмент. 2012. № 44 (303). С. 105–113.

4. Лескин В. Н., Профирьев Б. Н. Оценка результативности государственных программ социально-экономического развития регионов России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4. С. 81–94.

5. Открытый бюджет Челябинской области. URL: <http://open.minfin74.ru/> (дата обращения: 05.04.2018).

6. Фомина Е. А., Ковальская Ю. В. Методические подходы к оценке финансовой устойчивости регионального бюджета // Экономика и управление. 2015. № 5. С. 102–105.

7. Шедько Ю. Н. Программно-целевое управление в регионах России в условиях перехода к антропоцентрическому обществу // Стратегии бизнеса. 2014. № 5 (7). С. 23–27.

8. PEFA Improving public financial management. URL: https://pefa.org/sites/default/files/PMF%20Russian-Final_0.pdf (дата обращения: 05.04.2018).

References

1. Afanas'ev R.S., Golovanova N.V. (2016) *Finansovaja analitika: problemy i reshenija*, no. 2 (284), pp. 56–64 [in Rus].

2. Danilova I.V., Godovyh A.S. (2013) *Vestnik Juzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija Ekonomika i menedzhment*, no. 4, pp. 9–19 [in Rus].

3. Danilova I.V., Godovyh A.S. (2012) *Vestnik Juzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija Ekonomika i menedzhment*, no. 44 (303), pp. 105–113 [in Rus].

4. Leskin V.N., Profir'ev B.N. (2016) *Problemy prognozirovaniya*, no. 3, pp. 81–94 [in Rus].

5. Otkrytyj bjudzhet Cheljabinskoj oblasti. Available at: <http://open.minfin74.ru>, accessed 05.04.2018 [in Rus].

6. Fomina E.A., Koval'skaja Ju.V. (2015) *Jekonomika i upravlenie*, no. 5, pp. 102–105 [in Rus].

7. Shed'ko Ju.N. (2014) *Strategii biznesa*, no. 5 (7), pp. 23–27 [in Rus].

8. PEFA Improving public financial management., Available at: https://pefa.org/sites/default/files/PMF%20Russian-Final_0.pdf, accessed 05.04.2018 [in Eng].

For citing: Bukhtiyarova T.I., Korotina N.Yu., Pervykh P.A. estimating execution of the state programs as a tool to increase the effectiveness of budget expenditures // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 38–43.

UDC 332.14

ESTIMATING EXECUTION OF THE STATE PROGRAMS AS A TOOL TO INCREASE THE EFFECTIVENESS OF BUDGET EXPENDITURES

Tatyana I. Bukhtiyarova,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Professor of the Department Chair of Economics, Finance and Accounting, Doctor of Economics, Professor The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 41. E-mail: viola_1_49@mail.ru

Natalya Yu. Korotina,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Head of the Chair of Economics, Finance and Accounting, Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 41. korotina@chel.ranepa.ru

Pavel A. Pervykh,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Student of Economics, The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 41. E-mail: tectonikelectro@mail.ru

Annotation

The article considers the problems of improving the quality of public finance management. The application of domestic and foreign experience in the evaluation of state programs as exemplified by Chelyabinsk region is considered. Measures have been developed to improve the quality of estimating the effectiveness of using funds for target programs.

Key concepts:

program-target management, evaluation of state programs, efficiency of budget expenditures.

Для цитирования: Голышев И. Д.,
Зубкова О. В., Карян Ю. С.
Учет показателей качества жизни
для оценки результативности деятельности
органов управления //
Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 44–51.

УДК 332.1: 338.2

УЧЕТ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ДЛЯ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ

Голышев Игорь Дмитриевич,

Уральский социально-экономический институт
(филиал) образовательного учреждения
профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»,
доцент кафедры менеджмента
и управления персоналом,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация, 454091,
г. Челябинск, ул. Свободы, д. 155/1.
E-mail: gid14@mail.ru

Зубкова Ольга Владимировна,

Уральский социально-экономический институт
(филиал) образовательного учреждения
профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»,
заведующий кафедрой экономики,
доктор экономических наук, доцент.
Российская Федерация, 454091,
г. Челябинск, ул. Свободы, д. 155/1.
E-mail: Aknozama78@mail.ru

Карян Юлия Самвеловна,

Уральский социально-экономический институт
(филиал) образовательного учреждения
профсоюзов высшего образования
«Академия труда и социальных отношений»,
доцент кафедры менеджмента
и управления персоналом,
кандидат экономических наук.
Российская Федерация, 454091,
г. Челябинск, ул. Свободы, д. 155/1.
E-mail: yuliya-87@bk.ru

Аннотация

Исследованы подходы к использованию объективных и субъективных показателей качества жизни в регионе. Проведен анализ состава показателей качества жизни, используемых в практике регионального управления. Выявлены приоритеты в использовании показателей качества жизни. Отмечено, что некоторые показатели формируются под воздействием факторов (личностных детерминант), не зависящих от управленческих решений. Предложена новая группировка показателей, которая позволяет повысить обоснованность оценки результативности регионального управления.

Ключевые понятия:

качество жизни,
уровень жизни,
оценка результативности управления
личностные детерминанты,
регион.

Изучение и оценка качества жизни населения стало важным направлением развития современной экономической теории и практики. Сегодня тенденции социально-экономического развития на национальном уровне и в глобальном масштабе уделяют первоочередное внимание стандартам в области экологии, медицины, образования и другим сторонам жизнедеятельности человека. В результате формируется новый подход властных и предпринимательских структур к целям экономического развития. В предпринимательской деятельности это проявляется в принятии и развитии принципов корпоративной социальной ответственности, корпоративного управления, социального партнерства. В научных исследованиях также наметился значительный интерес к проблемам качества жизни. Последние два десятилетия Нобелевская премия по экономике все чаще присуждается ученым, исследования которых так или иначе касаются качества жизни населения: А. Сен (1998), Дж. Стиглиц (2001), Э. Фелпс (2006), П. Даймонд (2010), Ж. Тироль (2014), А. Дитон (2015).

Цели регионального развития Российской Федерации фокусируются прежде всего на достижении высоких стандартов благосостояния населения в области здравоохранения, образования, создания комфортной и безопасной среды жизнедеятельности человека. Концепция социально-экономического развития России на период до 2020 г. в качестве одной из целей развития российской экономики предусматривает «сокращение дифференциации уровня и качества жизни на территории России с помощью мер социальной и региональной политики» [11].

Оценка результативности деятельности органов исполнительной власти на уровне субъектов Российской Федерации предполагает учет и использование системы показателей, важнейшей частью которой являются показатели качества жизни населения. В этой связи целесообразным представляется использование этих категорий при разработке рекомендаций, направленных на повышение результативности деятельности региональных органов власти.

Импульсом к формированию за рубежом (прежде всего в США) нового научного направления, изучающего качество жизни населения, послужили послевоенные работы С. Кузнеця. Считающийся автором показателя ВВП С. Кузнец указывал на проблемы, связанные с использованием этого параметра. Еще в 1946 г. он отмечал, что показатель ВВП «не одинаково надежен для анализа экономического и социального развития» [18]. Основываясь на положении, что рост ВВП неадекватен росту общественного благосостояния, он

в середине 50-х гг. прошлого века начал работу по исследованию зависимости неравенства доходов и экономического роста («Economic growth and income inequality», 1955). В дальнейшем эти исследования привели к формулированию гипотезы о так называемой «кривой Кузнецца», суть которой заключается в существовании зависимости распределения доходов населения от величины экономического роста. Таким образом, работы С. Кузнецца заложили основу одного из направлений современных экономических исследований – неравенства доходов населения, а в последствии привели к более широкому охвату характеристик жизни населения, которые в настоящее время включают в показатель «качество жизни».

В фундаментальном труде по измерению и оценке качества жизни международными организациями и в странах – членах ОЭСР (Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса 2009 г.) отмечается три важнейших принципа этой деятельности. В Докладе для их обозначения используется термин «концептуальные подходы» (conceptual approaches).

Первый принцип базируется на понятии субъективного благополучия (subjective well-being). Он предполагает в первую очередь психологические и социологические исследования субъективных ощущений отдельных людей.

Второй принцип основывается на понятии capabilities. В данном контексте понятие следует скорее переводить как потенциал выбора человека. Этот подход исходит из философского понимания социальной справедливости, декларирующего «уважение выбора человека в стремлении осознать и достичь цели, представляющие для него ценность» [19, с. 42].

Третий принцип основывается на категории справедливого распределения (fair allocations) и развивается в рамках традиционной экономики. В нем прослеживается тенденция использования более широкого инструментария оценки экономического благополучия людей с целью отражения существующей дифференциации в отдельных слоях населения.

Субъективные показатели измерения качества жизни всегда представляли интерес для зарубежных экономистов. Важность проведения исследований субъективных ощущений людей об их благосостоянии обуславливается тем, что полученные результаты демонстрируют «большие расхождения между стандартными предположениями экономической теории и реальными явлениями» [19, с. 43]. В субъективных измерениях преобладают два направления:

1. Оценка людьми своей жизни в целом или ее отдельных сторон: семья, работа, финансовое положение и т. д.
2. Представление о чувствах людей (аффектах): боли, беспокойности, гордости, удовлетворении и т. д.

Важным постулатом современных зарубежных исследований качества жизни является то, что «в обоих случаях эта информация превосходит информацию, содержащуюся в показателе дохода» [19, с. 44]. Многие исследования последних лет выявили отсутствие связи величины личного дохода с субъективной оценкой отдельных аспектов качества жизни. Так, широкую известность приобрела работа 2010 г. А. Дитона и Д. Канемана, в которой показано, что по достижении определенного уровня доходов дальнейшее их увеличение не приводит к большему счастью: «Большой доход не обязательно дает ощущение большего счастья, но нехватка денег ассоциируется с эмоциональным страданием» [17].

К объективным характеристикам качества жизни в зарубежных исследованиях относят объективные условия жизни людей и имеющиеся у них варианты выбора в рамках этих условий. Выделяют следующие объективные характеристики качества жизни:

1. Здоровье. Основные показатели: продолжительность жизни, смертность, уровень заболеваемости.
2. Образование. Основные показатели: расходы на образование, расходы на школьные ресурсы, процент выпуска, тесты, оценивающие грамотность.
3. Персональная деятельность. Основные показатели: оплачиваемый труд, неоплачиваемый (домашний) труд, время поездки на работу, свободное время, жилищные индикаторы.
4. Политическое представительство и управление. Основные показатели: уровень участия в выборах, в государственных органах управления, в профессиональных и гражданских организациях; судебная система; уровень коррупции.
5. Социальные связи. Основные показатели: участие людей в гражданской и политической жизни, членство в общественных и волонтерских организациях, отношения с членами семьи и соседями по месту жительства.
6. Экологические условия. Основные показатели: уровень выброса вредных веществ, уровень загрязненности воды, воздуха, почв.
7. Отсутствие личной безопасности. Основные показатели: уровень преступности, несчастные случаи, стихийные

бедствия (природные и техногенные) и их вероятность.

8. Экономическая незащищенность. Основные показатели: риски безработицы, болезни и старости.

Представленные объективные и субъективные индикаторы качества жизни широко используются в реализации региональной политики зарубежных стран. Например, в рамках ЕС с 1997 г. реализуется проект «Городской аудит» [20]. Кроме того, национальные системы городского и регионального мониторинга, базирующиеся в основном на показателях качества жизни, сформированы и развиваются в США, Канаде, Великобритании, Франции, Швеции, Финляндии и других странах [9, с. 10–17; 13].

В этой связи, сделав анализ субъективных и объективных измерений качества жизни, авторы доклада в качестве главной цели дальнейших научных поисков ставят обоснование необходимости учета существующего неравенства в индивидуальных условиях жизни людей, что позволит не только достоверно оценить текущее состояние общества, но и результативность деятельности региональных органов управления в целом.

Российская экономическая наука стала исследовать категорию «качество жизни» с 70-х гг. XX в. Пионерскими работами являются статьи И. В. Бестужева-Лады, Г. С. Батыгина, С. И. Попова. Заложенные в то время концептуальные подходы продолжают преобладать и в современных научных исследованиях.

Относительно «уровня жизни» И. В. Бестужев-Лада и Г. С. Батыгин писали, что эта категория «ориентирована на оценку степени удовлетворения материальных и отчасти духовных потребностей, которые поддаются непосредственному количественному измерению» [4]. В то же время существует целый ряд социальных и интеллектуальных потребностей, не поддающихся непосредственному количественному измерению и являющихся итогом функционирования всех социальных институтов. Поэтому уже в «Философском словаре» (1983) «качество жизни» определено как «социологическая категория, выражающая качество удовлетворения материальных и культурных потребностей людей (качество питания, качество и модность одежды, комфорт жилища, качество здравоохранения, образования, сферы обслуживания, окружающей среды, структура досуга, степень удовлетворения потребностей в содержательном общении, знаниях, творческом труде, уровень стрессовых состояний, структура расселения и др.)» [16, с. 252].

В современных российских исследованиях преобладает использование категории

«уровень жизни», измеряемой статистическими показателями. Методологические разработки С. А. Айвазяна, В. Н. Бобкова, О. Н. Грабова, А. И. Татаркина, Н. Н. Свиридова, В. П. Чичканова и ряда других ученых, посвященные изучению объективных характеристик качества жизни, ориентируются на рассмотрении показателей уровня жизни. «Уровень жизни представляет собой денежную оценку ресурсов, необходимых для обеспечения качества жизни личности, социальных групп и общества в целом» [5]. В другой работе В. Н. Бобков отмечает, что «качество жизни имеет две стороны – объективную (не зависящую от оценок общества) и субъективную (определяемую общественными оценками и самооценками)» [6].

С. А. Айвазян более определенно провел различие между объективными и субъективными показателями качества жизни. Первые отражают объективные условия существования человека и характеризуются «значениями соответствующих статистических показателей (объективная информация)», тогда как восприятие человеком этих объективных условий характеризуется «результатами ответов индивидуума на вопросы специальной анкеты (субъективная информация)» [1, с. 66]. Он разработал систему показателей для оценки жизнедеятельности населения, в которую включены четыре группы: качество населения, уровень благосостояния, качество социальной сферы, качество экологической ниши. Всего его методика включает 115 показателей.

Методам изучения субъективных показателей качества жизни не уделялось большого внимания в российских исследованиях до начала XXI в. Важное значение имеет работа Л. А. Беляевой, в которой подчеркнуто, что «для измерения качества жизни недостаточно статистических показателей, даже очень подробных и достоверных, необходимы субъективные оценки соответствия этих параметров потребностям людей» [3]. Исходя из современных реалий, было вновь сделано разделение показателей качества жизни на объективные, объединенные термином «уровень жизни», и субъективные, характеризующие социальное благополучие и психологический комфорт населения и получаемые посредством социологических опросов.

В последние годы появилось немало научных работ, посвященных измерению субъективных характеристик качества жизни на региональном уровне. В связи с Указом Президента РФ от 21.08.2012 № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» с 2012 г. стали учитываться показатели качества жизни населе-

ния при оценке деятельности органов исполнительной власти.

В Указе Президента РФ от 14.11.2017 № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» утвержден обновленный перечень показателей. Он содержит как показатели экономического развития региона, так и показатели объективной оценки качества жизни населения региона. К таким показателям качества жизни относятся: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, коэффициент миграционного прироста, суммарный коэффициент рождаемости, уровень преступности, качество и доступность услуг жилищно-коммунального хозяйства, динамика валового регионального продукта на душу населения. Впервые предполагается использовать показатели субъективной оценки качества жизни, а с 01.08.2018 г. планируется применять:

- оценку населением условий для самореализации, в том числе для самореализации детей;
- оценку удовлетворенности населения услугами в сферах образования, здравоохранения, культуры, социального обслуживания;
- долю жителей субъекта Российской Федерации, столкнувшихся с проявлением коррупции;
- оценку населением эффективности деятельности органов государственной власти Российской Федерации.

Таким образом, следует выделить основные особенности в российском и зарубежном подходах к измерению и оценке качества жизни населения:

- во-первых, использование различных принципов организации измерения и оценки качества жизни. За рубежом исследования базируются в основном на измерении субъективных показателей качества жизни. В России первоочередное значение имеют объективные показатели, объединенные в понятие «уровень жизни»;
- во-вторых, различия в отношении целей измерения и оценки качества жизни. Зарубежные оценки направлены на информирование населения, общественных и правительственных организаций, разработку рекомендаций для органов статистики. В России кроме вышеназванных целей с помощью системы показателей качества жизни оценивают деятельность органов власти и управляют процессом повышения качества жизни в субъектах Российской Федерации.

Общей тенденцией в российской и зарубежной практике управления является учет

объективных и субъективных измерений показателей качества жизни при оценке результативности деятельности региональных органов управления.

В таблице (с. 48) представлен фрагмент итогов анализа обобщающих и частных показателей по здравоохранению и уровню жизни в субъектах РФ. В качестве обобщающего показателя качества жизни нами взят показатель «ожидаемая продолжительность жизни при рождении». Он входит во все известные системы показателей оценки качества жизни в России и за рубежом. В 2016 г. лидерами среди субъектов РФ по этому показателю были три региона: Республика Ингушетия, Республика Дагестан и город Москва. Вместе с показателем продолжительности жизни рассмотрены также обобщающие показатели уровня жизни (показатели 2–4), и частные показатели по здравоохранению (показатели 5–6).

Данные таблицы показывают, что рост продолжительности жизни за 2010–2016 гг. в целом по Российской Федерации составил 2,93 года, в Республике Ингушетия – 6,11 лет, в Республике Дагестан – 3,36 года, в г. Москве – 2,93 года. При этом валовой региональный продукт на душу населения в Республике Ингушетия, например, за этот период не превышал 10 % от уровня по г. Москве и в несколько раз (в 5,5 раз в 2010 г., в 3,6 раза в 2014 г.) был меньше среднероссийского. По другим обобщающим показателям уровня жизни (среднедушевые денежные доходы населения, инвестиции в основной капитал на душу населения) республики Ингушетия и Дагестан также существенно отстают от среднероссийских и многократно от г. Москвы.

При рассмотрении показателей по здравоохранению ситуация также неоднозначна. Эти показатели в целом по Российской Федерации вообще сократились: инвестиции в здравоохранение на душу населения в 2016 г. составили 83,9 % от уровня 2010 г., а численность врачей на 10 000 человек населения – 92,6 %. По рассматриваемым субъектам РФ только инвестиции в здравоохранение в Республике Ингушетия выросли значительно (на 91,7 % по сравнению с 2010 г.) и превысили в 2016 г. среднероссийский уровень в 2,2 раза.

Очевидно, что рост показателей уровня жизни положительно влияет на увеличение продолжительности жизни населения, но в то же время представленный фрагмент анализа показателей дает возможность предположить, что не только экономическая и социальная деятельность федеральных и местных органов власти формируют показатели качества жизни. Важной составляющей, в значительной мере определяющей судьбу каждого человека, является ответственное

**Фрагмент анализа показателей по здравоохранению
и уровню жизни в субъектах РФ¹**

Показатели, регионы	Годы						
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
<i>Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)</i>							
Российская Федерация	68,94	69,83	70,24	70,76	70,93	71,39	71,87
Республика Ингушетия	74,71	76,29	77,80	78,84	79,42	80,05	80,82
Республика Дагестан	73,87	74,26	74,90	75,63	75,83	76,39	77,23
г. Москва	74,15	75,79	75,74	76,37	76,70	76,77	77,08
<i>Валовой региональный продукт на душу населения (тыс. р.)</i>							
Российская Федерация	263,8	317,5	348,6	377,0	405,1	443,9	-
Республика Ингушетия	48,2	63,6	85,7	102,2	113,8	116,0	-
Республика Дагестан	94,9	113,0	127,5	153,2	180,8	186,4	-
г. Москва	730,8	859,4	980,9	1022,4	1137,9	1160,1	-
<i>Среднедушевые денежные доходы населения (р. в месяц)</i>							
Российская Федерация	18 958	20 780	23 221	25 928	27 766	30 467	30 744
Республика Ингушетия	9630	11 562	12 322	13 821	14 346	14 713	15 000
Республика Дагестан	15 678	18 278	20 730	21 717	23 423	26 738	28 287
г. Москва	44 051	47 319	48 935	54 869	54 504	59 850	59 203
<i>Инвестиции в основной капитал на душу населения (тыс. р.)</i>							
Российская Федерация	64,1	77,2	87,9	93,7	95,2	94,9	99,8
Республика Ингушетия	18,0	14,4	33,9	42,8	35,3	42,2	41,9
Республика Дагестан	41,7	46,9	52,0	60,6	67,9	65,8	69,3
г. Москва	63,9	74,0	102,4	117,3	126,9	125,9	137,8
<i>Инвестиции в здравоохранение и предоставление социальных услуг на душу населения (руб.)</i>							
Российская Федерация	1477	1499	1784	1532	1337	1285	1239
Республика Ингушетия	1407	628	1496	2229	3147	2787	2697
Республика Дагестан	307	476	264	674	217	387	316
г. Москва	1248	779	866	848	1037	1901	1681
<i>Численность врачей на 10 000 человек населения (чел.)</i>							
Российская Федерация	50,1	51,2	49,1	48,9	48,5	45,9	46,4
Республика Ингушетия	33,8	34,1	36,5	37,7	39,8	39,4	40,9
Республика Дагестан	39,2	39,5	39,2	39,4	39,9	36,7	37,6
г. Москва	77,7	77,9	68,9	68,6	66,1	55,7	55,4

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017 : стат. сб. – М. : Росстат, 2017. 1402 с. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156.

отношение к своему здоровью, социальным контактам, саморазвитию через образование. При этом поведение человека в отношении к самому себе (здоровье, образование) и к окружающим людям (противоправные действия, социальное сотрудничество) формируется не только под воздействием окружающей среды, но и в результате природного генотипа человека и личностного отношения к саморазвитию и самосовершенствованию. Данные особенности социального поведения отмечаются в трудах философов, психологов, социологов. В. В. Казаневская отмечает, что «внутрипсихическая детерминация оказывает серьезное влияние на социальное поведение» [10].

Н. И. Губанов и Н. Н. Губанов в рамках исследования о причинах противоправного поведения людей сформулировали три основных фактора определяющих поведение человека, объединенные в науках о человеке термином «детерминанты»:

- природное начало – генотип, наследственность человека;
- социальное начало – экономические, политические, культурные условия жизни человека;
- личностное начало – свободная воля человека, его разум и его собственная креативная деятельность по самосовершенствованию [8].

В научной литературе неоднократно отмечается, что личностные детерминанты в значительной мере влияют на показатели здоровья человека: продолжительность жизни, уровень заболеваемости и смертности. Так, О. В. Андрущенко и Е. С. Садовников отмечают современную тенденцию, которая заключается в увеличении «количества проявлений отрицательных форм самосохранительного поведения» [2]. Интересен в этом плане опрос, проведенный ВЦИОМ в октябре 2014 г. 66 % опрошенных ответили, что «никогда» или «очень редко» занимаются физической культурой и спортом, 48 % – «не считают возможным» или «не имеют возможности» следить за своим питанием [7]. В связи с этим учет влияния личностных детерминант на формирование показателей качества жизни населения позволяет предложить новую группировку показателей качества жизни для оценки результативности органов регионального управления. В экономической теории существуют разные подходы к оценке качества управленческой деятельности в субъекте Российской Федерации [12; 14; 15]. В рамках данной работы мы исходим из того, что достижение запланированных показателей качества жизни отражает результативность регионального управления.

Показатели, используемые в измерении качества жизни, характеризуют разные аспекты жизнедеятельности человека. Прежде всего это элементы социальной среды региона: здравоохранение, образование, жилищные условия, безопасность и социальная защищенность. Кроме социальной среды учитываются элементы других подсистем среды жизнедеятельности: климат, экология, политическая и общественная деятельность, условия труда.

Важной особенностью показателей социальной среды является то, что они характеризуют перечень возможностей для каждого жителя региона: возможность получать медицинскую помощь, основное и дополнительное образование для себя и детей, качественное жилье и условия труда, иметь безопасный и разнообразный досуг и социальные контакты. Существует большое количество объективных показателей, фиксируемых как на региональном, так и на федеральном уровнях: уровень доходов на душу населения, количество врачей на 10 000 человек, уровень занятости населения, охват детей дошкольным образованием и другие. Сами по себе они не в полной мере оценивают качество жизни населения. Поэтому объективные показатели необходимо дополнять субъективными оценками по ним. Например, оценкой гражданами качества дошкольного образования или оценкой риска безработицы в конкретном регионе и другое.

Учет возможностей среды жизнедеятельности с конкретными устремлениями граждан (в соответствии с их жизненными ценностями) формируют итоговые показатели качества жизни. Общеизвестно, что продолжительность жизни человека зависит не только от уровня развития здравоохранения, но и от многих других факторов: экологии, климата, генетической наследственности, наличия (отсутствия) стремления самого человека к здоровому образу жизни. На некоторые из этих факторов управленческие решения практически не влияют.

Есть целый ряд показателей, которые формируются в результате управленческой деятельности конкретных администраций. Речь идет об управлении инвестициями в развитие среды жизнедеятельности человека, использовании административных, финансовых, налоговых преференций для ее улучшения, поддержке инициатив граждан и общественных организаций.

Принимая во внимание вышеизложенное, предлагается группировка показателей качества жизни населения региона для оценки результативности деятельности органов управления. В качестве атрибутивного признака для построения группировки следует использовать наличие детерминант, определяющих поведение человека.

Показатели первой группы отражают все детерминанты: природные, социальные, личностные. К таким показателям следует отнести общую продолжительность жизни при рождении, уровень образования, уровень преступности, социальную и политическую активность населения. Назначение этих показателей – выявление проблемных точек в социальной среде региона.

Показатели второй группы отражают только социальные детерминанты: экономические, политические, культурные условия жизни в регионе. Эти показатели качества жизни характеризуют доступность и возможности среды жизнедеятельности для населения региона. В эту группу должны входить как объективные, так и субъективные показатели. Для регионального здравоохранения такими частными объективными показателями, например, могут быть инвестиции в здравоохранение, количество врачей на 10 000 человек, конкретная поддержка (выделение ресурсов) органами региональной власти организациям, пропагандирующим здоровый образ жизни и др. Частными субъективными показателями качества жизни в сфере здравоохранения могут быть удовлетворенность населения качеством и доступностью врачебной помощи, профилактической деятельностью, обеспечением лекарствами и другие оценки жителей региона. Динамика

частных показателей также позволит оценить активность региональных властей в улучшении качества жизни населения.

Новая группировка показателей качества жизни показана на примере здравоохранения. В других подсистемах социальной среды (образование, безопасность, досуг, социальные связи) также предлагается структурировать показатели по этому основанию группировки.

Показатели качества жизни первой группы формируются в долгосрочной перспективе. Показатели второй группы имеют краткосрочный горизонт – отражают результативность текущей деятельности действующих органов власти субъектов РФ.

По нашему мнению, данный подход целесообразно использовать в рамках реализации Указа Президента РФ от 14.11.2017 г. № 548. Из 24 показателей оценки деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ к показателям первой группы следует отнести:

- ожидаемая продолжительность жизни при рождении;
- суммарный коэффициент рождаемости;
- уровень преступности;
- уровень безработицы.

Эти показатели отражают итог долгосрочной деятельности органов власти субъектов РФ.

Остальные показатели относятся ко второй группе и отражают результативность текущей деятельности органов исполнительной власти.

Таким образом, анализ российских и зарубежных подходов к оценке качества жизни населения показал, что используемые системы показателей не полностью учитывают факторы (личностные детерминанты), которые не зависят от принимаемых управленческих решений. В этой связи предложенная группировка показателей качества жизни позволит повысить обоснованность оценок деятельности региональных органов управления.

1. Айвазян С. А. Анализ качества и образа жизни населения. М. : Наука. 2012. 432 с.

2. Андрющенко О. В., Садовников Е. С. Развитие субъекта заботы о своем здоровье как проблема ценностного самоопределения человека // Социум и власть. 2015. № 3 (53). С. 21–23.

3. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни // Проблемы измерения и интерпретации. 2009. № 1. С. 33–42.

4. Бестужев-Лада И. В., Батыгин Г. С. О качестве жизни. URL: <http://www.library.ru/help/docs/p65217/1.pdf> (дата обращения: 09.04.2018).

5. Бобков В. Н. Методологический подход Всероссийского центра уровня жизни к изучению и

оценке качества и уровня жизни населения // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. Экономика и управление. 2009. № 2. С. 26–36.

6. Бобков В. Н., Бобков Н. В. Ноосферное социальное качество: от теорий к проектированию // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 2. (192). С. 7–21.

7. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2696. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115025> (дата обращения: 09.04.2018).

8. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. О биологической, социальной и личностной детерминации нравственности и криминального поведения // Социум и власть. 2016. № 2 (58). С. 41–46.

9. Ветров Г. Ю., Визгалов Д. В., Шанин А. А., Шевырова Н. И. Индикаторы социально-экономического развития муниципальных образований. Вып. 2. М. : Ин-т экономики города, 2002. 65 с.

10. Казаневская В. В. Категория «Детерминация» в психологии личности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 1. С. 100–104.

11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=212832&fld=134&dst=100007,0&nd=0.7766487589584585#05978034905253362> (дата обращения: 09.04.2018).

12. Невейкина Н. В. Экономическая сущность эффективного управления развитием региона // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 20 (323). С. 31–36.

13. Серкова А. Е. Зарубежный опыт классификации регионов как инструмента региональной политики // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 8 (299). С. 57–61.

14. Татаркин А. И., Васильева Е. В. Качество жизни населения Уральского региона: тенденции и механизм управления // Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2015. № 08 (123). С. 154–168.

15. Татаркин А. И., Васильева Е. В., Чичканов В. П. Карта выбора механизма управления качеством жизни населения региона // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 42. С. 2–14.

16. Философский энциклопедический словарь. М. : Совет. энцикл. 1983. 843 с.

17. Kahneman D., Deaton F. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. URL: https://www.princeton.edu/~deaton/downloads/deaton_kahneman_high_income_improves_evaluation_August2010.pdf (дата обращения: 09.04.2018).

18. Kuznets S. National Income: A Summary of Findings. New York : National Bureau of Economic Research. URL: <http://www.nber.org/chapters/c5437> (дата обращения: 09.04.2018).

19. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. URL: http://ec.europa.eu/environment/beyond_gdp/download/CMEPSP-final-report.pdf (дата обращения: 09.04.2018).

20. Urban audit (urb). URL: http://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/fr/urb_esms.htm (дата обращения: 09.04.2018).

References

1. Ajvazjan S.A. (2012) Analiz kachestva i obraza zhizni naselenija. Moscow, Nauka, 432 p. [in Rus].
2. Andrijushhenko O.V., Sadovnikov E.S. (2015) *Socium i vlast'*, no. 3 (53), pp. 21–23 [in Rus].
3. Beljaeva L.A. (2009) *Problemy izmerenija i interpretacii*, no. 1, pp. 33–42 [in Rus].
4. Bestuzhev-Lada I.V., Batygin G.S. O kachestve zhizni. Available at: <http://www.library.ru/help/docs/n65217/1.pdf>, accessed 09.04.2018 [in Rus].
5. Bobkov V.N. (2009) *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Ekonomika i upravlenie*, no. 2, pp. 26–36 [in Rus].
6. Bobkov V.N., Bobkov N.V. (2014) *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii*, no 2 (192), pp. 7–21 [in Rus].
7. VCIOM. Press-vypusk № 2696. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115025>, accessed 09.04.2018 [in Rus].
8. Gubanov N.I., Gubanov N.N. (2016) *Socium i vlast'*, no. 2 (58), pp. 41–46 [in Rus].
9. Vetrov G.Ju., Vizgalov D.V., A.A. Shanin, N.I. Shevyrova (2002) *Indikatory social'no-jekonomicheskogo razvitiya municipal'nyh obrazovaniy*. Vyp. 2. Moscow, Institut jekonomiki goroda, 65 p. [in Rus].
10. Kazanovskaja V.V. (2006) *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 1, pp. 100–104 [in Rus].
11. *Koncepcija dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=212832&fld=134&dst=100007,0&nd=0.7766487589584585#05978034905253362>, accessed 09.04.2018 [in Rus].
12. Nevejkina N.V. (2013) *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika*, no. 20 (323), pp. 31–36 [in Rus].
13. Serkova A.E. (2013) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8 (299), pp. 57–61 [in Rus].
14. Tatarin A.I., Vasil'eva E.V. (2015) *Vestnik Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 08 (123), pp. 154–168 [in Rus].
15. Tatarin A.I., Vasil'eva E.V., Chichkanov V.P. (2015) *Regional'naja jekonomika: teorija i praktika*, no. 42, pp. 2–14 [in Rus].
16. *Filosofskij jenciklopedicheskij slovar'* (1983). Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, 843 p. [in Rus].
17. Kahneman D., Deaton F. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. Available at: https://www.princeton.edu/~deaton/downloads/deaton_kahneman_high_income_improves_evaluation_August2010.pdf, accessed 09.04.2018 [in Eng].
18. Kuznets S. National Income: a Summary of Findings. New York, National Bureau of Economic Research. Available at: <http://www.nber.org/chapters/c5437>, accessed 09.04.2018 [in Eng].
19. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. Available at: http://ec.europa.eu/environment/beyond_gdp/download/CMEPSP-final-report.pdf, accessed 09.04.2018 [in Eng].
20. Urban audit (urb). Available at: http://ec.europa.eu/eurostat/cache/metadata/fr/urb_esms.htm, accessed 09.04.2018 [in Eng].

For citing: Golyshev I.D., Zubkova O.V., Karyan Yu.S. Accounting for quality of life indicators for assessing the effectiveness of governing bodies activity // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 44–51.

UDC 332.1: 338.2

ACCOUNTING FOR QUALITY OF LIFE INDICATORS FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF GOVERNING BODIES ACTIVITY

Igor' D. Golyshev,

Ural Social and Economic Institute (branch) of Educational Institution of Labor Unions of Higher Education «Academy of Work and Social Relations», Associate Professor of the Department Chair of Management and Personnel Management, Cand. Sc. (Economics), The Russian Federation, 454091, Chelyabinsk, ulitsa Svobody, 155/1. E-mail: gid14@mail.ru

Olga V. Zubkova,

Ural Social and Economic Institute (branch) of Educational Institution of Labor Unions of Higher Education «Academy of Work and Social Relations», Head of the department Chair of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor, The Russian Federation, 454091, Chelyabinsk, ulitsa Svobody, 155/1. E-mail: Aknozama78@mail.ru

Julija S. Karyan,

Ural Social and Economic Institute (branch) of Educational Institution of Labor Unions of Higher Education «Academy of Work and Social Relations», Associate Professor of the Department Chair of Management and Personnel Management, Cand. Sc. (Economics), The Russian Federation, 454091, Chelyabinsk, ulitsa Svobody, 155/1. E-mail: yulija-87@bk.ru

Annotation

Approaches to using objective and subjective indicators of life quality in the region are investigated. The analysis of the structure of the indicators of life quality used in practice of regional government is carried out. Priorities in using indicators of life quality are revealed. It is noted that some indicators are formed under the influence of the factors (personal determinants) which do not depend on administrative decisions. A new group of indicators which makes it possible to increase validity of assessing effectiveness of regional government is offered.

Key concepts:

life quality, standard of living, assessing effectiveness of management, personal determinants, region.

Для цитирования:

Шибанова Е. К., Савченко Т. Ю.
 Форсайт-прогнозирование
 как конструктор «эффективности будущего»
 деятельности предприятий //
 Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 52–63.

УДК 330.112.1

**ФОРСАЙТ-
 ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
 КАК КОНСТРУКТОР
 «ЭФФЕКТИВНОСТИ
 БУДУЩЕГО»
 ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
 ПРЕДПРИЯТИЙ**

Шибанова Елена Климентьевна,

Российская академия народного
 хозяйства и государственной службы
 при Президенте Российской Федерации,
 Челябинский филиал,
 начальник учебно-методического отдела,
 кандидат педагогических наук, доцент.
 Российская Федерация, 454077,
 г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
 E-mail: shibanova@chel.ranepa.ru

Савченко Татьяна Юрьевна,

Российская академия народного
 хозяйства и государственной службы
 при Президенте Российской Федерации,
 Челябинский филиал,
 руководитель регионального центра
 высшей школы
 государственного управления,
 кандидат экономических наук, доцент.
 Российская Федерация, 454077,
 г. Челябинск, ул. Комарова, д. 26.
 E-mail: savchenko@chel.ranepa.ru

Аннотация

Планетарные изменения мирового сообщества повлекли за собой разработку и внедрение новых подходов и технологий в промышленной индустрии. Выстраивание среднесрочных и долгосрочных прогнозов является необходимым условием для существования и развития промышленного предприятия. Линейные способы прогноза показали свою несостоятельность. Поэтому на современном этапе развития экономики и запросов международных рынков особый интерес представляют прогнозные методы и как частный случай – форсайт-прогнозирование. Теоретическим конструктом работы служат литература, посвященная форсайт-прогнозированию, рамочным программам и единому исследовательскому пространству. Предложенная в статье технология форсайт-прогноирования как измерение «эффективности будущего» позволяет как активизировать дестабилизирующие процессы, так и наметить новые горизонты и модели, создать ситуацию «персонального» выбора перспективной траектории развития промышленного предприятия.

Исследование базируется на выявлении действующих закономерностей современного предприятия и факторов их изменения. Форсайт-прогнозирование задает долгосрочные ориентиры развития промышленного предприятия, а также ориентиры финансирования сектора фундаментальной и прикладной науки и поддержки коммерциализации разработок в данном секторе.

Для оценки тенденций развития промышленного предприятия в России и за рубежом использовались рэнкинги крупнейших компаний по объему выручки в России («Эксперт-400»), в США (Fortune USA 500) и в мире в целом (Fortune Global 500).

Возможные разнообразия и восприимчивости стран со структурными провалами могут стать важным шагом к усилению интеграции и конкуренции внутри мирового пространства при условии прогнозирования технологий будущего.

Ключевые понятия:

форсайт,
 технология форсайт-прогноирования,
 промышленное предприятие,
 рэнкинги промышленных предприятий,
 расчетов индивидуальной эффективности
 деятельности промышленного предприятия.

Введение

Формирование высокотехнологичного, конкурентоспособного, устойчивого и сбалансированного промышленного комплекса инновационного типа, обеспечивающего внутреннюю и внешнюю рынки качественной, доступной, энергоэффективной продукцией, является стратегической задачей государства.

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» отмечено, что следствием мирового финансового кризиса может стать развитие кризиса производства, сопровождаемого снижением сырьевых цен и замедлением темпов роста мировой экономики. Вместе с тем, кризис мировой экономики может открыть новую тенденцию затяжного развития, которая характеризуется повышением инфляции, открытыми конфликтами между странами экспортерами индустриальной продукции и сырья, между социально-экономическими достижениями постиндустриальных государств¹.

Поскольку обозначенные обстоятельства крайне сложны не только для анализа, но и для разработки реальных мер государственной экономической политики, рационально сконцентрировать внимание на промышленном секторе в силу выполняемого им функционала. Именно промышленному комплексу необходим тройной синтез: интеграция науки, технологические инновации и человеческий капитал. Для решения поставленных задач необходимо видение будущего, прогноз, насколько данная задача является осуществимой и приоритетной [1, с. 208; 15, с. 398].

Вместе с тем, на сегодня в России отсутствуют долгосрочные (не менее 20 лет) прогнозы, приоритетные проекты и государственные программы, направленные на развитие промышленного комплекса, которые бы учитывали перспективы и возможные риски [9, с. 24]. При дефиците видения будущего политика промышленного сектора приводит к конъюнктурным решениям, возникает продвижение интересов групп влияния, копирование зарубежных практик и перенос на российскую действительность. В этой парадигме альтернативой могут служить прогнозные методы и технологии, которые ориентированы не только на насто-

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 нояб. 2008 № 1662-р. URL: <http://www.ifar.ru/ofdocs/rus/rus006.pdf> (дата обращения: 12.05.2018).

ящее, но и на перспективу, и наибольшего доверия заслуживает форсайт.

Форсайт как технология будущего

Все страны мира настроены на долгосрочную перспективу, понимая, что в настоящее время требуются новые результаты и достижения в различных отраслях национальной экономики, что предполагает применение совершенных новых методов, способов и технологий, «настроенных» на будущее [11, с. 10]. Такой технологией выступает форсайт. **Форсайт** мы рассматриваем как системный метод оценки долгосрочной перспективы научных, технологических, экономических, социальных достижений с целью выявления приоритетных стратегических направлений и новых тенденций, способных принести наибольший социально-экономический эффект для государства и его граждан.

Форсайт принято рассматривать с разных позиций: как способ организации собственной деятельности, технологию групповой работы, прогноз [8, с. 46]. В данной статье авторы используют форсайт как технологию будущего и долгосрочного прогноза.

Рассмотрим принципы, на которых строятся форсайт-проекты:

- 1) сосредоточение на долгосрочном периоде: «взгляд в будущее» до 30 и 50 лет, возможны и более короткие периоды;
- 2) прогнозируется динамика процесса с его бифуркациями. Учет осуществляется при помощи выделения реперных точек, исключения малоэффективных и внедрения актуализированных технологий, их взаимодействия и взаимозаменяемости;
- 3) учитывается структурность процесса, основанная на системных прогнозах экспертов, опирающихся на достоверную базу данных, имеющих доступ к полному пакету информации;
- 4) формируется образ желаемого будущего, конструируются соответствующие технологии, направленные на удовлетворение потребностей общества и государства;
- 5) объединяются для согласованной работы различные общественные структуры: органы государственной власти, гражданское общество, бизнес-сообщество. Данные структуры и организации приходят к консенсусу

по проблемам на основе экспертных оценок, прогнозов специалистов и составления будущих сценариев развития общества [5, с. 27];

- 6) прорабатывается система мероприятий по реализации образа будущего посредством разработки программ развития и конкретных бизнес-планов, признанных наиболее привлекательными для гражданского общества [18, с. 124];
- 7) форсайт-проекты позволяют составить долгосрочные программы как на уровне государства, так и на региональном и местном уровнях, конкретных компаниях, некоммерческого сектора и др. [17, с. 16].

В. П. Третьяк указывает, что первым критерием, отличающим один вид форсайта от другого, является реализация проекта. По типу формирования форсайт-проектов автор разделяет их на те, в которых преобладает возможность заглянуть на процесс развития объекта «сверху», и те, в которых этот процесс осуществляется «снизу» [12, с. 19].

Второй критерий состоит в том, насколько предвидение пытается использовать предстоящие изменения в технологиях. При этом форсайты делят на технологические (если в основе вовлечение и использование новых технологий) и социальные (если в них доминирует рассмотрение социальных форм).

Третьим критерием является скорость проведения форсайт-проекта. По этому критерию их можно разделить на быстрые и фундаментальные.

Четвертым критерием различий форсайтов являются отличия по субъекту рассмотрения. По этому критерию форсайты подразделяют на тематические, территориальные и корпоративные [12, с. 18].

На сегодня можно констатировать, что реализация некоторых инженерно-технических, архитектурно-строительных и социально-политических проектов приводит к серьезным проблемам или даже катастрофическим последствиям. Эти последствия выражались в непредсказуемом поведении «материала, в котором реализован проект, при «столкновении с внешней средой (например, разрушение зданий и сооружений при проседании грунта и др.), а с другой стороны, в деградации окружающей среды (загрязнение рек, изменение климата и др.)» [21, с. 1528]. Необходимость учета указанных рисков и соответствующей доработки проектов привели к появлению особой практики исследования и прогнозирования бу-

дущего как условия реализации проектов [7, с. 181].

Для построения государственной политики промышленного производства в настоящее время существуют рамочные документы, как, например, «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года». В Стратегии отражено, что уже сформировались высокотехнологичные сектора экономики (авиационная и ракетно-космическая промышленность, судостроение, радиоэлектронная промышленность, атомный энергопромышленный комплекс, энергетическое машиностроение, информационно-коммуникационные технологии), в которых Россия обладает серьезными конкурентными преимуществами или претендует на их создание в среднесрочной перспективе¹.

Прогнозирование должно выстраиваться на пролонгации тенденций, выделенных на основе анализа состояний этих систем в настоящем и будущем, а также нацелено на определение отдаленного в будущем эффекта [2, с. 59].

Предлагаемая технология с использованием форсайт-прогнозирования «эффективности» деятельности предприятий обладает рядом достоинств, определяющих ее научно-методологическую и практическую значимость:

1. Технология форсайт-прогнозирования является более эффективным механизмом оценки эффективности деятельности промышленного предприятия, который строится с учетом особенностей кризисной экономики на среднесрочный или долгосрочный период.
2. Технология форсайт-прогнозирования является универсальной. Она применима для любого предприятия. Технологию Форсайт-прогнозирования можно использовать в качестве оценки результативности и эффективности «жизнеспособности» как всего предприятия, так и отдельных подразделений.
3. Технология форсайт-прогнозирования обладает значительной гибкостью и высокой степенью достоверности результатов, поскольку информация исходит от независимых экспертов.

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 8 дек. 2011 г. № 2227-п. URL: /http://government.ru/media/files/AvblwTWvibE.pdf (дата обращения: 11.05.2018).

4. Технология форсайт-прогнозирования является многофункциональной. Уникальность оценки эффективности функционирования промышленного предприятия заключается в том, что можно использовать любое количество индикативов, а в условиях отсутствия данных по отдельным показателям интегральный параметр сохраняет степень валидности и эффективности.

Анализ эффективных мировых практик в различных отраслях промышленности

Модели и опыт мировых практик в различных отраслях промышленности активно работают еще с начала XX в. и набирают обороты в XXI в. Когда промышленное производство выделилось в системе мировой экономики в самостоятельную область и закрепило свое место среди других отраслей естественных монополий, полностью изменилось индустриальное развитие общества, на арену вышли сверхдержавы: Англия, США, Российская Федерация и страны Европейского Союза.

Анализ научных источников позволил выделить три основные модели (практики) в различных отраслях промышленности:

1. Практика использования различными странами импортозамещений. Выделяют три основные модели: внутриориентированного, внешнеориентированного и смешанного импортозамещения.
2. Американская и японская модели субконтракции.
3. Модели инновационного развития промышленного предприятия.

Кроме указанных моделей неизменным трендом последних десятилетий является ужесточение экологических требований к производствам и готовой продукции. Дорожные карты устойчивого развития промышленности до 2050 г. основной задачей ставят существенное сокращение выбросов в окружающую среду, снижение использования природных материалов и невозобновляемых источников электроэнергии, сокращение объема отходов и увеличение доли биоразлагаемых материалов в составе отходов.

Ответной реакцией чаще всего является принятие управленческих решений: обучение новым профессиям, введение новых подразделений, образование новых науч-

ных школ, привлечение иностранных инвесторов, но не на развитие промышленного сектора [3, с. 28].

На повестке дня дискутируются проблемы как позитивного, так и негативного воздействия производства на все стороны жизнедеятельности человека. Происходит трансформация традиционных систем в наносистемы. Наблюдается ярко выраженная узкая специализация различных промышленных предприятий, базирующихся на внедрении в процесс производства новых программных продуктов, высоких технологий, научных разработок, робототехники и проч. Профильные предприятия бросают вызов классическим разработкам. Мировые практики формируют новые требования к промышленному производству, требуют изменения приоритетов, взаимоотношений производства, среды и государства [15, с. 18].

Современные промышленные предприятия в большинстве своем носят «гибридный» характер, то есть часть из них функционирует на государственной основе, а другие – как частные компании. Это становится новой формой в данном кластере. При нехватке финансовых средств, получаемых из государственного бюджета, предпринимательский стиль работы промышленного предприятия становится более выраженным и более ощущаемым.

Особо отметим, что современные мировые практики уже сформировались, однако вызывают неудовольствие в современном геополитическом пространстве, особенно в региональных центрах, уверенных в том, что все неприятности российского производства обусловлены недостаточным финансированием и вниманием к ним со стороны государства. Однако существует и другое мнение, осознание, что проблема финансирования промышленного комплекса носит взаимообусловленный характер и включает в себя следующие основные элементы:

- технологическое отставание российской промышленности от аналогичного производства в ведущих странах мира;
- физическая изношенность основных производственных фондов предприятий промышленности;
- неудовлетворительная транспортная способность продукции предприятий, ухудшающая мобильность;
- низкая конкурентоспособность российской промышленной продукции, выпускаемой с использованием энергоемких технологий на устаревшем энергозатратном оборудовании;

- недостаточная инновационная активность российских коммерческих структур [5, с. 172].

Передовые промышленные предприятия уже сегодня начинают ориентироваться на модели «проектно-ориентированного» или «исследовательско-прогнозного» вариантов [20].

В России международная практика еще не приняла всеобщие обороты, пока неоднозначно понимается и принимается академическим сообществом, хотя часто обсуждается на конференциях и форумах [16, с. 353].

Эффективная интеграция российской промышленности в мировое пространство необходима с целью обретения специфических «инфраструктурных навыков производственной деятельности».

Подчеркивая значимость каждой модели и трендов по проблеме эффективного управления предприятием, отметим недостаточное применение прогнозных методов и отсутствие в «чистом виде» модели прогнозируемого будущего как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективах. Не претендуя на столь обширное научное исследование, авторы ограничились теоретическим обоснованием и технологическими выводами использования форсайт-прогнозирования, который предполагает разделение внешней и внутренней эффективности деятельности и конкурентоспособности промышленного предприятия, используя метод экспертных оценок.

Реалии экономики промышленного предприятия

Однако ситуация в реальном секторе экономики далека от критической. Прежде всего бросается в глаза рост прибыли компаний: сальдо прибыли и убытков компаний реального сектора в 2015 г. увеличилось на 73 % по сравнению с 2014 г. и на 9,4 % против 2013.

В 2016 г. рост продолжился и при сохранении текущих тенденций по итогам года может составить еще 5 %, что обеспечит рекордное значение показателя за всю историю. При этом сальдо растет не только за счет роста прибыли прибыльных компаний, но и за счет сокращения убытков убыточных предприятий [15, с. 13].

Ухудшение качества корпоративного кредитного портфеля тоже оказалось намного меньше, чем в 2009 г. Иногда это объясняют сокрытием реального положения дел банками, которые фальсифицируют отчетность, но кроме упомянутого роста

прибыльности есть и другие объективные критерии. Например, резкий рост объемов корпоративных депозитов у компаний всех секторов экономики и даже малого бизнеса, а также значительный объем погашения корпоративных кредитов прямо свидетельствуют, что у промышленных компаний явно имеются деньги.

Однако в отличие от предыдущих кризисов восстановление идет заметно медленнее. После быстрого, хотя и весьма умеренного по меркам 2009 г. падения в начале 2015 г. промышленное производство растет очень слабо, все еще отставая от уровня 2013 г. на 1,5 %.

Это совершенно не похоже ни на быстрый отскок после 1999 г., ни на возвращение к «нормальным темпам роста» в 2010. Все это дает многим экспертам основания ставить диагноз, что наш кризис явно будет развиваться не по сценарию V-кризиса с быстрым отскоком, как в России после 1998 г., а по сценарию L-кризиса, как в Японии в 1990, когда за периодом роста последовал длительный период стагнации, названный «потерянным десятилетием» [15, с. 14].

Сохраняется данная тенденция и в России. Нефтегазовый сектор несет потери не только в цене, но и в количестве представителей. Всего в рейтинг в 2016 г. вошли 10 компаний сектора против 11 годом ранее и 14 по итогам 2013 г. По числу компаний в рейтинге эта отрасль уступила не только компаниям электроэнергетики (15 компаний), но и резко нарастившему свое представительство за счет банков финансовому сектору.

В 2012 г. на второй позиции по доле в рейтинге находились предприятия металлургии, однако в 2015 г. они потеряли в стоимости сразу 20 % и опустились на третье место. В денежном выражении металлурги потеряли за год 11,1 миллиарда долларов капитализации, что стало самым большим показателем после нефтегазового сектора (минус 17,7 миллиарда долларов). Проблемы металлургов, как и проблемы нефтяников, в 2015 г. были связаны с неблагоприятной конъюнктурой внешнего рынка, но, в отличие от нефтяников, металлурги существенно пострадали еще и от резкого сокращения спроса на внутреннем рынке¹.

В силу неблагоприятных экономических условий и падения доходов населения су-

¹ Перечнева И. Внутренняя структура // Эксперт Урал. 2017. № 28 (735). URL: http://expert.ru/dossier/industries/ferrrous_metallurgy/ (дата обращения: 02.05.2018).

щественное снижение продемонстрировали компании телекоммуникационного сектора (их стоимость снизилась почти на 20 %), фармацевтические предприятия и представители розничной торговли. От сокращения заказов, в том числе государственных, пострадали компании, работающие в сегменте информационных технологий.

На этом фоне улучшались позиции компаний машиностроительного сектора, капитализация которых выросла за год на 94 %. Впрочем, их представленность в рейтинге остается очень небольшой, как и представленности предприятий пищевой промышленности, капитализация которых выросла сразу на 80 % за счет роста внутреннего спроса, в том числе по причине санкций и ослабления рубля.

Позитивную динамику демонстрировали также компании химической отрасли и транспортные предприятия. При этом отметим, что химики продемонстрировали второй результат после финансового сектора по приросту капитализации в денежном выражении (рост на 3,1 миллиарда). Такой успех отрасли обусловлен в немалой степени благоприятными рыночными условиями и рекордными производственными результатами, которых химикам удалось достичь, в том числе, за счет запуска в эксплуатацию новых мощностей.

В 2017 г., по мнению экспертов РИА Рейтинг, можно будет ожидать слабого роста стоимости большинства публичных компаний. Прежде всего это будет вызвано определенными макроэкономическими улучшениями и возможной стабилизацией на нефтяном рынке. Лучшее продолжат торговаться бумаги пищевой промышленности. Вероятно, благодаря госзаказам достаточно неплохо покажет себя и машиностроительная отрасль. Также можно ожидать неплохих результатов от банковского сектора, который, похоже, одним из первых относительно адаптировался к новым экономическим реалиям.

Хуже рынка в условиях слабой конъюнктуры останется строительный сектор и сектор ИТ. Вероятно, снижение продолжится у компаний ритейла и металлургии. В нефтегазовом секторе, скорее всего, будет наблюдаться стабилизация, однако без особых подвижек к росту. В результате тройка лидеров, скорее всего, останется прежней, хотя с некоторой вероятностью «ЛУКОЙЛ» может вернуть свои позиции. При этом отметим, что если «Газпром» продолжит дешеветь в 2017 г. прежними темпами, то он может уступить первое место в рейтинге.

Мы часто думаем о крупном бизнесе как о более стабильном и надежном по сравнению с бизнесом, имеющим меньшие масштабы. И действительно, при взгляде на рэнкинги крупнейших компаний за последние годы существенных изменений в них нет [19]. Например, в списке крупнейших компаний США на первом месте все так же Walmart, а в России — «Газпром». Вместе с тем, если сравнивать такие рэнкинги с интервалом не год-два, а пять лет и более, то перемены становятся более заметными. Изменяются не только выручка, прибыль и число занятых в компаниях, но и крупный бизнес в части его отраслевой принадлежности и страны происхождения.

Рэнкинги промышленных предприятий как основа форсайт-прогноза

Для оценки тенденций развития крупного бизнеса в России и за рубежом за период после кризиса 2008 г. мы сравнили рэнкинги крупнейших компаний по объему выручки в России («Эксперт-400»), в США (Fortune USA 500) и в мире в целом (FortuneGlobal 500). Для составления рэнкингов принято использовать данные о выручке компаний за год, предшествующий выходу рэнкинга. В связи с этим для оценки «докризисного» положения крупного бизнеса были взяты данные за 2008 г. и сопоставлены с последними доступными данными по рассматриваемым странам.

Состав крупнейших компаний за 2008–2015 гг. претерпел довольно существенные изменения. В 2015 г. из 500 крупнейших мировых компаний насчитывалось более 150 (то есть около 30 %), не присутствовавших в рэнкинге 2008 г. Среди таких «новых» компаний не только те, которые входят в третью-четвертую сотню рейтинга, но даже те, что входят в 50 крупнейших мировых компаний (таких оказалось шесть). Как правило, «новые» компании, вошедшие в мировой рэнкинг по выручке, — это организации из Китая. Если в 2008 г. в число 500 крупнейших компаний мира входили 29 компаний из КНР, то в 2015 их было уже 98 (для сравнения: число компаний из США сократилось со 153 до 128). Сопоставление числа крупнейших компаний из разных стран мира, входящих в рэнкинг, демонстрирует «замещение» китайскими компаниями компаний из США, Японии и Европы. Это проявляется не только в количестве компаний, но и в размере их выручки. Например, на китайские компании в 2015 г. приходилось 20 %

суммарной выручки компаний Fortune Global 500, хотя в 2008 г. этот показатель составлял только 5 %. При этом доля компаний из США в суммарной выручке участников Fortune Global 500 сократилась за это время с 32 до 28 %, из Японии — с 11 до 9 % [15, с. 16].

Еще более заметная «ротация» произошла среди крупнейших компаний России. Среди 400 крупнейших компаний, вошедших в рейтинг «Эксперта» в 2015 г., 188 не присутствовали в нем в 2008, то есть произошла смена 47 % позиций рейтинга. Смена эта в значительной степени связана с укрупнением бизнеса (формированием новых компаний на основе объединения активов), а также с созданием и развитием деятельности подразделений («дочек») международных компаний на российской территории.

Технология форсайт-прогнозирования в измерении эффективности деятельности предприятий

Прогноз эффективности деятельности отражает рыночную сторону взаимоотношений между промышленным предприятием и востребованностью его продукции со стороны социума. И этот прогноз строится по следующему сценарию: чем выше персональная ответственность предприятия, тем с большим удовольствием выбирает потребитель продукцию данного промышленного предприятия, тем выше конкурентоспособность данного предприятия на рынке [14, с. 66].

Применение форсайт-прогнозирования в деятельности промышленных предприятий имеет преимущества перед другими методами проектирования будущего и включает в себя четыре основных компонента:

- 1) «предвосхищение будущего» – определение основных направлений в развитии общества, науки, техники;
- 2) «сценарии будущего» – стремление выделить множество долгосрочных сценариев будущего, включая риски возможного и невозможного «горизонта» будущего;
- 3) «будущее в менеджменте» – согласование стратегических целей и ключевых приоритетных проектов управления разного уровня;
- 4) «картирование маршрута будущего» – проектирование карты маршрутов движения в будущее. Маршрутная карта отражает варианты «точек бифуркаций», «окон возможностей», мониторинг и др. [10, с. 10].

Приведем в качестве примера успехи применения технологии форсайта в таких компаниях, как Samsung и Boeing. Так Nokia благодаря использованию технологии форсайт «захватила» рынок мобильных телефонов, снизив иные виды продукции. В настоящее время фирма Samsung является лидером по продажам. Компания Boeing, использующая форсайт, сделала акцент на снижении весовых характеристик воздушных судов [6, с. 183].

Для расчетов индивидуальной эффективности деятельности промышленного предприятия на среднесрочную и долгосрочную перспективу предлагаем использовать форсайт-прогнозирование. Эффективность будет максимальной, если прирост доходов будет стремиться к максимуму, а издержки производства – к минимуму.

Изучая практику российского сектора промышленного предприятия, отметим, что и сейчас существуют такие предприятия, у которых уровень конкурентоспособности близок к нулю. Это обусловлено низкими экономическими возможностями российского рынка промышленного предприятия.

Прогнозируя будущее на основе форсайта, мы разделили понятия внешней и внутренней эффективности деятельности и конкурентоспособности промышленного предприятия, используя метод экспертных оценок. Эксперты получают «экспертные листы» со 100-балльной шкалой оценивания.

Внешняя эффективность деятельности промышленного предприятия отражает выполнение ожиданий двух групп интересов: промышленного предприятия и запросы потребителя.

Для определения внутренней эффективности деятельности промышленного предприятия нами предлагается следующая формула:

$$V_{эфф} = m_1 \times \mathcal{E}_y + m_2 \times \mathcal{E}_c + m_3 \times \mathcal{E}_p + m_4 \times \mathcal{E}_b + m_5 \times \mathcal{E}_{эфф} \quad (1)$$

Весовые мультипликаторы (m_1, m_2, m_3, m_4, m_5) отражают степень влияния каждого параметра на внутреннюю эффективность деятельности промышленного предприятия. Параметры ($\mathcal{E}_y, \mathcal{E}_c, \mathcal{E}_p, \mathcal{E}_b, \mathcal{E}_{эфф}$), характеризующие различные виды эффективности функционирования промышленного предприятия в разрезе подсистем, в предлагаемой нами технологии форсайт-прогнозирования определяются по следующей траектории:

1. Представляются элементы системы, отражающие наиболее значимые характери-

стики функционирования промышленного предприятия.

2. Отобранные параметры распределяются по выделенным показателям.

3. По каждому из выделенных показателей эффективности функционирования промышленного предприятия определяются весовые мультипликаторы, показывающие степень влияния расчетного параметра на результирующий параметр эффективности.

4. Количество параметров по каждому показателю может носить «плавающий» характер, так как может зависеть от особенностей и специализации промышленного комплекса, инженерной инфраструктуры реализацией программ развития и др.

5. Выделим математическим методом некоторые, на наш взгляд, показательные параметры. Для примера возьмем 5 параметров:

- 1) Параметр, характеризующий эффективность управления промышленного предприятия (\mathcal{E}_y), рассчитывается при помощи нескольких показателей, обусловленных определенными весовыми мультипликаторами, которые показывают уровень влияния каждого из этих показателей на эффективность менеджмента промышленного предприятия:

$$\mathcal{E}_y = \mathcal{E}_{y1} \mathcal{E}_{y1} + \dots + \mathcal{E}_{yj} \mathcal{E}_{yj} + \dots + \mathcal{E}_{ym} \mathcal{E}_{ym}, \quad (2)$$

где $\mathcal{E}_{y1} \dots \mathcal{E}_{ym}$ – весовые мультипликаторы, рассчитанные на основании экспертных оценок;

$\mathcal{E}_{y1} \dots \mathcal{E}_{ym}$ – параметры, определяющие эффективность управления промышленным предприятием.

- 2) Параметр, характеризующий эффективность создания и реализации будущей стратегии промышленного предприятия (\mathcal{E}_c), рассчитывается при помощи нескольких показателей, обусловленных определенными весовыми мультипликаторами, которые показывают уровень влияния каждого из этих показателей на эффективность стратегического управления:

$$\mathcal{E}_c = \mathcal{E}_{c1} \mathcal{E}_{c1} + \dots + \mathcal{E}_{cj} \mathcal{E}_{cj} + \dots + \mathcal{E}_{cm} \mathcal{E}_{cm}, \quad (3)$$

где $\mathcal{E}_{c1} \dots \mathcal{E}_{cm}$ – весовые мультипликаторы, рассчитанные на основании экспертных оценок;

$\mathcal{E}_{c1} \dots \mathcal{E}_{cm}$ – параметры, определяющие эффективность создания и реализации стратегии промышленного предприятия.

- 3) Параметр, характеризующий эффективность использования ресурсов промышленного предприятия (\mathcal{E}_p), рассчитывается при помощи нескольких показателей, обусловленных определенными весовыми мультипликаторами, которые показывают уровень влияния каждого из этих показателей на эффективность использования различных видов ресурсов промышленного предприятия:

$$\mathcal{E}_p = \mathcal{E}_{p1} \mathcal{E}_{p1} + \dots + \mathcal{E}_{pj} \mathcal{E}_{pj} + \dots + \mathcal{E}_{pm} \mathcal{E}_{pm}, \quad (4)$$

где $\mathcal{E}_{p1} \dots \mathcal{E}_{pm}$ – весовые мультипликаторы, рассчитанные на основании экспертных оценок;

$\mathcal{E}_{p1} \dots \mathcal{E}_{pm}$ – параметры, определяющие эффективность использования ресурсов промышленного предприятия.

Параметр, характеризующий эффективность внутренних процессов промышленного предприятия ($\mathcal{E}_в$), рассчитывается при помощи нескольких показателей, обусловленных определенными весовыми мультипликаторами, которые показывают уровень влияния каждого из этих показателей на эффективность процессов промышленного предприятия:

$$\mathcal{E}_в = \mathcal{E}_{в1} \mathcal{E}_{в1} + \dots + \mathcal{E}_{вj} \mathcal{E}_{вj} + \dots + \mathcal{E}_{вm} \mathcal{E}_{вm}, \quad (5)$$

где $\mathcal{E}_{в1} \dots \mathcal{E}_{вm}$ – весовые мультипликаторы, рассчитанные на основании экспертных оценок;

$\mathcal{E}_{в1} \dots \mathcal{E}_{вm}$ – параметры, определяющие эффективность внутренних процессов промышленного предприятия.

Уровень конкурентоспособности промышленного предприятия равен единице при условии, если в рамках данного рынка оно одновременно имеет максимальный уровень внешней и внутренней эффективности. Однако если границы рынка расширить (регион, ближнее и дальнее зарубежье), то на каждом из этих рынков промышленное предприятие может иметь разные мультипликаторы уровня конкурентоспособности [14, с. 13].

Уровень конкурентоспособности промышленного предприятия предполагает такой параметр, который характеризует экономическую эффективность деятельности промышленного предприятия ($\mathcal{E}_{эф}$), рассчитывается при помощи нескольких показателей, обусловленных определенными весовыми мультипликаторами, которые показывают уровень влияния каждого из этих показателей на основные финансовые

параметры работы промышленного предприятия и состояние его материально-технической базы:

$$\Xi_{эо} = \Xi_{эф1} \Xi_{эф1} + \dots + \Xi_{эфj} \Xi_{эфj} + \dots + \Xi_{эфm} \Xi_{эфm}, \quad (6)$$

где $\Xi_{эф1} \dots \Xi_{эфm}$ – весовые мультипликаторы, рассчитанные на основании экспертных оценок;

$\Xi_{эо1} \dots \Xi_{эом}$ – параметры, характеризующие экономическую эффективность работы промышленного предприятия.

Результаты экспертных оценок и оценки предприятия позволяют сконструировать сценарии и выбрать наиболее «выгодный».

Это в свою очередь дает возможность спроектировать карты маршрутов движения в будущее. Здесь отражаются варианты «точек бифуркаций», возможности.

Завершение технологического процесса связано с определением рисков и вызовов вероятности и значимости тенденций в деятельности предприятия.

Схематично технологию форсайт-прогнозирования «эффективного будущего» предприятия можно представить на рисунке.

Выделение ограниченного количества параметров, оцененных экспертами, и соотнесение этих параметров с реальной

деятельностью и прогнозами самого предприятия позволяет сконструировать «эффективное будущее» с учетом различных сценариев. Ведущая роль принадлежит экспертам, которые являются компетентными и квалифицированными специалистами в секторе промышленного производства. Выделенные экспертами наиболее значимые параметры, а также мнение представителей предприятия позволяют построить соответствующие сценарии и далее карту маршрутизации. Технология позволяет выявить объективную оценку деятельности предприятия, является экономически малозатратной и краткосрочной по временным рамкам.

Выводы

Таким образом, нами представлена технология с использованием форсайт-прогнозирования, позволяющая сконструировать и количественно оценить эффективность функционирования промышленного предприятия в среднесрочной или долгосрочной перспективе. Форсайт-прогнозирование позволяет увязать в едином контексте внешнюю и внутреннюю эффективность промышленного предприятия, возможность спрогнозировать сильные и слабые стороны в его деятельности. В условиях экономиче-

Технология форсайт-прогнозирования «эффективного будущего» предприятия»

ского кризиса это позволит разработать точный прогноз по формированию перспективной стратегии на ближайшее и отдаленное будущее.

В современных российских условиях для эффективного будущего деятельности предприятий авторы предлагают использовать форсайт-прогноз на основе экспертных оценок с использованием двухмерного анализа: внешней и внутренней эффективности самого предприятия и конкурентоспособности в промышленной отрасли. Полученные с помощью форсайт-прогнозирования данные отражают уровень эффективной деятельности предприятия и позволяют выявить факторы, которые в дальнейшем необходимо развивать для совершенствования ситуации и различных сценариев будущего. В качестве пути развития наиболее эффективными является технология форсайт-прогнозирования «эффективного будущего» предприятия, которая выстраивается на совокупности параметров, четко распределенных по основным показателям. По каждому из выделенных параметров эффективности функционирования промышленного предприятия определяются весовые мультипликаторы, показывающие степень влияния расчетного параметра на результирующий параметр эффективности. Параметр, характеризующий внешнюю и внутреннюю эффективность и конкурентоспособность промышленного предприятия, рассчитывается при помощи нескольких показателей, обусловленных определенными весовыми мультипликаторами, которые показывают уровень влияния каждого из этих показателей на эффективность менеджмента промышленного предприятия.

На основе результатов экспертных оценок и оценки предприятия конструируются сценарии и определяется наиболее эффективный и результативный. Это в свою очередь дает возможность спроектировать карты маршрутов движения в будущее. В завершении определяются риски и вызовы вероятности и значимости тенденций в деятельности предприятия.

Внедрение технологии форсайт-прогнозирования в деятельность предприятий позволяет:

- 1) использовать современные методы форсайт-проектирования в деятельности предприятия;
- 2) универсальность предложенной технологии дает возможность использовать ее для предприятия независимо от его специализации и профильности;

- 3) возможность получить независимую и объективную, отвечающую требованиям рыночной экономики оценку экспертов, потребителей промышленных товаров, потенциальных заказчиков.

Внедряя предложенную технологию, предприятие может спрогнозировать эффективное будущее, а следовательно, повысить конкурентоспособность, прибыль, укрепить позицию на рынке, привлечь новых клиентов и инвесторов.

1. Ахмедуев А. Ш. Стратегическое управление социально-экономическим развитием региона : монография. М. : Экономика, 2013. 323 с.

2. Бруммер В., Коннола Т., Сало А. Многообразие в форсайт-исследованиях. Практика отбора инновационных идей // Форсайт. 2010. № 4. С. 59–66.

3. Волкова В. Н. Теория систем. М. : Высшая школа, 2006. 616 с.

4. Гапоненко Н. В. Форсайт. Теория. Методология. Опыт : монография М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 284 с.

5. Крымов В. Б. Стратегическое планирование в системе управления социально-экономическим развитием субъекта Российской Федерации : монография. М. : ИЭ РАН, 2006. 407 с.

6. Лавриненко А. О., Калужский М. Л. Применение технологий форсайт при разработке инвестиционной стратегии // Территория наук. 2016. № 1. С. 183.

7. Морозова Н. В. Подходы к оценке эффективности реализации региональных стратегий социально-экономического развития // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3. С. 178–182.

8. Сизов В. С. Территориальный форсайт: опыт форсайт-исследования муниципального образования // Вопросы новой экономики. 2013. № 2. С. 46.

9. Сизов В. С. Форсайт-исследование: Киров – Город Будущего : монография. М. : Магистр, 2013. 173 с.

10. Соколов А. В. Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. № 1. С. 10.

11. Тотьямина Т. С. Форсайт научно-технологического развития региона (на примере Владимирской области) : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М. : РАНХиГС, 2012. 21 с.

12. Третьяк В. П. Конкурентоспособность отечественных компаний и корпоративный форсайт // Экономические стратегии. 2015. № 10. С. 16–21.

13. Филатов В. В., Трифонов Р. Н., Подлесная Л. В. Управление стратегией инвестиционно-экономического развития вертикально-интегрированного холдинга : кол. моногр. М. : ЦНТБ пищевой промышленности, 2015. 394 с.

14. Хаваш А. Социальные и бизнес-инновации: возможны ли единые подходы к измерению? // Форсайт. 2016. Том 10. № 2. С. 52–80.

15. Четинкая У., Эрдил Э. Интеграция и конкуренция в Европе: инновационная политика

в сетевой и энтропийной перспективах // Форсайт. 2016. Т. 10. № 4. С. 7–24.

16. Шибанова Е. К., Савченко Т. Ю., Лобастов А. А. Оценка полномочий и структурных изменений Министерства образования и науки Челябинской области // Технологии прикладной политологии и социологии как инструмент повышения эффективности государственного и муниципального управления / отв. ред. С. Г. Зырянов. Челябинск : Челяб. филиал РАНХиГС, 2016. 386 с.

17. Шушунова Т. Н. Технологический форсайт как инструмент прогнозирования и реализации инновационного развития химической промышленности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2011. Июнь. С. 16–17.

18. Filatov V.V. Theoretical questions of formation and development of the market economic system industry innovation // II Science, Technology and Higher Education : materials of the II international research and practice conference. Canada, 2014. P. 124–128.

19. Nicholls N. Future of Business. URL: <http://www.nicknicholls.com/no-business-is-too-big-to-fail-or-too-small-to-succeed/future-of-business> (дата обращения: 02.05.2018).

20. Salvatico Y.M. Addressing the GAP: Developing Corporate Foresight Through Competency Building // Kedge. 2013. 30th of July. URL: <http://www.kedgefutures.com/addressing-the-gap-developing-corporate-foresight-through-competency-building> (дата обращения: 05.05.2018).

21. Vecchiato R., Roveda C. Strategic Foresight in Corporate Organizations: Handling the Effect and Response Uncertainty of Technology and Social Drivers of Change // Technological Forecasting & Social Change. Vol. 77. 2015. № 9. P. 1527–1539.

References

1. Akhmeduev A.Sh. (2013) Strategicheskoe upravlenie sotsial'no-ehkonomicheskim razvitiem regiona. Moscow, Ekonomika, 323 p. [in Rus].

2. Brummer V., Konnola T., Salo A. (2010) *Forsajt*, no. 4, pp. 59–66 [in Rus].

3. Volkova V.N. (2006) *Teoriya sistem*. Moscow, Vysshaya shkola, 606 p. [in Rus].

4. Gaponenko N.V. (2012) *Forsajt. Teoriya. Metodologiya. Opyt*. Moscow, YUNITI-DANA, 284 p. [in Rus].

5. Krymov V.B. (2006) Strategicheskoe planirovanie v sisteme upravleniya sotsial'no-ehkonomicheskim razvitiem sub"ekta Rossijskoj Federatsii. Moscow, IEH RAN, 407 p. [in Rus].

6. Lavrinenko A.O., Kaluzhskij M.L. (2016) *Territoriya nauk*, no. 1, p. 183 [in Rus].

7. Morozova N.V. (2014) *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 3, pp. 178–182 [in Rus].

8. Sizov V.S. (2013) *Voprosy novoj ehkonomiki*, no. 2, p. 46 [in Rus].

9. Sizov V.S. (2013) *Forsajt-issledovanie: Kirov – Gorod Budushhego*. Moscow, Magistr, 173 p. [in Rus].

10. Sokolov A.V. (2007) *Forsajt*, no 1, p. 10 [in Rus].

11. Tot'myanina T.S. (2012) *Forsajt nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya regiona (na primere Vladimirskoj oblasti)*. Moscow, RANHiGS, 21 p. [in Rus].

12. Tret'yak V.P. (2015) *Ekonomicheskie strategii*, no. 10, pp. 16–21 [in Rus].

13. Filatov V.V., Trifonov R.N., Podlesnaya L.V. (2015) *Upravlenie strategiej investicionno-ehkonomicheskogo razvitiya vertikal'no-integririvannogo holdinga*. Moscow, CNTB Pishchevoj promyshlennosti, 394 p. [in Rus].

14. Havash A. (2016) *Forsajt*, t. 10, no. 2, pp. 52–80 [in Rus].

15. Cetinkaya U., Erdil E. (2016) *Forsajt*, t. 10, no 4, pp. 7–24 [in Rus].

16. Shibanova E.K., Savchenko T.YU., Lobastov A.A. (2016) Ocenka polnomochij i strukturnyh izmenenij Ministerstva obrazovaniya i nauki Chelyabinskoy oblasti // *Tekhnologii prikladnoj politologii i sociologii kak instrument povysheniya ehffektivnosti gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya* / ed. S.G. Zyryanov. Chelyabinsk, Chelyabinskij filial RANHiGS, 386 p. [in Rus].

17. Shushunova T.N. (2012) *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, June, pp. 16–17 [in Rus].

18. Filatov V.V. (2014) Theoretical questions of formation and development of the market economic system industry innovation // II Science, Technology and Higher Education: materials of the II international research and practice conference. Canada pp. 124–128 [in Eng].

19. Nicholls N. Future of Business. Available at: <http://www.nicknicholls.com/no-business-is-too-big-to-fail-or-too-small-to-succeed/future-of-business>, accessed 02.05.2018 [in Eng].

20. Salvatico Y.M. (2013) Addressing the GAP: Developing Corporate Foresight Through Competency Building // Kedge, 30th of July, available at: <http://www.kedgefutures.com/addressing-the-gap-developing-corporate-foresight-through-competency-building> (accessed 05.05.2018) [in Eng].

21. Vecchiato R., Roveda C. (2015) *Technological Forecasting & Social Change*, vol. 77, no. 9, pp. 1527–1539 [in Eng].

For citing: Shibanova E.K., Savchenko T.Yu.
Foresight forecasting as a constructor
of "effectiveness of the future"
in the activities of enterprises //
Socium i vlast'. 2018. № 3 (71). P. 52–63.

UDC 330.112.1

FORESIGHT FORECASTING AS A CONSTRUCTOR OF "EFFECTIVENESS OF THE FUTURE" IN THE ACTIVITIES OF ENTERPRISES

Elena K. Shibanova,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Academic Services Office,
Cand. Sc. (Education), Associate Professor.
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: shibanova@chel.ranepa.ru

Tatyana Yu. Savchenko,

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Chelyabinsk branch,
Head of the Regional Center of Higher School
of Public Administration,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor.
The Russian Federation, 454077,
Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 26.
E-mail: savchenko@chel.ranepa.ru

Annotation

Planetary international community changes have resulted in the development and implementation of new approaches and technologies in the manufacturing industry. The alignment of medium- and long-term forecasts is a necessary condition for the existence and development of an industrial enterprise. Linear methods of forecasting proved to be ineffective. Therefore, at the present stage of economic development, and the international market demands forecasting methods, foresight forecasting in particular, are of great interest. The theoretical constructor for this work is literature concerned with foresight forecasting, framework programs and common research area. Proposed in the article technology of foresight forecasting as a unit of measurement of an industrial enterprise "effectiveness of the future" makes it possible to activate destabilizing processes and outline new horizons and models, create the situation for an industrial enterprise favorable enough to choose future directions.

The research is based on pointing out functional regularities of a modern enterprise and factors of their changes. Foresight forecasting specifies long-term objectives for an industrial enterprise development, and also objectives for financing the sector of fundamental and application-oriented science and supporting commercialization of developments in this sector.

To evaluate the tendencies of an industrial enterprise development in Russia and abroad rankings of the greatest companies (as far as the profit is concerned) in Russia ("Expert-400"), in the USA (Fortune USA 500) and in the world generally (Fortune Global 500).

Possible diversity and sensitivity of those countries which experience structural failure can be an important step towards integration and competition enhancement in the universal space on the assumption of forecasting future technologies.

Key concepts

foresight,
foresight forecasting technology,
industrial enterprise,
rankings of industrial enterprises, calculating
of individual effectiveness
of an industrial enterprise activity.

Для цитирования: Сони́на О. В. Интегральный показатель как инструмент оценки уровня «привлекательности вуза» // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 64–71.

УДК 378.1

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ УРОВНЯ «ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ВУЗА»¹

Сони́на Олеся Викторовна,
Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заместитель заведующего кафедрой экономики, финансов и бухгалтерского учета, кандидат педагогических наук, доцент. Российская Федерация, 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, д. 41. E-mail: sonina@chel.ranepa.ru

Аннотация

Рассмотрено понятие «привлекательности вуза», представлена методология сущности и вычисление интегрального показателя «привлекательности вуза». На основе выделенного интегрального показателя «привлекательности вуза» произведены его расчет и дана оценка по отобраным вузам субъектов Российской Федерации. Раскрыты факторы, влияющие на «привлекательность» образовательного учреждения.

Ключевые понятия:

«привлекательность вуза», интегральный показатель «привлекательности вуза», расчет показателей «привлекательности вуза», оценка «привлекательности вуза».

Для эффективного функционирования высшего учебного заведения необходима его привлекательность для потребителей. Анализируя исследования зарубежных и отечественных авторов, становится очевидно, что единства мнений в определении «привлекательности» в настоящее время нет [19; 20]. Не имеет оно и общепринятой формулировки применительно к вузу. А в существующих работах исследователей не уделено должного внимания оценке уровня привлекательности вузов. Отсюда в работе сделана попытка выделить интегральный показатель, характеризующий категорию «привлекательности» в системе управления вузом и обеспечения его устойчивого функционирования [16].

Для того чтобы понятие «привлекательности вуза» не стало «аморфным» и «бесконечным», была произведена фильтрация основных показателей. Основанием для фильтрации того или иного показателя было следующее:

- 1) сложность интерпретации направленности вклада конкретного показателя в интегральный показатель «привлекательности вуза»;
- 2) трудности в измерении данного параметра показателя в силу невозможности найти источник, который может предоставить подобную информацию о вузе;
- 3) исключались параметры и показатели, не относящиеся к теме работы (финансово-экономическая деятельность, заработная плата ППС);
- 4) отдельные показатели вошли в «укрупненную группу» показателей.

Проведение оценки является одной из основных функций научных исследований и занимает место в системе функций управления. В то же время в научных и практических работах в большинстве случаев оценивание и сравнение объектов производится только по отдельным показателям. В результате нет возможности адекватно оценить объект и сделать правильные выводы.

Оценка «привлекательности вуза» сложна. Для разных целевых групп представление о привлекательности отличаются, они выявляются через субъективные оценки.

Для каждой категории заинтересованных лиц была разработана методика, в основу которой был положен критерий «привлекательности вуза». К инструментам методики были отнесены: анкета для преподавателей, анкета для работодателей, анкета для родителей, анкета для студентов, анкета для абитуриентов. Всего в опросе участвовало 248 респондентов, по 30–80 человек в каждой категории.

¹ Работа выполнена в рамках выполнения Государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации по теме НИР «Проведение оценки состояния региональных систем образования и их сопоставление» (на примере не менее 10 субъектов Российской Федерации). Приказ № 01-2686 от 22.06.2015 г.

Респондентам было предложено выставить оценки по пятибалльной системе: 5 баллов – очень высокая вероятность/значимость; 4 балла – высокая вероятность/значимость; 3 балла – средняя вероятность/значимость; 2 балла – низкая вероятность/значимость; 1 балл – очень низкая вероятность/значимость. Результаты анкетирования свидетельствуют, что можно выделить максимальные показатели «привлекательности» вуза, которые имеют 5 баллов, оптимальные – 3–4 балла и минимальные – 1–2 балла. Таким образом, можно было сделать вывод, что по показателю «привлекательности» вуза одни критерии были значимы для респондентов, другие имели среднее значение, а также были выделены критерии, которые не являются существенными для данного показателя.

В конечном итоге мы использовали только те показатели, которые имели максимальное значение 5 баллов. Оптимальные и минимальные показатели были отклонены. Кроме того, при расчетах были получены дробные числа, которые подвергали округлению, за исключением 2 категорий опрошенных: студентов и абитуриентов. Это связано с тем, что если преподаватели, работодатели и родители имеют расхожее мнение по тому или иному показателю и 5-балльная оценка округлена, то среди 72 студентов и абитуриентов есть показатели, которые имеют 5 баллов в общей совокупности, и мы посчитали необходимым выделить это для «чистоты исследования». Экспертиза анкетирования целевой группы осуществлялась с применением «присвоения» показателя и системы ранжирования. Таким образом, были получены следующие показатели привлекательности вузов:

1. Показатель востребованных образовательных программ.
2. Показатель выстраивания взаимовыгодных отношений с разными категориями стейкхолдеров.
3. Показатель человеческого капитала вуза.
4. Показатель производственной структуры вуза.
5. Показатель системы управления вузом.
6. Показатель эффективных образовательных технологий вуза.
7. Показатель объективной системы оценки результативности образовательной деятельности.
8. Показатель организации студенческого досуга.

В некоторых исследованиях в оценивании объектов сочетаются объективные (статистические) и субъективные измерения, основанные на регулярных массовых опро-

сах населения и оценках экспертов. Существенно меньше попыток получения обобщенной (интегральной) оценки сравниваемых объектов [9].

Вместе с тем, применение единого интегрального итогового показателя для уровня оценивания привлекательности предприятия, дает множество положительных моментов, таких как:

- сравнение нескольких организаций между собой представляет достаточно простую процедуру, а также возможность их расстановки по ранжиру на основе сопоставления значений интегрального показателя;
- снижение в некоторой мере требований к наличию значительного опыта в области принятия управленческих решений к должностным лицам их принимающим;
- при одновременном изменении нескольких факторов становится легче оценить динамику уровня привлекательности организации;
- достаточно удачно происходит процесс формирования итоговой оценки привлекательности и ранжирования группы предприятий с использованием программной алгоритмизации.

При сопоставлении предприятий с учетом влияния внешних и внутренних факторов постоянно встает задача привести к сопоставимому виду показатели, имеющие разный экономический смысл, например показатель прибыльности и показатель численности сотрудников предприятия. Также возникает необходимость обеспечить сравнение качественных показателей, например менеджмента качества, наличия образовательных программ и т. п. [13; 18]. При разработке модели необходимо учитывать и факторы, которые могут иметь противоположные результаты деятельности для организации: например, при росте показателя рентабельности повышается ее привлекательность, а возрастание показателя риска ухудшает имидж компании.

Для разработки модели оценки уровня привлекательности используется интегральный показатель, расчет которого производится в большинстве случаев методом экспертных оценок. Определяются весовые коэффициенты различных факторов и производится их ранжирование по степени важности для привлекательности. Необходимо заметить, что очень часто исследователи формируют интегральный показатель на основе факторной модели, прежде всего линейной.

Методы, позволяющие оценивать интегральный показатель, принято подразделять на две группы:

- 1) методы, с помощью которых можно провести оценку привлекательности какой-либо организации только среди множества организаций;
- 2) методы, которые оценивают привлекательность конкретной изолированной организации.

В основе методов первой группы лежит сравнение организаций между собой. Важно, что вывод о привлекательности конкретной организации можно сделать после того, как организации в группе сопоставлены и ранжированы на основе интегральных показателей привлекательности. Также возможно, что моделью оценки будет отношение значения показателя привлекательности конкретной организации к значению показателя привлекательности другой организации, лучшей в группе. Могут быть и иные варианты для сравнения.

Методы второй группы не предполагают никакие сравнения со сторонними организациями. Как правило, исследователь разрабатывает какую-либо рейтинговую шкалу, описывает ее. Оценив интегральный показатель привлекательности организации по найденной шкале, возможно отнести компанию к некоторой категории, например организации с высоким уровнем привлекательности, со средним уровнем привлекательности, а также с низким уровнем привлекательности. Однако необходимо заметить, что такое деление по рейтинговой шкале может быть субъективно.

Для различных случаев необходимо применение как одних, так и других групп методов. Уровень привлекательности конкретного изолированного предприятия определяют, используя вторую группу методов. Если же хотят определить более привлекательную компанию, то необходима первая группа методов.

К методам первой группы, применяемым для совокупности организаций, относятся:

- методики, разработанные А. Д. Шереметом [19], Г. В. Савицкой [15], М. Л. Полумисковым [14], использующие финансовую отчетность предприятий;
- методики, разработанные Р. И. Акмаевой [2], Каплан, Роберт, Нортон, П. Дейвид [8], П. Р. Нивен [10], которые учитывают дополнительно внутренние параметры деятельности организации и внешние факторы.

Сложностью нахождения интегральных оценок является определение уровня значимости весового коэффициента различных факторов.

На основе анализа имеющихся показателей эксперты ориентировались на выде-

ление интегрального показателя «привлекательности» высшего учебного заведения, учитывающего как основные показатели деятельности вуза (содержание и качество предоставляемых услуг, материально-техническое обеспечение и т. п.), так и дополнительные характеристики престижа вуза для целевой аудитории. В соответствии с этим измеряемые показатели должны отражать «привлекательность вуза» на разных стадиях образовательного процесса [1; 3; 9; 10].

Для оценки привлекательности вузов с помощью интегрального показателя мы применили метод экспертных оценок. Метод экспертных оценок логично предполагает, что мнение, полученное группой экспертов точнее, чем мнение отдельного эксперта [10]. Можно утверждать, что достоверность групповой экспертизы есть монотонно возрастающая функция средней групповой самооценки компетентности, которая определяется как среднее арифметическое значение самооценок группы экспертов [7].

Эксперты представляли различные группы: профессорско-преподавательский состав, руководители в системе высшего образования, ученые (разработчики теории и методики образования). Серьезной проблемой при формировании группы экспертов был выбор комплекса характеристик, которые влияют на процесс проведения экспертизы. Данные характеристики должны были отражать индивидуальные особенности специалиста и потенциальные отношения между экспертами, влияющие на процесс экспертизы [17].

В нашем случае экспертов привлечено 12 человек. Предварительно изучена квалификация экспертов. Для описания экспертов, с точки зрения оценки качества решения проблемы вводятся следующие характеристики: компетентность, креативность, конформизм, аналитичность и широта мышления, самокритичность и др. Перечисленные характеристики оцениваются в основном качественно. Достаточно простой и полной является методика ГКНТ, в которой компетентность экспертов оценивается коэффициентом компетентности. Он вычислялся на основе суждения эксперта о степени своей информированности по решаемой проблеме и указания типовых источников аргументации своих мнений.

Работа с экспертами была выстроена в три этапа. Первый этап: осуществлялось ранжирование показателей по степени влияния их на «привлекательность вуза». Показатели были выделены выше. Далее осуществлялся выбор оптимальных из них. Второй этап: анализ согласованности мнений экспертов и достоверность экспертизы. Для определения степени

согласованности экспертов необходимо было рассчитать коэффициент конкордации. При обработке материалов коллективной экспертной оценки использовались методы теории ранговой корреляции. Для количественной оценки степени согласованности мнений экспертов применялся коэффициент конкордации. Коэффициент конкордации позволяет оценить, насколько согласованы между собой ряды предпочтительности, построенные каждым экспертом. Третий этап: расчет показателей «привлекательности» отобранных десяти вузов [17].

Таким образом, интегральный показатель был построен на основе анализа:

- 1) *нормативно-правовой базы РФ* (Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (в ред. от 14 января 2013 г.)¹, Постановление Правительства РФ от 07.02.2011 № 61 «О Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы» (с изменениями на 28 января 2015 года)², Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие образования” на 2013–2020 годы»³).
- 2) *официальных документах Министерства образования и науки* (приказ Министерства образования и науки РФ от 6 марта 2015 г. № 154 «О проведении мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования»⁴, приказ Минобрнауки России от 14 июня 2013 г. № 462 «Об утверждении Порядка проведения самообследования образовательной организацией», письмо Минобрнауки России от 20 марта 2014 г.

¹ Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 14 января 2013 г.) // Рос. газ. № 5976. 31.12.2012.

² О Федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы : Постановление Правительства Рос. Федерации от 07.02.2011 № 61 (с изменениями на 28 января 2015 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11138.

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы», URL: <http://base.garant.ru/70643472/ixzz3eXFCGuVD>.

⁴ О проведении Мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования : приказ Министерства образования и науки РФ от 6 марта 2015 г. № 154. URL: <http://минобрнауки.рф. документы/5244>.

№ АК-34/05⁵, Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р. «Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 гг.»⁶, *Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки*⁷, *Performance Ranking of Scientific Papers for World Universities*⁸, *THE World University Rankings (THE)*⁹ и т. п.;

- 3) *оценки внешних экспертов*;
- 4) *аналитических материалов* (информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования) [7].

Интегральный показатель привлекательности вуза будем рассчитывать как среднеарифметическое:

$$P_{\text{инт}} = \frac{\sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n P_{ij} \times p_{ij}}{m}, \quad (1)$$

где m – число экспертов,

n – количество показателей,

P_{ij} – показатели привлекательности по вузам,

p_{ij} – весовые коэффициенты показателей привлекательности, присвоенные экспертами. Весовые коэффициенты принимают значения от 0 до 1, при этом в сумме должны составлять 1.

Экспертиза интегрального показателя «привлекательности вуза» строилась:

- 1) с учетом показателей мониторинга вузов;
- 2) с учетом основных и дополнительных показателей «привлекательности» вузов.

Обследованию подвергались десять вузов из субъектов Российской Федерации: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Центральный федеральный округ, г. Москва), Брянский государственный технический уни-

⁵ Об утверждении Порядка проведения самообследования образовательной организацией : приказ Минобрнауки России от 14 июня 2013 г. № 462; письмо Минобрнауки России от 20 марта 2014 г. № АК-634/05.

⁶ Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2765-р. URL: <http://xn-80abucjiihbv9a> (дата обращения: 25.02.2015 г.).

⁷ Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. URL: <http://www.obrnadzor.gov.ru/>.

⁸ Performance Ranking of Scientific Papers for World Universities. URL: <http://ranking.heeact.edu.tw/en-us/2015/Page/Indicators>.

⁹ The Times Higher Education (2015). URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk>.

верситет (Центральный федеральный округ, г. Брянск), Мурманский государственный технический университет (Северо-Западный федеральный округ, г. Мурманск), Оренбургский государственный педагогический университет (Приволжский федеральный округ, г. Оренбург), Сочинский государственный университет (Южный федеральный округ, г. Сочи) Ставропольский государственный аграрный университет (Северо-Кавказский федеральный округ, г. Ставрополь), Южно-Уральский государственный университет (Уральский федеральный округ, г. Челябинск), Омский государственный институт сервиса (Сибирский федеральный округ, г. Омск) Дальневосточный федеральный университет (Дальневосточный федеральный округ, г. Владивосток) Курганский государственный университет (Уральский федеральный округ, г. Курган).

Экспертизу осуществляли двенадцать экспертов ($m = 12$), отобранных показателей – четыре ($n = 4$). Таким образом, формула имеет вид

$$\Pi_{\text{ив}} = \frac{\sum_{j=1}^{12} \sum_{i=1}^4 \Pi_{ij} \times p_{ij}}{12}, \quad (2)$$

где Π_{ij} – показатели привлекательности по вузам,

p_{ij} – весовые коэффициенты показателей привлекательности, присвоенные экспертами.

Выделенные экспертами на основе ранжирования показатели «привлекательности вуза»:

1. Показатель востребованных образовательных программ.
2. Показатель выстраивания взаимовыгодных отношений с разными категориями стейкхолдеров.
3. Показатель человеческого капитала вуза.
4. Показатель производственной структуры вуза.

Каждый эксперт присвоил вышеперечисленным показателям весовые коэффициенты влияния на «привлекательность вуза». Весовые коэффициенты представим в виде табл. 1 исходных данных.

Расчет и оценку интегрального показателя проводим по ряду вузов (табл. 2).

Показатели «привлекательности вузов» – унифицированные показатели по пятибалльной шкале. Расчет осуществлялся для каждого вуза индивидуально. Основные данные были получены на основе результатов самообследования вузов (Приказ Минобрнауки России от 14 июня 2013 г. № 462 «Об утверждении Порядка проведения самообследования образовательной организацией»). Например, расчет показателя производственной структуры вуза.

$\Pi_{\text{спс}}$ – показатель производственной структуры вуза.

$$\Pi_{\text{спс}} = \frac{\Pi_{\text{ноо}} + \Pi_{\text{ок}} + \Pi_{\text{оп}}}{3},$$

где $\Pi_{\text{ноо}}$ – унифицированный показатель по пятибалльной шкале, определяется на основе доли студентов, не обеспеченных собственным общежитием, в числе студентов, нуждающихся в общежитии ($K_{\text{ноо}}$):

$\Pi_{\text{ноо}}$	5	4	3	2	1
$K_{\text{ноо}} \%$	До 20	20-40	40-60	60-80	80-100

$\Pi_{\text{ок}}$ – унифицированный показатель по пятибалльной шкале, определяется на основе количества персональных компьютеров в расчете на одного студента, обучающегося по программе бакалавриата (специалитета, магистратуры) ($K_{\text{ок}}$):

$\Pi_{\text{ок}}$	1	2	3	4	5
$K_{\text{ок}}$	Менее 1	1-2	2-3	3-4	4 и более

$\Pi_{\text{оп}}$ – унифицированный показатель по пятибалльной шкале, определяется на основе общей площади зданий (помещений) в расчете на одного студента, обучающегося по программе бакалавриата (специалитета, магистратуры) ($K_{\text{оп}}$):

$\Pi_{\text{оп}}$	1	2	3	4	5
$K_{\text{оп}}$	Менее 2	2-5	5-8	8-11	11 и более

Рассчитанные показатели внесены в табл. 3 для расчета интегрального показателя. Используя формулу (2), произведем рас-

Таблица 1

Весовые коэффициенты, присвоенные экспертами показателям «привлекательности вуза»

Показатель \ Эксперт	Эксперт											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	0,5	0,4	0,3	0,3	0,5	0,5	0,1	0,4	0,1	0,4	0,3	0,5
2	0,3	0,2	0,4	0,4	0,3	0,1	0,3	0,3	0,5	0,3	0,3	0,3
3	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1	0,3	0,5	0,1	0,1	0,2	0,2	0,1
4	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,3	0,1	0,2	0,1

Таблица 2

Вузы для оценивания интегрального показателя

№	Вуз
1	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
2	Брянский государственный технический университет
3	Мурманский государственный технический университет
4	Оренбургский государственный педагогический университет
5	Сочинский государственный университет
6	Ставропольский государственный аграрный университет
7	Южно-Уральский государственный университет
8	Омский государственный институт сервиса
9	Дальневосточный федеральный университет
10	Курганский государственный университет

четы интегральных показателей «привлекательности вузов» по вузам и отобразим результаты на рисунке (с. 58):

Интегральный показатель привлекательности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ: $P_{пв} = 3,81$.

Интегральный показатель Брянского государственного технического университета: $P_{пв} = 3,59$.

Интегральный показатель привлекательности Мурманского государственного технического университета: $P_{пв} = 3,59$.

Интегральный показатель привлекательности Оренбургского государственного педагогического университета: $P_{пв} = 3,81$.

Интегральный показатель привлекательности Сочинского государственного университета: $P_{пв} = 3,63$.

Интегральный показатель привлекательности Ставропольского государственного аграрного университета: $P_{пв} = 3,64$.

Интегральный показатель привлекательности Южно-Уральского государственного университета: $P_{пв} = 4,03$.

Интегральный показатель привлекательности Омского государственного института сервиса: $P_{пв} = 3,50$.

Интегральный показатель привлекательности Дальневосточного федерального университета: $P_{пв} = 3,58$.

Интегральный показатель привлекательности Курганского государственного университета: $P_{пв} = 3,68$.

Анализ интегрального показателя каждого регионального вуза (10), свидетельствует, что ни один не имеет высшей оценки – 5 баллов. Соответственно, ни один региональный вуз из совокупности выборки не может претендовать на собственную «привлекательность» со стороны стейкхолдеров и клиентов образовательных услуг.

Мы можем наблюдать, что достаточно высокий балл – 4,03 – из 10 вузов (табл. 2) имеет только один – Южно-Уральский государственный университет, что составляет 10 %. Достаточный уровень «привлекательности» (3,81) имеют 2 вуза – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Оренбургский государственный педагогический университет (20 %).

Уровень «привлекательности» выше среднего (3,58–3,68 балла) имеют 6 вузов (Дальневосточный федеральный университет, Курганский государственный университет, Ставропольский государственный аграрный университет, Сочинский государственный университет, Мурманский государственный технический университет, Брянский государственный технический университет) (60 %).

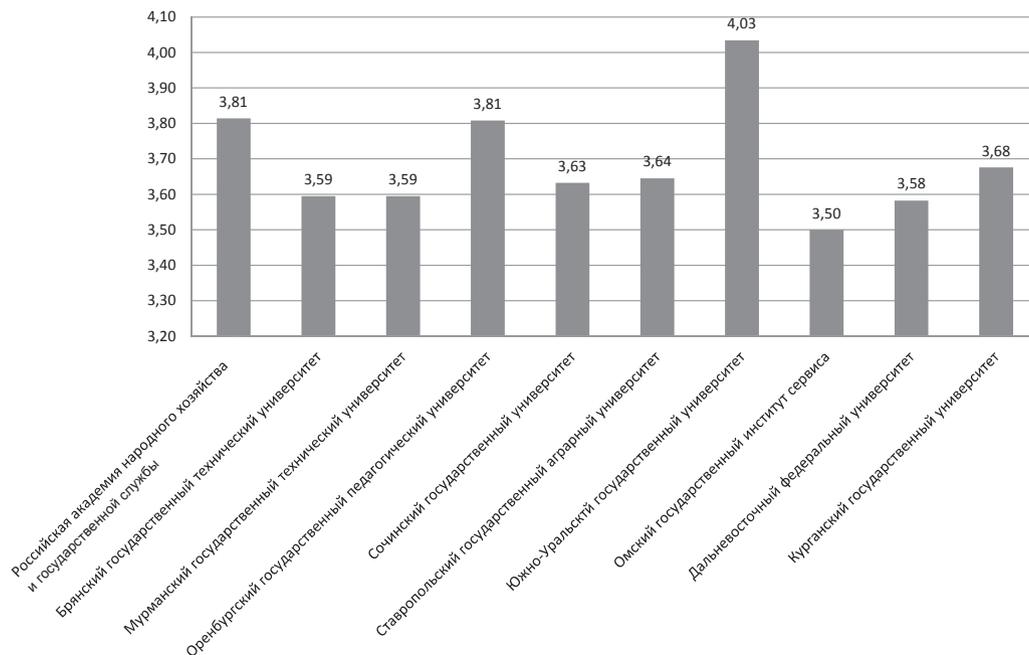
Омский государственный институт сервиса удерживает позицию крайней нормы «привлекательности» – 3,50 балла (10 %), что требует незамедлительных мер в решении жизненно важных проблем вуза.

Подчеркнем, что сделать универсальный анализ по 10 произвольно отобранным вузам Российской Федерации не представля-

Таблица 3

Показатели привлекательности по вузам

Показатель \ Вуз	Вуз									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	4	3	3	3	3,5	3	3,5	3	3,5	2,5
2	4	4	4	5	4	4	5	4	4	5
3	4	4	4	4	4	5	4	4	3	4
4	2,67	3,67	3,67	3	2,67	2,67	3,33	3	3,67	3,33

Интегральные показатели привлекательности вузов (в баллах)

ется возможным, поскольку есть внешние и внутренние факторы, влияющие на интегральный показатель привлекательности вуза. Например, географическое положение региона, уровень экономического развития, культурно-историческая среда, экологическая среда региона и др., ибо эта зависимость имеет прямую связь.

дения // Качество, Инновации, Образование. 2008. № 9. С. 20–22.

10. Малин А. С., Мухин В. И. Исследование систем управления : учеб. для вузов. М. : ГУ ВШЭ, 2002. 400 с.

11. Нивен П. Р. Сбалансированная система показателей – шаг за шагом: максимальное повышение эффективности и закрепление полученных результатов : пер. с англ. Днепропетровск : Балан-Клуб, 2003. 328 с.

12. Осипенкова О. Ю. Оценка инвестиционной привлекательности стратегических предприятий ОПК: методические подходы // Вестник Екатеринбургского института. 2014. № 1 (25). С. 24–28.

13. Павлюченко Е. И. Эффективное управление образовательным процессом в вузе: теория, методология и практика : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Махачкала, 2009.

14. Полумисков М. Л. Разработка экономико-математической модели и инструментария оценки инвестиционной привлекательности золотодобывающего предприятия : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.

15. Савицкая Г. В. Методика комплексного анализа хозяйственной деятельности: учеб пособие. М. : ИНФРА-М, 2009. 408 с.

16. Сониная О. В. Ранжирование показателей привлекательности вузов методом экспертных оценок // Государственное и муниципальное управление в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (30 окт. 2015 г.). Челябинск : Челябин. филиал РАНХиГС, 2015. С. 235–242.

17. Сониная О. В. Система сбалансированных показателей как основа разработки стратегии развития вуза // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 31–35.

18. Уварова Т. Г., Ниязова, М. В. Система показателей как условие эффективного стратегического управления вузом // Контроллинг. 2005. № 4 (16). С. 56–66.

1. Адоладов К. Г. Система квалитетрического мониторинга высшего учебного заведения // Качество. Инновации. Образование. 2008. № 10. С. 3–8.

2. Акмаева Р. И. Стратегическое планирование и стратегический менеджмент. М., 2007. 208 с.

3. Белый Е. М. Обеспечение рыночной устойчивости высшего учебного заведения // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2.

4. Белый Е. М. О конкурентоспособности и рыночной устойчивости государственных вузов // Высшее образование сегодня. 2011. № 6. С. 15–17.

5. Беляков С. А., Клячко Т. Л., Полушкина Е. А., Краснова Г. А., Сьюлькова Н. В. Экспорт образовательных услуг: анализ управленческих решений. М. : Дело, 2011. 124 с.

6. Григорьянц И. А. Маркетинговое исследование категории «привлекательность» в обеспечении устойчивости вуза // Вестник Самарского муниципального института управления. 2011. № 1 (16). С. 91–94.

7. Евланов Л. Г., Кутузов В. А. Экспертные оценки в управлении. М. : Экономика, 1978. 276 с.

8. Каплан, Роберт С., Нортон, Дейвид П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию : пер. с англ. М. : Олимп-Бизнес, 2003. 304 с.

9. Карловский А. В. Формирование системы показателей деятельности высшего учебного заведе-

19. Шеремет А. Д. Теория экономического анализа : учебник. М. : ИНФРА-М, 2006. 415 с.

20. Якубенко И. А., Шикунова Л. Н., Мераева С. В. Аудит : учеб. пособие. Ставрополь : СКФУ, 2015. 247 с.

References

1. Adoladov K.G. (2008) *Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie*, no. 10, pp. 3–8 [in Rus].

2. Akmaeva R.I. (2007) *Strategicheskoe planirovanie i strategicheskij menedzhment*. Moscow, 208 p. [in Rus].

3. Belyj E.M. (2012) *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, no. 2 [in Rus].

4. Belyj E.M. (2011) *Vysshee obrazovanie segodnja*, no. 6, pp. 15–17 [in Rus].

5. Beljakov S.A., Kljachko T.L., Polushkina E.A., Krasnova G.A., Sjul'kova N.V. (2011) *Jekspert obrazovatel'nyh uslug: analiz upravlencheskih reshenij*. Moscow, Delo, 124 p. [in Rus].

6. Grigor'janc I.A. (2011) *Vestnik Samarskogo municipal'nogo instituta upravleniya*, no. 1 (16), pp. 91–94 [in Rus].

7. Evlanov L.G., Kutuzov V.A. (1978) *Expert assessments in management*. Moscow, Economics, 276 p. [in Rus].

8. Kaplan, Robert S., Norton, Dejvid P. (2003) *Sbalansirovannaja sistema pokazatelej. Ot strategii k dejstviju*. Moscow, Olimp-Biznes, 304 p. [in Rus].

9. Karlovskij A.V. (2008) *Kachestvo, Innovacii, Obrazovanie*, no. 9, pp. 20–22 [in Rus].

10. Malin A.S., Muhin V.I. (2002) *Issledovanie sistem upravleniya*. Moscow, GU VShe, 400 p. [in Rus].

11. Niven P.R. (2003) *Sbalansirovannaja sistema pokazatelej – shag za shagom: Maksimal'noe povyshenie jeffektivnosti i zakreplenie poluchennyh rezul'tatov*. Dnepropetrovsk, Balan-Klub, 328 p. [in Rus].

12. Osipenkova O.Ju. (2014) *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, no. 1 (25), pp. 24–28 [in Rus].

13. Pavljuchenko E.I. (2009) *Jefferktivnoe upravlenie obrazovatel'nyh processov v vuze: teorija, metodologija i praktika*. Abstract of thesis. Mahachkala [in Rus].

14. Polumiskov M.L. (2010) *Razrabotka jekonomikomatematicheskoj modeli i instrumentarija ocenki investicionnoj privlekatel'nosti zolotodobyvajushhego predpriyatija*. Abstract of thesis. Moscow [in Rus].

15. Savickaja G.V. (2009) *Metodika kompleksnogo analiza hozjajstvennoj dejatel'nosti*. Moscow, INFRA-M, 408 p. [in Rus].

16. Sonina O.V. (2015) *Ranzhirovanie pokazatelej privlekatel'nosti vuzov metodom jekspertnyh ocenok // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie v HHI veke: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskogo konferencii*. Chelyabinsk, pp. 235–242 [in Rus].

17. Sonina O.V. (2015) *Socium i vlast'*, no. 5 (55), pp. 31–35 [in Rus].

18. Uvarova T.G., Nijazova, M.V. (2005) *Kontrolling*, no. 4 (16), pp. 56–66 [in Rus].

19. Sheremet A.D. (2006) *Teorija jekonomicheskogo analiza: uchebnik*. Moscow, INFRA-M, 415 p. [in Rus].

20. Jakubenko I.A., Shikunova, L.N., Megaeva S.V. (2015) *Audit: uchebnoe posobie*. Stavropol', SKFU, 247 p. [in Rus].

For citing: Sonina O.V.

Integrated indicator as a tool of assessing the level of higher educational institution "attractiveness" // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 64–71.

UDC 378.1

INTEGRATED INDICATOR AS A TOOL OF ASSESSING THE LEVEL OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION "ATTRACTIVENESS"

Olesya V. Sonina,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration , Chelyabinsk Branch, Deputy Head of the Chair of Economics, Finance and Accounting, Cand. Sc. (Education), Associate Professor, The Russian Federation, 454071, Chelyabinsk, ulitsa Komarova, 41. E-mail: sonina@chel.ranepa.ru

Annotation

The article considers the notion of higher educational institution "attractiveness", methodology of the subject matter and calculating the integrated indicator of higher educational institution "attractiveness". On the basis of the integrated indicator of higher educational institution "attractiveness" its calculation has been made and the estimation of selected Higher Educational Institutions of Russia has been given. The author reveals factors influencing higher educational institution "attractiveness".

Key concepts:

higher educational institution "attractiveness", integrated indicator of higher educational institution "attractiveness", calculating indicators of higher educational institution "attractiveness", assessing higher educational institution "attractiveness".

Для цитирования: Корнейчук Б. В. Принципы и противоречия Изборской доктрины // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 72–79.

УДК 329.17

ПРИНЦИПЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ИЗБОРСКОЙ ДОКТРИНЫ

Корнейчук Борис Васильевич,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал), профессор департамента экономики, доктор экономических наук, профессор. Российская Федерация, 190121, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16. E-mail: bkorneyhuk@hse.ru

Аннотация

Исследованы теоретические и идеологические основы социальной доктрины Изборского клуба, учрежденного в 2012 году после массовых протестов оппозиции в России. Показана политическая роль Изборского клуба как интеллектуального центра, тесно связанного с государством. В качестве основного материала для исследования использованы статьи журнала «Изборский клуб». Выявлены три основных принципа Изборской доктрины. Во-первых, этнический национализм основан на понятии «русофобии», включает элементы антисемитизма и противоречит гуманистическим основам православия, русской философской традиции и цивилизованным этическим нормам. Во-вторых, примат идеологии предполагает введение государственной идеологии, изменение Конституции и устройство государства по типу «православного халифата». Внутреннее противоречие этого принципа обусловлено различием воззрений членов Изборского клуба, которые проповедают социализм, православие и ислам. В-третьих, негативное отношение к демократическим ценностям и правам человека является главным объединительным принципом Изборской доктрины. Поскольку социальной основой доктрины служат отжившие институты, она включает элементы воззрений эпохи варварства и предполагает использование насилия для достижения своих общественных идеалов. Таким образом, Изборская доктрина отражает ультраконсервативное направление в современной российской политике и не способна служить созидательной силой общественного развития.

Ключевые понятия:

Изборский клуб, национализм, сталинизм, государственная идеология, консерватизм.

Введение

Изборский клуб (далее – Клуб) за последние годы утвердился в качестве влиятельной общественной силы, и этот факт требует научного анализа и осмысления. Членами Клуба являются десятки докторов наук, депутаты Думы, известные писатели, кинорежиссеры и актеры, пресс-секретарь крупной нефтедобывающей компании, отставные генералы, главные редакторы газет и телеканала, ректор вуза и т. п. Клуб получает заметную поддержку от государства, среди общественных организаций он занимает одно из ведущих мест по присутствию на федеральных телеканалах. На открытии Клуба в 2012 г. присутствовали министр культуры России и губернатор Псковской области, а позже губернатор Санкт-Петербурга на встрече с лидерами Клуба назвал их своими единомышленниками. Как социально-значимая некоммерческая организация Клуб ежегодно получает президентские гранты. В 2016 г. размер такого гранта составил 12 млн р., кроме того, гранты в суммарном размере 33 млн р. получили организации, возглавляемые членами Клуба, такие как Институт экономических стратегий, Культурно-просветительское сообщество «Переправа», «Литературная газета», Научный центр Евразийской интеграции, Центр стратегических исследований религии и политики современного мира¹.

В научной литературе имеется лишь несколько работ, посвященных Клубу. М. Ларуэль характеризует его как «консервативный авангард» в России и отмечает, что, несмотря на различие во взглядах, он сохраняет свое единство и стремится оказывать влияние на президентскую администрацию [33]. Р. Зубрин видит опасность союза Клуба с государством в том, что идеи его «сумасшедших философов» толкают мир к войне [35]. Н. Блут считает, что Клуб нужен государству по двум причинам. Во-первых, он противодействует сторонникам либерализации и сближения с Западом. Во-вторых, в сравнении с группой агрессивных правых радикалов правительство может позиционировать себя как центристское [32]. А. Яковлев рассматривает создание Клуба как реакцию на массовые протесты 2012 г., когда было решено развернуть пропаганду альтернативной «мобилизационной» идеологии для создания в обществе атмосферы «осажденной крепости» [34].

Политическая деятельность Клуба обычно находится в центре внимания авторов, в то время как концептуальные основы его деятельности остаются за рамками исследования. Вместе с тем, Клуб позиционирует

¹ Фонд президентских грантов. URL: <http://президентскиегранты.рф> (дата обращения: 20.05.2017).

себя именно как интеллектуальный центр, способный дать ответы на насущные проблемы развития. Работы его авторов посвящены разным аспектам общественной жизни и опираются на результаты философии, истории, экономики. При этом разнообразие затрагиваемых тем и используемых методик не приводит к эклектичности позиции Клуба в целом. Наоборот, исследователь не может не заметить общей основы социальных воззрений членов Клуба, единство их мнений по ряду фундаментальных вопросов. Иными словами, Клуб действительно предлагает некую целостную мировоззренческую систему, или *Изборскую доктрину*.

Изборская доктрина является объектом данного исследования, его целью является определение базовых принципов доктрины, которые служат ее объединяющими элементами. Также исследованы внутренние противоречия доктрины, которые способны ослабить интеллектуальное влияние Клуба на общество. Основным источником информации послужили материалы журнала «Изборский клуб», а основным методом исследования – их сравнительный анализ. В статье не затрагивалась политическая, литературная, публицистическая и другая деятельность членов Клуба, а анализировались лишь научные аспекты их публикаций. Автор не углублялся в детальный анализ воззрений отдельных персоналий, стремясь увеличить разнообразие и число рассматриваемых работ. Все цитируемые авторы являются «по умолчанию» членами Клуба, если иное не следует из контекста, а поэтому их принадлежность к нему специально не указывается.

В результате исследования были выявлены основные принципы Изборской доктрины: этнический национализм, примат идеологии и антилиберальный консенсус. Также были исследованы внутренние противоречия доктрины и сформулированы ее сущностные характеристики.

Этнический национализм

Покажем националистическую направленность Изборской доктрины, а для этого определим содержание термина «национализм». Мы разделяем позицию С. Ю. Витте, который противопоставлял два вида национализма: первый есть национализм здоровый, убежденный и сильный, он стремится к защите интересов государства и достигает этой цели; второй есть национализм болезненный и эгоистичный, он подчиняется больше страстям, чем разуму, и нередко приводит к противоположным результатам. Он пишет: «Первый национализм есть высшее проявление любви и преданности к государству, составляющему

отечество данного народа; второй составляет также проявление тех же чувств, но обураваемых местью, страстями, а потому такой национализм иногда выражается в формах, диких для XX столетия» [9, с. 259]. В первом случае термин «национальный» охватывает всех граждан страны и понимается как «государственный» или «державный», а во втором он относится лишь одному или нескольким проживающим в стране этносам и поэтому понимается как «этнический национализм».

Анализ работ идеологов Изборского клуба позволяет со всей определенностью отнести их авторов к сторонникам этнического национализма, которое в нашей стране тесно связано с концепцией «руссофобии». Ее автор И. Р. Шафаревич увидел внутри советского общества «малый народ», который, как он убежден, ненавидит русских и ведет против них непримиримую борьбу. Идеологию «малого народа» он определяет термином «руссофобия», при этом подчеркивает: «Очевидно, еврейские национальные чувства являюся одной из основных сил, движущих сейчас “Малый Народ”» [31, с. 34]. Данная «теория» лежит в основе ряда работ членов Клуба. В. В. Аверьянов называет Шафаревича классиком темы руссофобии и видит его главную заслугу в том, что он применил к советским диссидентам понятие «малый народ» [3, с. 8]. Сам он использует этот термин при оценке периода 1990-х гг., когда, по его мнению, «реализовалась давняя мечта всех самозванцев и руссофобов – им удалось интитуционализировать Смуту, превратить ее в псевдогосударство «малого народа», паразитирующее на большом народе и старом, советском наследии» [4, с. 94]. М. Калашников также утверждает, что пришедшие к власти либералы «своей приватизацией сконцентрировали 90 % собственности в руках 1 процента населения – правящей касты, “малого народа”». При этом телевидение оказалось захваченным, как он пишет, «практически однородной в этническом плане (отнюдь не славянской, не тюркской и не горской) стаей» [14, с. 35, 141]. В. Ю. Катасонов стремится обосновать этнический национализм посредством историко-религиозной аргументации. По его мнению, после убийства Авеля Каином образовались две линии цивилизации: «авелева» цивилизация представлена православием, а «каинитская» – идеологией Талмуда, причем сторонники идеологии Талмуда выполняют в обществе столь же разрушительную роль, что и «малый народ» у Шафаревича. Катасонов пишет: «У Каина на генетическом уровне была заложена склонность к убийству, он потенциальный носитель убийства, носитель войны... Нацизм смыкается с идеологией Талмуда» [16, с. 63]. О. А. Платонов проецирует это мнимое

противостояние на 1990-е гг., когда главная проблема, по его мнению, заключалась в агентах влияния Запада с двойным гражданством, предателях, которые ненавидят страну, стремятся в наживе и ведут себя подобно колонизаторам: «Природа их миссии известна из Протоколов Сионских мудрецов и не требует специального объяснения» [25, с. 133].

Позиция этнического национализма приходит в противоречие со стремлением лидеров Изборского клуба показать, что их стратегия основана на традициях русской культуры и принципах православия. На самом деле она очевидным образом противоречит духовному течению противодействия расизму и антисемитизму, которое доминировало в передовом сознании общества с конца XIX в. Антисемитизм подвергался критике со стороны православных философов, которых часто цитируют члены Клуба. Л. Н. Толстой писал о притеснении евреев: «Насколько есть возможность, quasi-христиане всегда будут им препятствовать... и перестанут только тогда, когда усвоят истинные христианские основы жизни, оставляющие далеко за собой архаические пережитки» [29, с. 254]. Н. А. Бердяев писал: «Христианство провозгласило ту истину, что нет эллина и нет иудея... Не только расовый антисемитизм, но и вообще расизм не выдерживает критики с трех точек зрения: с религиозной, моральной и научной. Он недопустим для христианина, который должен видеть в каждом человеке образ и подобие Божье» [7, с. 207]. Солидарную позицию занимал С. Н. Булгаков: «Расизм есть мировоззрение антихристианское... Оба, и расизм и большевизм, с одинаковым безбожием хотят обратить человечество в колхозных гомункулов... Обе силы стремятся к покорению мира» [8, с. 600–601].

Пренебрежение гуманистическим принципом равноценности человеческой личности идеологами Клуба мы объясняем тем, что, в отличие от русских философов, они ставят перед собой вполне практические задачи в политике и экономике. Этнический национализм принят ими на вооружение как исторически апробированный способ манипуляции общественным сознанием для быстрого достижения своих целей. Лидер кадетов П. Н. Милюков считал антисемитизм средством политической борьбы, он писал: «Бисмарк называл антисемитизм социализмом дураков. Для того чтобы бороться с социализмом умных людей, нужно темных людей взять в свои руки... У нас антисемитизм есть средство создать в массах национализм определенного типа. Для этой-то цели наши антисемиты ставят своей задачей играть на струнах расовой и религиозной ненависти» [20, с. 172].

Практическую нацеленность Изборской доктрины иллюстрирует экономическая программа М. Калашникова, которая является детализованной стратегией мобилизационного развития экономики, заложенной в «Манифесте клуба». В нем говорится, что «мобилизационный проект» требует усиления централизма, ослабления врагов развития, опоры на «гвардию развития» [19]. Развивая этот тезис, Калашников предлагает мобилизовать экономические ресурсы путем их экспроприации в духе сталинской коллективизации, но не по классовому признаку, а по этническому. В разделе «Новый 1937 год» автор книги сначала обозначает круг крупных бизнесменов, составляющих «малый народ колонизаторов России», «прослойку паразитов» и «тупиковую ветвь эволюции», а затем предлагает их «использовать как сырье, как источник необходимых средств». При обосновании своего плана он делает ставку на этнический национализм: «Нынешние чиновничьи бонзы и олигархи все-таки здорово смахивают на столпов так называемой ленинской гвардии. Зиновьев, Каменев, Троцкий, Рыков, Радек и прочие смотрели на Россию как на «эту страну», которую нужно лишь использовать в своих целях. Они тоже происходили из еврейских кругов, будучи страшно далекими от нас, русских». В качестве возможных экспроприаторов автор называет мелких и средних предпринимателей: «Именно такие люди с готовностью пойдут за силой, которая начнет выжимать деньги из «добывателей трофеев», из российских лжекапиталистов. И этим людям не хватает лишь фюрера» [14, с. 149, 154, 158, 220].

Примат идеологии

Вторым базовым принципом Изборской доктрины служит идеологизация общественной жизни, которая предполагает исключение положения тринадцатой статьи Конституции России о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Но для этого Клубу необходимо создать свою целостную идеологию, а эта задача до сих пор не решена. Как мы покажем, она объективно не может быть решена, поскольку члены Клуба имеют несовместимые общественные идеалы, а именно – социализм, православие и ислам. С целью создания «синтетической идеологии» был опубликован ряд «примирительных» работ, которые, однако, не смогли устранить существенные противоречия.

Первое противоречие идеологической конструкции Изборской доктрины мы видим в стремлении объединить в единое целое социализм и православие. Странники такого

объединения обычно игнорируют исторические факты, доказывающие антагонизм социализма и православия, в первую очередь, массовые преследования священников в сталинскую эпоху. А. И. Агеев считает, что для обоснования идеи «православного социализма» необходимо разработать новый терминологический аппарат, совершить «семантический, лингвистический прорыв». Он строит идеологическую конструкцию на основе понятия «сакральности», которое, как он утверждает, исходит «из вышних бытийственных основ», является «животворящим, в том числе и в сугубо демографическом смысле». Термин «хеджирование» используется им для описания сущностного родства взаимосвязи социалистических и религиозных начал «православного социализма», он пишет: «Православие является, если угодно, «хеджированием» социализма как модели от сваливания в бесчеловечность» [5, с. 77]. В. М. Коровин видит единство православия и социализма в том, что обе концепции исходят из особой исторической миссии русского народа: «Всякая другая ценностная система – не православная, и не социалистическая – заведомо непригодна, <...> поскольку она «бьет по русским, как по народу, выполняющему миссию приближения к всеобщему спасению» [18, с. 87]. Поскольку интернациональный характер марксизма противоречит идее «православного социализма», марксистскую модель социализма противопоставляется социализму Ленина – Сталина, который в этом случае интерпретируется как русский, православный. С. Г. Кара-Мурза пишет: «Ленин добился «права русских на самоопределение» в революции, то есть на автономию от главных догм марксизма и от II Интернационала» [15, с. 41].

Второе противоречие идеологической конструкции Изборской доктрины мы видим в ее базовом постулате о духовном родстве православия и ислама. Еще в 1993 г. Н. А. Нарочницкая обосновывала этот тезис тем, что «торжествующая анархия, проповедь ростовщичества и обогащения без нравственных ориентиров, чужды и православному, и мусульманину» [22, с. 95]. Та же позиция отражена в Манифесте Клуба: «Православие и ислам, проповедующие божественную справедливость, станут основой евразийской идеологии, сделают Евразийский союз привлекательным для всех входящих в него народов» [19]. Логический изъян данной межконфессиональной конструкции мы видим в том, что она не учитывает буддизм – именно ту религию, которую обычно считают наименее меркантильной. Неоправданное игнорирование буддизма, на наш взгляд, преследует определенную цель: если присоединить буддизм к тандему двух религий, то за пределами

нового союза останется лишь одна традиционная религия – иудаизм, и тогда обнажится этническая направленность всей идеологической конструкции.

На основе тезиса о духовной связи православия и ислама идеологи Клуба провозглашают стратегию построения православного государства по типу исламских государств. В. В. Аверьянов предлагает: «Есть такая страна Иран, такая же имперская страна, как и Россия... Почему бы не взять пример с нее?» [2, с. 31]. А. Г. Дугин также считает Иран образцом для общественного устройства и видит спасение страны в идеократии – власти идеологической надстройки с сильнейшим религиозным компонентом. Основные его тезисы следующие. Во-первых, страну возглавит несменяемый лидер, «сверхчеловек». Во-вторых, атеисты и неверующие исчезнут, «потрясенные апокалиптическими событиями, разворачивающимися вокруг них». В-третьих, «человеческая жизнь потеряет сегодняшнее значение, на первый план выйдут иные ценности – более напоминающие Средневековье». В-четвертых, переход к идеократии можно осуществить лишь насильственным путем: «Россию могут спасти только фанатики. Например, фанатики православной веры... Только такие люди способны изменить инерционный сценарий, осуществив колоссальные потрясения. Это можно сделать только во имя национальной идеи и через полноценный террор и репрессии» [12, с. 282–285, 377–378].

Исламский вектор Изборской доктрины определяет позицию Клуба в важнейших вопросах мировой политики. Осенью 2013 г. делегация Клуба посетила Сирию, была принята президентом Б. Асадом, и вскоре была провозглашена стратегия по сирийскому вопросу, которая после вступления России в военный конфликт была растиражирована федеральными СМИ. Еще тогда А. А. Проханов писал: «Война за Сирию – это война за Россию. Сирия – последний оплот, последний рубеж, сломав который, это мобильное воинство, <...> выполняющая американскую стратегию трансформации исламского мира, кинется на Россию... Помогая Дамаску, мы помогаем самим себе» [26, с. 11]. Заметим, что в том же году С. А. Батчиков формулирует аргументы против западного тренда в украинской политике, которые после Майдана были подхвачены официальными СМИ: «Каких перемен можно ожидать в духовном состоянии украинского общества от сотрудничества с ЕС?.. Первый – это радикальный разрыв с христианской этикой, второй – одновременный разрыв с Просвещением, с его идеалами и нормами рациональности» [6, с. 36]. Эти и другие подобные факты иллюстрируют заметное влияние Клуба на официальные СМИ.

Открытая поддержка Клубом организаций, имеющих сомнительную репутацию, соответствует логике Изборской доктрины. Ш. З. Султанов рассматривает Хамас как образец верной своим идеалам честной политической партии и называет исламский мир единственным верным союзником России, а А. А. Проханов в своей статье «Слава Хамас!» также демонстрирует полную поддержку организации [27, с. 84]. Такая позиция в итоге приводит к *этико-правовой коллизии*, вызванной однозначно положительной позицией Клуба в отношении организации «Исламское государство» (запрещена в России). А. И. Нотин пишет: «ИГИЛ соединил в себе политический аспект – халифат, идеологический аспект – радикальный ислам и то, что называется современным баасизмом, т. е. арабским социализмом. Нам нужен аналог. Без этого мы не решим никаких проблем – ни связанных с русофобией, ни с выживанием России, ни с защитой от внешних и внутренних врагов» [3, с. 11]. Автор рассуждает о «социальной привлекательности доктрины» организации, возможном «тактическом союзе с ней против общего врага – например, того же обезумевшего Запада» – и возможном скором изменении отношения к ней со стороны государства [23, с. 68–70]. Ш. З. Султанов видит родственную связь между Сталинским социализмом и идеей халифата в том, что в обоих случаях «миллионы людей оказываются способными непосредственно участвовать в реализации “общего дела”». Поэтому, как он считает, «концепция халифата становится закономерным полюсом системного притяжения... Москва своим альтернативным глобальным цивилизационным проектом не обладает» [28, с. 90].

Исламский вектор Изборской доктрины неизбежно приходит в противоречие с ее доминирующим православно-националистическим вектором. Главную проблему здесь мы видим в фактах массовых и жестоких преследований христиан в Сирии и Ираке, которые подробно описаны, в частности, в изданиях Русской Православной Церкви [17]. Кроме того, признание исламской модели в качестве образца для государственного устройства говорит о планах построения некоего подобия «православного халифата», но вовсе не об отказе большинства членов Клуба от принципа примата одной нации и одной религии. Это порождает непреодолимый водораздел между последователями православия и ислама. Так, В. В. Аверьянов ориентируется на иранскую модель государства, но вместе с тем он пишет: «Национализм в России должен быть один... Многонациональность России, заявленная, к сожалению, в нынешней Конституции, – термин для русской политической традиции вряд ли адекватен... В таких смысло-

вых рамках единой нации и не может быть» [1, с. 131].

Антилиберальный консенсус

Негативное отношение к либеральным ценностям характерно для всех членов Клуба. Их аргументация обычно сводится к тезису об историческом перерождении либерализма, неизбежном его подчинении интересам транснациональных монополий, превращении в свою противоположность. М. Г. Делягин пишет: «Эволюция либералов, поставив их во всем современном мире на службу глобальным монополиям, сделала их несовместимыми с самым нормальным существованием и развитием обществ, неумолимо разрушаемых этими монополиями... Без них наша страна была бы краше, комфортнее, богаче и человечнее: без них миллионы людей жили бы и сегодня» [11, с. 36]. Развивая эту мысль, С. Ю. Глазьев утверждает, что в условиях «либеральной глобализации, выстроенной под интересы транснациональных, корпораций» невозможно создать новые формы организации мировой экономики. По его мнению, в Европе либерализм трансформировался в «еврофашизм», который жестко подавляет прогрессивные силы и служит главной угрозой развитию, он пишет: «Главным двигателем современного еврофашизма является евробюрократия, направляемая из Вашингтона... Определяющее свойство еврофашизма – разделение граждан на “полноценных” (придерживающихся европейского выбора) и “неполноценных” (отрицающих данных выбор), у которых не должно быть права на свое мнение» [10, с. 39, 50].

Принцип единовластия лежит в антилиберальном русле Изборской доктрины и выражается в трех формах. Во-первых, критика либеральных ценностей и демократических институтов неизбежно приводит к идее единовластия. Во-вторых, из постулата о положительной роли Ленина и Сталина в российской истории делается вывод, что именно диктатура является наилучшей формой правления. В-третьих, стратегия на воссоздание империи предполагает также воссоздание императорской власти.

В последнее время вопрос о единовластии все чаще затрагивается на страницах «Изборского клуба». В статье «Народная монархия и многоукладный социализм» А. Л. Казин пытается дать историко-религиозное обоснование тезиса о неизбежности единовластия и доказать его возрастающую актуальность. По его мнению, тайна российской государственности заключена в ее религиозном (вероисповедательном) характере, поскольку Государь (царь, президент, генсек) отвечает

за свой народ перед Богом. Отсюда он делает вывод, что на Руси государство начинается не «снизу» (демократия), а сверху – от Бога. Как полагает автор, народ в демократию не верит, поскольку православные люди ищут смысла жизни, а не комфорта и благополучия. В итоге он заключает: «Было бы замечательно, если бы у нашей правящей элиты хватило бы ума и воли внести в Конституцию “бессрочную” избираемость президента – до тех пор, пока его хочет большинство народа» [13, с. 34]. Предопределенность единовластия в России доказывают также с помощью тезиса об «осажденной крепости». По мнению Ф. А. Папаяни, в гибридной войне между США и Россией можно победить лишь при жесткой централизации Верховного главнокомандующего, верховного правителя, то есть «война практически реанимирует институт абсолютной монархии во имя боеспособности государства» [24, с. 50]. По мысли М. Калашникова, в условиях «осажденной крепости» важнейшие механизмы формирования и реализации государственной власти должны быть тайными, при этом «во главе тайного государства... должен стоять глава официального государства» [14, с. 132].

Принцип единовластия не вызывает разногласий внутри членов Клуба, но *потенциальной их причиной служит вопрос о том, является ли природа единовластия классового (интернационального) или национального (этнического)*. Чтобы сгладить это противоречие и избежать возможных разногласий некоторые члены Клуба стремятся доказать духовную связь ленинизма-сталинизма и этнического национализма. С. Ф. Черняховский пишет: «Ленин был вождем русской национальной революции, вождем восстания русского народа против утратившего национальные корни имущего класса. И поэтому он сегодня должен бы являться кумиром не только коммунистов, но и последовательных националистов – в не меньшей степени» [30, с. 32].

Заключение

Изборская доктрина представляет собой противоречивый общественный феномен. С одной стороны, она базируется на принципах, разделяемых всеми членами Клуба, это – этнический национализм, примат идеологии и антилиберальный консенсус. С другой стороны, Клуб объединяет сторонников несовместимых концепций: национализма и интернационализма, глобализма и автаркии, православия и социализма, ислама и христианства. Несмотря на внутренние противоречия, Клуб уже больше пяти лет демонстрирует духовное единство, редкое для общественных движений и интеллектуальных сообществ.

Причина такого постоянства имеет глубокие институциональные корни: поскольку устаревшие институты не отмирают полностью, в обществе сохраняются объективные условия для постоянного воспроизводства идей и моделей поведения, которые доминировали в разные эпохи. Так, этнический национализм основан на биологическом механизме различия «своих и чужих» и поэтому присущ в той или иной мере каждому человеку. Сохранившиеся фрагменты институтов более позднего периода порождают в современном обществе рецидивы *варварства*, которое предполагает применение *насилия* при решении общественных проблем. Н. В. Мотрошилова определяет варварство как «совокупность существующих на зрелых стадиях развития самой цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, сущностных признаков цивилизации и цивилизованности... отличаются беззащитным попранием уже хорошо известных индивидам и человечеству цивилизационных принципов и норм» [21, с. 80]. К этим принципам и нормам она относит использование мирных способов общения с индивидами и народами, а также уважительное отношение к свободе и достоинству человека. Доктрины, проповедующие ценности эпохи варварства, обычно характеризуют как крайне консервативные. Исторической альтернативой варварству служит институт прав человека, который предполагает свободу национальной и религиозной самоидентификации, право на свободное участие в экономической и политической жизни общества. При институциональном подходе Изборская доктрина предстает как собрание взглядов, характерных для исторически отживших институтов разных эпох, включая институт варварства, причем все соответствующие воззрения входят в противоречие с современными ценностями демократии. Мы заключаем, что духовное единство членов Клуба обусловлено их негативной, враждебной позицией по отношению к новым общественным институтам, прежде всего, к системе прав человека. Итак, *крайне консервативная Изборская доктрина выполняет функцию концептуальной объединяющей платформы для антилиберальных сил, но она не способна служить созидательной силой общественного развития*.

1. Аверьянов В. В. Стратегия Русской доктрины: через диктатуру к государству правды. М.: Кн. мир, 2014. 508 с.

2. Аверьянов В. В. Кто поднимет знамя? // Изборский клуб. 2017. № 3. С. 30–32.

3. Аверьянов В. В. и др. О системной русофобии // Изборский клуб. 2016. № 6-7. С. 7-13.
4. Аверьянов В., Черемных К. Преодоление Смуты // Изборский клуб. 2013. № 3. С. 93-99.
5. Агеев А. Православие и социализм: естественный симбиоз // Изборский клуб. 2016. № 2. С. 72-77.
6. Батчиков С. Последний год независимости? // Изборский клуб. 2013. № 9. С. 34-37.
7. Бердяев Н. А. Христианство и антисемитизм (Религиозная судьба еврейства) // Дружба народов. 1989. № 10. С. 205-224.
8. Булгаков С. Н. Расизм и христианство // Избранное. М. : РОССПЭН, 2010. С. 570-658.
9. Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист // Ф. Лист Национальная система политической экономии. М. : Европа, 2005. С. 259-306.
10. Глазьев С. Майдан: последняя ставка Америки // Изборский клуб. 2014. № 7. С. 38-51.
11. Делягин М. Г. Русская катастрофа и ее творцы // Изборский клуб. 2015. № 10. С. 32-35.
12. Дугин А. Г. Геополитика постмодерна: времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. СПб. : Амфора, 2007. 381 с.
13. Казин А. Народная монархия и многоукладный социализм (из размышлений над историческими судьбами России) // Изборский клуб. 2018. № 1. С. 25-35.
14. Калашников М. Мобилизационная экономика. Может ли Россия обойтись без Запада? М. : Алгоритм, 2014. 237 с.
15. Кара-Мурза С. Ленин: мышление, методология и знание // Изборский клуб. 2017. № 4. С. 36-41.
16. Катасонов В. Ю. Экономика от лукавого // Экономические стратегии. 2014. № 4. С. 58-66.
17. Кашицын И. Д. Гонения на христиан в Сирии и Ираке в 2013-2016 годах // Межрелигиозный диалог и его роль в деле защиты христиан Ближнего Востока и Северной Африки от преследований / ред. Д. М. Сафонов : Познание, 2017. С. 109-135.
18. Коровин В. Православный социализм – формула русской силы // Изборский клуб. 2016. № 2. С. 82-87.
19. Манифест отцов-основателей клуба // Изборский клуб. 2013. № 1. С. 6.
20. Милюков П. Н. Еврейский вопрос в России // Щит : литератур. сб. / ред. Л. Андреев, М. Горький, Ф. Сологуб. 3-е изд. М. : Рус. О-во для изучения еврейской жизни, 1916. С. 166-174.
21. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М. : Ин-т философии РАН, 2010. 480 с.
22. Нарочницкая Н. А. Россия и Европа: Исторический и геополитический подход // Наш современник. 1993. № 12. С. 94-113.
23. Нотин А. Антисистема ИГИЛ. Рождение сверхновой // Изборский клуб. 2017. № 7. С. 68-75.
24. Папаяни Ф. Традиция, империя, народность как идеологема возрождения // Изборский клуб. 2018. № 1. С. 44-52.
25. Платонов О. А. Почему погибнет Америка. Тайное мировое правительство. М. : Рус. вестн., 1999. 339 с.
26. Проханов А. А. Изборский клуб в Дамаске // Изборский клуб. 2013. № 3. С. 2-15.
27. Проханов А. А. Слава Хамас! // Изборский клуб. 2014. № 1. С. 84-85.
28. Султанов Ш. Под звездой и полумесяцем // Изборский клуб. 2016. № 11. С. 80-93.
29. Толстой Л. Н. [Из письма Ф.Б. Гецу 20 мая 1890 г.] // Щит : литератур. сб. / ред. Л. Андреев, М. Горький, Ф. Сологуб. 3-е изд. М. : Рус. О-во для изучения еврейской жизни, 1916. С. 251-255.
30. Черняховский С. Конструктор будущего // Изборский клуб. 2017. № 4. С. 28-35.
31. Шафаревич И. Р. Русофобия. М. : Эксмо : Алгоритм, 2005. 347 с.
32. Bluth N. Fringe Benefits: How Russian ultranationalist think tank is laying the "intellectual" foundations for a far-right movement // World Policy Journal. 2017. Vol. 34, no. 4. P. 87-92.
33. Laruelle M. The Izborskiy Club or the New Conservative Avant-Garde in Russia // The Russian Review. 2016. Vol. 75, no. 4. P. 626-644.
34. Yakovlev A. What is Russia trying to defend? // Russian Journal of Economics. 2016. No. 2. P. 146-161.
35. Zubrin R. Moscow's Mad Philosophers // National Review. 2015. 18 Febr. URL: <http://www.nationalreview.com/2015/02/moscows-mad-philosophers-robert-zubrin> (дата обращения: 31.05.2018).

References

1. Aver'yanov V.V. (2013) Strategiya Russkoj doktriny: cherez diktaturu k gosudarstvu pravdy. Moscow, Knizhnyj mir, 508 p. [in Rus].
2. Aver'yanov V.V. (2017) *Izborskij klub*, no. 3, pp. 30-32 [in Rus].
3. Aver'yanov V.V. i dr. (2016) *Izborskij klub*, no. 6-7, pp. 7-13 [in Rus].
4. Aver'yanov V., Cheremnykh K. (2013) *Izborskij Klub*, no. 3, pp. 93-99 [in Rus].
5. Ageev A. (2016) *Izborskij klub*, no. 2, pp. 72-77 [in Rus].
6. Batchikov S. (2013) *Izborskij klub*, no. 9, pp. 34-37 [in Rus].
7. Berdyayev N.A. (1989) *Druzhba narodov*, no. 10, pp. 205-224 [in Rus].
8. Bulgakov S.N. (2010) *Rasizm i khristianstvo // Izbrannoe*. Moscow, Rosspehn, pp. 570-658 [in Rus].
9. Vitte S.Yu. (2005) *Po povodu natsionalizma. Natsional'naya ehkonomiya i Fridrikh List // List F. Natsional'naya sistema politicheskoy ehkonomii*. Moscow, Evropa, pp. 259-306 [in Rus].
10. Glaz'ev S. (2014) *Izborskij klub*, no. 7, pp. 38-51 [in Rus].
11. Delyagin M.G. (2015) *Izborskij klub*, no. 10, pp. 32-35 [in Rus].
12. Dugin A.G. (2007) *Geopolitika postmoderna: vremena novykh imperij. Ocherki geopolitiki XXI veka*. St. Petersburg, Amfora, 381 p. [in Rus].
13. Kazin A. (2018) *Izborskij klub*, no. 1, pp. 25-35 [in Rus].
14. Kalashnikov M. (2014) *Mobilizatsionnaya ehkonomika. Mozhnet li Rossiya obojtis' bez Zapada?* Moscow, Algoritm, 237 p. [in Rus].
15. Kara-Murza S. (2017) *Izborskij klub*, no. 4, pp. 36-41 [in Rus].
16. Katasonov V.Yu. (2014) *Ehkonomicheskie strategii*, no. 4, pp. 58-66 [in Rus].
17. Kashitsyn I.D. (2017) *Goneniya na khristian v Sirii i Irake v 2013-2016 godakh // Safonov D. (ed.)*.

Mezhreligioznyj dialog i ego rol' v dele zashhity khristian Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki ot presledovanij. Moscow, Poznanie, pp. 109–135 [in Rus].

18. Korovin V. (2016) *Izborskij klub*, no. 2, pp. 82–87 [in Rus].

19. Manifest ottsov-osnovatelej kluba (2013). *Izborskij Klub*, no. 1, p. 6 [in Rus].

20. Milyukov P.N. (1916) Evrejskij vopros v Rossii // Andreev L., Gor'kij M., Sologub F. (ed.). *Shhit: literaturnyj sbornik*. Moscow, Russkoe Obshhestvo dlya izucheniya evrejskoj zhizni, pp. 166–174 [in Rus].

21. Motroshilova N.V. (2010) Tsvivilizatsiya i varvarstvo v ehpkohu global'nykh krizisov. Moscow, Institut filosofii RAN, 480 p. [in Rus].

22. Narochitskaya N.A. (1993) *Nash sovremennik*, no. 12, pp. 94–113 [in Rus].

23. Notin A. (2017) *Izborskij klub*, no. 7, pp. 68–75 [in Rus].

24. Papayani F. (2018) *Izborskij klub*, no. 1, pp. 44–52 [in Rus].

25. Platonov O.A. (1999) *Pochemu pogibnet Amerika. Tajnoe mirovoe pravitel'stvo*. Moscow, Russkij vestnik, 339 p. [in Rus].

26. Prokhanov A.A. (2013) *Izborskij klub*, no. 3, pp. 2–15 [in Rus].

27. Prokhanov A.A. (2014) *Izborskij Klub*, no. 1, pp. 84–85 [in Rus].

28. Sultanov Sh. (2016) *Izborskij klub*, no. 11, pp. 80–93 [in Rus].

29. Tolstoj L.N. (1916) [Iz pis'ma F.B. Getsu 20 maya 1890 g.] // Andreev L., Gor'kij M., Sologub F. (ed.). *Shhit: literaturnyj sbornik*. Moscow, Russkoe Obshhestvo dlya izucheniya evrejskoj zhizni, pp. 251–255 [in Rus].

30. Chernyakhovskij S. (2017) *Izborskij klub*, no. 4, pp. 28–35 [in Rus].

31. Shafarevich I.R. (2005) *Rusofobiya*. Moscow, Ehksmo, Algoritm, 347 p. [in Rus].

32. Bluth N. (2017) *World Policy Journal*, vol. 34, no. 4, pp. 87–92 [in Eng].

33. Laruelle M. (2016) *The Russian Review*, vol. 75, no. 4, pp. 626–644 [in Eng].

34. Yakovlev A. (2016) *Russian Journal of Economics*, no. 2, pp. 146–161 [in Eng].

35. Zubrin R. (2015) *National Review*, 18 Febr. Available at: <http://www.nationalreview.com/2015/02/moscows-mad-philosophers-robert-zubrin>, accessed 31.05.2018 [in Eng].

For citing: Korneychuk B.V.

Principles and contradictions of Izborsk doctrine // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 72–79.

UDC 329.17

PRINCIPLES AND CONTRADICTIONS OF IZBORSK DOCTRINE

Boris V. Korneychuk,

National Research University "Higher School of Economics" (St. Petersburg branch), Professor of the Department of Economics, Doctor of Economics, Professor, The Russian Federation, 190121, St. Petersburg, ulitsa Soyuza Pechatnikov, 16. E-mail: bkorneychuk@hse.ru.

Annotation

The author studies theoretical and ideological backgrounds of social doctrine of Izborsk club established in 2012 after massive opposition protests in Russia. The role of Izborsk club as an intellectual center closely connected with the state is shown. The author uses the articles from the journal "The Izborsk club" as data for study. Three principle of Izborsk doctrine have been pointed out. Firstly, ethnic nationalism is based on the notion of "anti-Russian prejudice", comprises elements of anti-Semitism and contradicts humanistic Orthodox principles, Russian philosophic tradition and civilized ethical standards. Secondly, ideological primacy presupposes introducing state ideology, changing Constitution and organizing the state in the form of "Orthodox caliphate". The internal contradiction of this principle is conditioned by different points of view of Izborsk club members who preach socialism, Orthodoxy and Islam. Thirdly, negative attitude towards democratic values and human rights is the main uniting principle of Izborsk doctrine. As far as the social basis for the doctrine is outdated institutions, it includes elements of barbarous ages and presupposes using violence for achieving their social ideals. Thus, Izborsk doctrine reflects ultra conservative movement in present-day Russian politics and is not able to serve as a creative power for social development.

Key concepts:

Izborsk club, nationalism, Stalinism, state ideology, conservatism.

Для цитирования: Мальцев Я. В. Философия как практика современности // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 80–85.

УДК 130.2

ФИЛОСОФИЯ КАК ПРАКТИКА СОВРЕМЕННОСТИ

Мальцев Ярослав Владимирович,
Тюменский государственный университет,
кафедра философии, соискатель.
Российская Федерация, 625003,
г. Тюмень, ул. Семакова, 10.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com.

Аннотация

Статья рассматривает философию как одну из необходимых практик субъективации, практик *epimeleia heautou* (заботы о себе), превращающую индивида в культуротворческого субъекта перманентной современности. Будучи личностно-переживаемым опытом, современность находится в тесной связи с философией, служащей техникой понимания, рефлексии и самоучреждения. Начинаясь с личностного уровня, философия переходит на уровень политический, уровень конструирования нового социального бытия из нового субъекта.

Ключевые понятия:
современность,
перманентная современность,
философия,
субъект,
политика.

Каждый человек, определяющий себя как любителя мудрости и согласно своим способностям пытающийся заниматься философией, рано или поздно определяет для себя, что есть то, чем он занимается: что есть философия. Он определяет ее основные понятия, терминологию, собственную систему воззрения на мир и, главное, интерпретацию мира. Иными словами, человек-философ создает собственную Книгу, в которой отражается универсум. В некотором роде каждый вступивший на путь философии оказывается берклианцем: он *творит* мир, интерпретируя его и встраивая в собственную умозрительную схему. Повторю достаточно банальную вещь: мир существует в восприятии человека (*esse est percipi*) и во многом таким, каким человек его воспринимает. Вне человека мира нет. Без человека дерево в лесу на самом деле не падает, потому как никому нет до этого дела. «Пространство, которому, кажется, ничего не нужно, на самом деле нуждается сильно во взгляде со стороны, в критерии пустоты. И сослужить эту службу способен только ты» [1, с. 134]. Вторжение в строго упорядоченный умозрительный универсум, выстроенный человеком, оказывается вторжением Реального: мир вовсе не то, что кажется, и нужно вносить поправки.

Разумеется, человек, который пишет Книгу, оказывается и автором, и героем Книги, иными словами, превращается в культурообразующего субъекта. Когда мы пишем, мы становимся Творцами, мы уподобляемся Богу, даже если в этот момент самого Бога выдумываем. Мы создаем свой мир, и этот мир, как минимум, определяет нас, наше поведение, а как максимум, начинает влиять на других: так «Крестный отец» М. Пьюзо повлиял на поведение американских гангстеров, а роман Л. Толстого «Война и мир» во многом создал те характеры, которые распространились по России после выхода эпоса в печать. Люди, которые *не пишут себя, не пишут Книгу, не создают Чегоуниверсум* – не являются субъектами культуры. Отсюда невероятная значимость философии и совершенная преждевременность разговоров о ее похоронах, излишечность подобных похорон со стороны власти. Напротив, основная задача интеллектуалов, задача культуры, задача оппозиции состоит в том, чтобы популяризировать философию: без философии нет субъективности, нет общества, нет гуманизации, нет культуры. И, разумеется, наивно ожидать популяризации философии от власти, т. к. задача любой власти – подрыв философии, подрыв мышления, ликвидация мысли. Власть будет приветствовать «смерть субъекта» и «смерть автора». Более того, охотно выступит

могильщиком того и другого. Единственный способ освобождения от Власти (я говорю о фуконианской власти, т. е. власти в расширенном, максимально широком ее понимании) – занятие философией.

В данной статье мне хотелось бы выдвинуть достаточно простой тезис: *философия есть необходимое условие современности и обязательная субъектообразующая практика.*

Безусловно, одной из важнейших субъектообразующих практик является психоанализ, посредством которого, как нам указывают и З. Фрейд, и Ж. Лакан, «субъект пишет собственную историю» [2, с. 27], однако философия расширяет написание истории и познание себя созиданием истории и конструированием себя. Иными словами, философия ответственна за «-измы», которые с разной степенью искажений, разной степенью вторжения Реального воплощаются *empeiria*.

1.

Мне хочется в своей мысли оттолкнуться от идеи А. Бадью (таким образом совершив жест *argumentum ad verecundiam*) о преждевременности смерти философского дискурса. На мой взгляд, философия не только не мертва, но она, во-первых, необходима, во-вторых, неизбежна, в-третьих, так же перманентна, как перманентна современность. Что есть современность в моем понимании?¹ Это столкновение субъекта с проблемностью собственного бытия, рефлексия над этой проблемностью и индивидуальное разрешение проблемы. Иными словами, *современность – это вызов, мысль и озарение.* Современность – это пребывание в *сейчас* и попытка это *сейчас* умозрительно ухватить.

Современность – это формирование культуры исходя из условий собственной экзистенции; это *социальное измерение экзистенции.* Современность предполагает субъективное восприятие пространства-времени и культурной матрицы, она преломляет то, что было, и то, что будет, в личностные условия и проект: отсюда субъективность научных парадигм и многовариантность будущего, основанного на интерпретации прошлого: *прошлое не дано нам как мертвое будущее, но только как основополагающая часть живого настоящего, из которого складывается завтра.*

Современность (говоря о современности, я говорю о перманентной современности, дабы отличать ее от остальных концептов) – акт творения, в котором субъект созидает культуру, находясь в полилоге с другими культурными субъектами. (При этом полилог вовсе не означает его необходимости

¹ Здесь я отталкиваюсь от мысли А. В. Павлова о современности как Я-субъективности [3].

в реальности. Полилог субъектов может вестись заочно, в разном пространстве, будучи разнесенным по времени. Так, например, Жижек ведет свой полилог с Гегелем и Лаканом, а Бадью – с Лаканом и Платоном; Джойс и Пруст при их единственной встрече оказались недовольными друг другом, но это не мешало им находиться на метафизической культурообразующей площадке и участвовать там в со-творении общей культурной матрицы Европы). Разумеется, что субъект при таком подходе оказывается тем, кто отличается творческим и волюнтаристским подходом относительно собственной жизни и жизни социальной: в себе самом он реализует собственный проект «Я», выводя этот проект во вне и воздействуя, подобно брошенному в воду камню, на культуру. Т. е. субъект – это человек, понятый возрожденчески, согласно представлениям Ренессанса.

Отмечу: если даже следовать идее Бергсона – Гуссерля – Хайдеггера, что интеллект противоположен бытию, т. к. помещает себя за границами бытия, а само бытие может постигаться только изнутри, только интуитивно, т. к. лишь таким образом возможно обнаружить бытие *как есть* в самом его основании (т. е. по-аристотелевски целостно), то и тогда должно продолжить мысль дальше и остановиться на том, что даже постигаемое (пусть так) интуитивно бытие мы вынужденно переводим на рациональный язык. Не только бытие и сущность не даны нам *как они есть*, но и их постижение возможно только в той мере, в какой нам наиболее целостно удастся его символизировать через собственный язык. Как компьютерная программа мы не воспринимаем сообщение таким, какое оно есть, но требуем его перевода на машинный, понятный нам язык. Даже постичь другого мы в состоянии только в той мере, в какой понимаем его язык, его логику, его способ выражаться. Это же относится к интуиции и бытию – они всегда требуют перевода и рационализации, совершаемых автоматически. Причем по мере взросления мы все больше и больше становимся рациональными, теряя непосредственность и чистоту восприятия ребенка, а потому нужно учиться пользоваться своим разумом с максимально доступной эффективностью. Именно это обосновывает необходимость и актуальность картезианского субъекта.

Именно в смычке субъекта и его попытки постичь мир (разумеется, «постичь мир» означает постичь истину этого мира, мир как вещь-в-себе, что невозможно, но потенциально) и рождается философия, вытекают все ее практики и направления. Можно сказать, что А. Бадью абсолютно прав, когда

говорит, что *родовыми путями философии* оказываются математика, поэма, политика и любовь, как прав он и указывая на субъекта, истину и бытие как на необходимые условия философии [4]. Разумеется, через указанные Бадью родовые пути субъект формируется и ищет: философия оказывается смесью поэзии и науки, черпая из одной сферы откровение и прозорливость, а из другой логику и факты, необходимые для интерпретации. Философия руководима, вдохновляема любовью, но нацелена на социальное пространство, на его переустройство, т. е. априорно занимается политикой, а философ оказывается по-сартровски ангажированным субъектом: он вынужден занимать определенную политическую платформу, даже если его политическая партия состоит из одного человека – самого философа. *Ключевыми же функциями философии оказываются* миропостижение в целостности, самоучреждение субъекта, конструирование социального фантазма (утопии, вектора) и критика идеологии – т. е. этика и политика, тесно связанные между собой: создавая себя как этического актора субъект неизбежно абсолютизирует эту модель в границах социума и культуры.

2.

Философия есть извращение мыслительной деятельности в том плане, что ее привычным инструментом является доведение любой идеи до логического конца, а логический конец, как известно, часто превращается в абсурд, показывая несостоятельность начала. Здесь комик (высмеивающий серьезное, чтобы не было так страшно) смыкается с философом, вскрывающим несостоятельность всякой иллюзии: иллюзии нации, иллюзии религии, иллюзии процветания, иллюзии яппи, иллюзии «Я». И лучший философ получается из Вуди Аллена.

Философия создана для подрыва. Она всегда деструктивна относительно существующего порядка вещей (именно потому множество философов находилось в андеграунде: Сократ, Спиноза, Фуко и проч.). Философия расшатывает, взрывает, выходит за рамки, не укладываясь в привычное или, как говорили еще древние негодующие афиняне, развращает юношество. (Обвинение Сократу в развращении молодежи выдвинули те самые древние афиняне, о чьих сексуальных привычках сегодня говорить опасно – обвиняют в пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений. Но, если бы Сократ занимался подобной пропагандой, древние афиняне его бы не трогали. Однако «извращением» и виной Сократа был не секс, а вмешательство в интеллектуальные

настройки афинян, предустановленные полисом и обществом.)

Настоящая философия *всегда не только отрицает существующее* (потому как мыслит шире), но и *пытается создать нечто новое.* Или не пытается вовсе. В любом случае существующим философия всегда недовольна: это либо пессимистическое недовольство, либо жизнерадостное, но так или иначе призывающее к изменениям. Философия всегда стремится заглянуть за грань, подмигнуть бездне и потом решить, как жить с увиденным дальше.

Философия индивидуальна, но интерсубъективна: развиваясь через личностное размышление она тесно связана с диалогом: это и возникновение мысли, и ее обсуждение, и верификация, и попытка реализовать на практике. В связи с этим философия обязательно логична: именно логичность отличает философию от мистического опыта и его производных. Это же делает философию научной и рациональной. Выходя за рамки рациональности, философия скатывается в эзотерику и перестает нас интересовать – картинки эзотерического опыта ни в коей мере не соответствуют реальности, а философию интересует истина. Даже если эта истина в конечном счете непознаваема. Даже если на пути к ней философ оказывается на весьма тонком рубеже между рациональностью и шизофренией. Даже если истина представлена во множественности.

3.

По синякам и ссадинам на лице философа всегда можно сделать вывод, что его высказывания никого не оставляют равнодушным, что по меньшей мере зерно истины в них имеется. Настоящий философ практически всегда бывает бит: либо как убитый фашистами Дж. Маттеотти («Я свою речь произнес. Теперь готовьте похоронную речь по мне» [5, с. 16]), либо как С. Жижек или Н. Хомский, находившиеся долгое время под «опекой» служб госбезопасности своих стран.

О том насколько опасна философия для господствующего Другого, для Большого Другого, как обозначает символический порядок власти Лакан, может говорить борьба с тремя главными идеями XIX в.: эволюцией Дарвина, критикой капитализма Маркса, психоанализом Фрейда. Как справедливо отмечает А. Бадью [6], на эти великие интеллектуальные диспозитивы сегодня (и изначально) обрушиваются различные типы консерватизмов, защищающих право господствующих классов на власть, деньги и ангельское происхождение. Философия расшатывает социальный порядок, делая очевидным фальшь

конструируемых государствами (аппаратом насилия господствующего класса по определению Ф. Энгельса [7, с. 176]) идеологий. Именно философия вскрывает сегодняшнюю ложь капитализма с его якобы либеральной утопией (свобода, равенство, братство), мультикультурализмом, демократией.

Философия дает человеку возможность задумываться (любить мудрость) и создает коридор социального протеста, коридор революций, коридор преобразований. Через создаваемую в философской мастерской теорию конструируется будущее: теория распространяется, упрощается, трансформируется, доходит до практиков, которые начинают действовать, образуя *множества*. За каждым явным социальным агентом стоит скрытый в тени философ. Философия обосновывает смысл практики и показывает вектор действия. Она тот камень, о который запнулся витязь перед выбором. Она та кухня, где в разговорах зарождается Проект.

Отсюда значимость философии – философия задает горизонты. И это горизонты того будущего, в котором мы будем жить; той картины мира, которую мы себе создадим; тех ценностей, которыми мы будем руководствоваться. Поэтому *с философией бесполезно бороться*. Как бы государства не пытались взять ее под контроль (в частности закрывая философские факультеты), но каждый человек – философ в силу самого обладания разумом: нам всем необходимы ценности, организующие нашу жизнь. Ценности – это наши маяки, наши флажки. Мы либо принимаем их пассивно: «Так сказал дядя из телевизора», «Так написано в министерском циркуляре», «Так сказал Президент»; либо мы создаем ценности сами. Но мы это делаем. Философия дает нам возможность самим устанавливать себе операционное обеспечение, не доверяя это дело программистам от Власти. Она избавляет нас от вокабул (гугенот, нация, враг народа, терроризм и проч.) – ими легко заклеить.

4.

Разумеется, философия не укладывается в норму. Философ по своей природе субъект девиантный, потому что свободный. А свободный человек не может вписываться в норму, т. к. норма – это инструмент господства, инструмент власти. Норма – это шаблон, в ее рамках творчество невозможно. Философ свободен от нормы: его мысль вольно перемещается, и он сам принадлежит себе, а не Большому Другому. Он не привязан и не связан, хотя бы ментально. «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить» (Матф. 10:28).

Поэтому человек, занимающийся философией, но при этом являющийся конформистом, не может быть философом. Просто в силу особенностей самой философии: как любовь к мудрости, как путь сверхчеловека (т. е. человека, пытающегося стать человеком, а не человеческим животным), она уводит нас на самую высокую гору (Ф. Ницше), а оттуда бюрократические и бизнес ценности кажутся мелочными, смешными и раздражительными, отнимающими ограниченное время жизни. Главное: философия призвана расширять границы и отменять их, она не консервирует, но выводит за пространство, переворачивает, обрисовывает горизонты, доводит до абсурда. Философия не вписывается в существующее, т. к. всегда настроена критически к имеющемуся, ищет идеальные формы будущего (создает утопии), расшатывает.

В связи с этим философия оказывается тесно связанной с современностью. *Современность есть социальная экзистенция философа*. В современности происходит Событие¹ – возникают проекты, которые конструируются философским разумом.

5.

Современность неизбежно является делом *политическим*. Цепочка следствий здесь очень проста: существуют социальные проблемы, требующие решения – эти социальные проблемы осмысливают люди, «которым нечего делать», кроме как мыслить: они создают проекты и выпускают их в социальное поле – проекты находят сторонников – сторонники образуют множества – множества сталкиваются между собой. Так рождается *политика*, а субъект современности превращается в субъекта истории, расширяясь до своего политического аватара.

Политика не есть мертвое повторение раз и навсегда устоявшихся процедур: выборов, обмена дипломатическими нотами и проч. Это не воспроизведение устоявшегося, и даже не воспроизведение «нового для нас» по лекалам, взятым «у них» – это не революция, не политика. Политика есть *внесение нового*, проект, побеждающий среди других таких же проектов в момент, когда массы, требуя перемен, выходят на улицы и «требуют невозможного», когда структуры рушатся, происходит разрыв. Политика должна предлагать что-то сверхновое. В этот момент современность актуализируется и все оказываются причастны ей. Становится возможным воскликнуть про «великолепный восход солнца» (Гегель).

Именно философия занимается производством политических знаков, которые

¹ Событие, по Бадью, – ситуация возникновения мириад новых возможностей [8].

впоследствии сталкиваются на площадях. Именно философия, служащая формированию субъекта как человека из человеческого животного, способствующая освобождению человека из-под ига Власти, оказывается необходимой и для формирования сил, выступающих за освобождение людей, для созидания общества, основанного на признании ценности индивида и его права быть таким, какой он есть, каким себя видит. Иными словами, философия причастна свободе, а политика – форма борьбы за эту свободу: если политика не ставит вопроса об освобождении, то это полиция¹.

Политика есть всегда радикализм, борьба за что-то принципиально иное против данного, выход за границы обыденного. Борьба за расширение демократии или за демократию в государствах Запада или третьего мира – это не есть политика. Политика – борьба за что-то новое, чему в настоящем, возможно, даже нет имени (но мы можем воспользоваться термином Маркса и обозначить это как коммунизм – развертывание некой неизвестной новой формации).

Политика в современности необходимо смыкается с этикой, как ее понимал Кьеркегор: как стадии, отличающей человека желающего от стадии человека целеполагающего, к цели двигающегося, представляющего собой самость, а не расщепленный субъект, марионетку маркетинга. Учредив самого себя (этика), субъект стремится распространить себя (политика) вовне, в социальное поле, поделившись с другими своими правилами жить, будь это свобода хиппи или тоталитаризм Кальвина. В новизне моего искусства жить, которое я рекомендую (навязываю) другим, рождается политика. «Рискуя показаться смешным, хотел бы сказать, что истинным революционером движет великая любовь», – писал товарищ Че. Столкновение разных картин рождает политическое поле с присущими ему борьбой, партиями, тумками. Но в основе всегда находится что-то представление о должном. В этом отношении эпоха метанарративов никуда не исчезла, как не исчез нарратив, например, капитализма.

6.

Таким образом, находящийся на полифокальной площадке [10] учредивший себя субъект, который после масштабной рефлексии и размышления о мире вырабатывает собственный проект мира и предлагает его бытию, одновременно оказывается критиком и оппозицией любой иной картине мира, кроме своей. Освобождаясь от навяз-

чивости мира, субъект выходит за границы навязываемого фантазма, понимаемого в качестве рамки, конструирующей социальную реальность. Любой подобный фантазм есть идеология, которую нельзя определить со всей отчетливостью, иногда она вообще аморфна, аморфна настолько, что говорят о ее отсутствии, но при этом она все равно существует. Как определяет С. Жижек: идеология – это «система, которая легитимизирует существующие отношения господства» [11]. Эти отношения касаются не только того, что исходит от политической власти, но и того, как организуются наши взаимоотношения с соседом на микроуровне. Механизмы социального и есть работа идеологии. Понимание этих механизмов и вскрытие социальных язв в случаях надобности (например, в случае распространения расизма) – пример работы философа-субъекта. В конечном счете, как писал У. Эко: «Первейший долг интеллигенции – критиковать собственных попутчиков» [12, с. 28]. Философия же оказывается той практикой, которая, начинаясь как мыслительные операции субъекта над собственным бытием, над своей экзистенцией, превращается в социально значимую Идею, диалектическое противостояние которых во времени и пространстве организует будущее, организует множества. Философия из *potentia* зачастую превращается в ангажированный политический *praxis*. Однако никогда не следует забывать, что за любой Идеей, за любым множеством находится Абсолютный дух, который есть не что иное, как *esse homo*.

1. Бродский И. Сочинения : в 4 т. Т. 3. СПб. : Пушкин. фонд, 1994. 448 с.

2. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М. : Гнозис, 1995. 192 с.

3. Павлов А. В. Заметки о современности и субъективности. Критерии современности // Социум и власть. 2013. № 1 (39). С. 5–14.

4. Бадью А. Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.

5. Эко У. Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ. М. : Эксмо, 2007. 592 с.

6. Бадью А. О современном обскурантизме // Strategium.ru. URL: <https://www.strategium.ru/forum/topic/8715-o-sovremennom-obskurantizme/> (дата обращения: 05.10.2017).

7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 21. М. : Гос. изд-тво полит. лит., 1961. 745 с.

8. Бадью А. Восточный ветер сбивает западную песь // Strategium.ru. URL: <https://www.strategium.ru/forum/topic/12090-vostochnyy-veter-sbivaet-zapadnyuyu-spes/> (дата обращения: 05.10.2017).

9. Рансьер Ж. Несогласие: политика и философия. СПб. : Machina, 2013. 192 с.

10. Павлов А. В. Полифокальная социология современности // Социум и власть. 2013. № 4. С. 5–13.

¹ В данном случае я использую терминологию Ж. Рансьера [9].

11. Жижек С. Славой Жижек: «Идеология – пустое слово, именно поэтому она и работает» // Colta.ru. URL: <http://archives.colta.ru/docs/20836/> (дата обращения: 14.04.2018).

9. Эко У. Пять эссе на темы этики. СПб. : Симпозиум, 2003. 158 с.

References

1. Brodskij I. (1994) Sochinenija v chetyreh tomah. T. 3. Sankt-Petersburg, Pushkinskij fond, 448 p. [in Rus].

2. Lakan Zh. [Lacan J.] (1995) Funkcija i pole rechi i jazyka v psihoanalize. Moscow, Gnozis, 192 p. [in Rus].

3. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 4, pp. 5–13 [in Rus].

4. Bad'ju A. [Badiou A.] (2003) Manifest filosofii. Sankt-Petersburg, Machina, 184 p. [in Rus].

5. Jeko U. (2007) Polnyj nazad! «Gorjachie vojny» i populizm v SMI. Moscow, Jeksmo, 592 p. [in Rus].

6. Bad'ju A. O sovremennom obskurantizme. Available at: <https://www.strategium.ru/forum/topic/8715-o-sovremennom-obskurantizme>, accessed 05.10.2017 [in Rus].

7. Marks K., Jengel's F. (1961) Sochinenija. T. 21. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 745 p. [in Rus].

8. Bad'ju A. Vostochnyj veter sbivaet zapadnuju spes'. Available at: <https://www.strategium.ru/forum/topic/12090-vostochnyy-veter-sbivaet-zapadnuyu-spes>, accessed 05.10.2017 [in Rus].

9. Rans'er Zh. (2013) Nesoglasie: Politika i filosofija. Sankt-Petersburg, Machina, 192 p. [in Rus].

10. Pavlov A.V. (2013) *Socium i vlast'*, no. 1 (39), pp. 5–14 [in Rus].

11. Zhizhek S. Slavoj Zhizhek: «Ideologija – pustoe slovo, imenno pojetomu ona i rabotaet». Available at: <http://archives.colta.ru/docs/20836/>, accessed 14.04.2018 [in Rus].

9. Jeko U. (2003) Pjat' jesse na temy jetiki. Sankt-Petersburg, Simpozium, 2003. 158 p. [in Rus].

For citing: Maltsev Ya.V.

Philosophy as a practice of modernity // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 80–85.

UDC 130.2

PHILOSOPHY AS A PRACTICE OF MODERNITY

Yaroslav V. Maltsev,

Tyumen State University,
The Department Chair of Philosophy,
Degree-seeking student,
The Russian Federation, 625003,
Tyumen, ulitsa Semakova, 10.
E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com.

Annotation

The article considers philosophy as one of the necessary practices of subjectification, practices of epimeleia heautou (self-concern), turning an individual into a cultural-creative subject of permanent modernity. Being a personally passing through experience modernity is in close connection with philosophy, which serves as a technique of understanding, reflection, and self-constitution. Starting with the personal level philosophy comes to the political level, level of constructing new social existence from a new subject.

Key concepts:

modernity,
permanent modernity,
philosophy,
subject,
politics.

Для цитирования: Пеннер Р. В. Ретриты в философской практике: прошлое, настоящее, будущее // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 86–90.

УДК 101

РЕТРИТЫ В ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ¹

Пеннер Регина Владимировна,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент, кандидат философских наук.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, проспект Ленина, д. 76.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Аннотация

На смену процедур «рождения» истины на финской площади или революционных действий в центре Парижа в практику философствования пришли ретриты как особая форма вопрошания, в рамках которой вопрошание реализуется извне и изнутри. В статье раскрыта специфика ретритной деятельности как особой формы духовной практики; обозначены точки соприкосновения ретритной и философской практик; представлен прогноз будущего философского ретрита.

Ключевые понятия:
философский ретрит,
философская практика,
философское консультирование,
вопрошание,
сократический диалог.

Ретрит: этимологический ракурс и историческая справка

Понятие ретрит имеет англоязычные корни. Переводы на русский язык колеблются между несколькими смысловыми центрами: уединение, удаление, затвор и отступление. Фундаментом, объединяющим эти смыслы, является затворническая деятельность. Это удаление и отступление от принятой за норму формы повседневного бытия, от шумов, существующих вовне и внутри человека.

Ретрит – это форма духовной практики (или духовных практик), зародившаяся в лоне мировых религий (буддизм, некоторые ветви христианства, ислам). Обозначенные практики ретрита непосредственно связаны с духовной и физической аскезой. Но религиозные духовные практики не тождественны современному ретритному формату или, по крайней мере, тому пониманию ретрита, что распространено в среде широкой аудитории сегодня.

Ретрит сегодня есть трендовое направление, нацеленное на восстановление жизненных сил (или жизненной энергии) человека, полностью выкладывающегося на работе и (или) в семье. Ретрит – это особая форма отдыха, когда вместо реального отдыха участнику ретрита предлагается интенсивная работа над собой; такая работа, что не может быть реализована в ситуации повседневности, в том числе, тишина и религиозная аскеза, глубинная медитация, массивная физическая нагрузка или интенсивное общение.

Местом проведения ретрита, как правило, выступают уединенные места, далекие (или удаленные) от цивилизации. Исторически это связано с тем, что прототипом ретритных центров были (и остаются) монастыри, принимающие послушников и наблюдателей, сохранявших свое положение между миром и монастырем. Более того, некоторые католические и буддистские монастыри являются сегодня мировыми ретритными центрами.

В философскую область именно ретритная практика пришла сравнительно недавно. Однако у нее, как и у многого из того, что зародилось и существует в философии, есть свои корни. Прежде всего здесь следует отметить аскетизм ретритной деятельности. Некоторые философские школы древности образовывались и развивались в шумных городских конгломератах, привлекая и удивляя толпу; другие же – дистанцировались от

¹ Статья выполнена при поддержке Правительства РФ (Постановление № 211 от 16.03.2013 г.), соглашение № 02.А03.21.0011 и в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

городского шума и люда, продуцирующего этот шум и бытийствующего в нем [1; 2]. Ярким примером тому служит пифагорейская школа, что прославилась духовными упражнениями (перенятыми от орфиков) и внешним видом (длинными тогами), принципиально отличавшим их от иных горожан [11].

В начале XX в. подобия ретритов организовывал в своем загородном доме немецкий философ Л. Нельсон. Сегодня его имя неразрывно связано с методом философской практики – сократическим диалогом [18]. Л. Нельсон собирал у себя на каникулах заинтересованных студентов и с ними занимался разработкой логических упражнений, направленных на преодоление смысловых лагун в повседневной речи.

Сегодня ретрит является распространенным форматом в философской практике; разные ее направления (от философского консультирования до глубинной философии) обращаются к практике отступления от повседневности с целью разрешения конкретных проблем участников ретрита (problem-solving approach) [14] или внутренней их трансформации, трансцендирования (transformational approach) [15–17].

Ретрит и вопрошание: точки соприкосновения

Разграничим понятия ретрита и отпуска. Ретрит – это тоже отпуск, но принципиально особая его форма. Связующей их нитью становится отдых от повседневности. В обоих случаях с целью отдохновения от повседневности человек отходит (уходит) от норм своего бытия. Вместе с тем, отпуск есть «чистый» отдых, а ретрит – интенсивная работа, что сопровождается внутренним и внешним вопрошанием участника ретрита.

Ретрит начинается (или должен начинаться) с вопроса (или духовного запроса) ищущего. Это не случайное, но целенаправленное его движение. С целью нахождения ответов на свой вопрос ищущий встает на путь истины, обнаружение которой является для него принципиальным [9; 13]. Ретрит с философским вопрошанием несколько оснований:

- во-первых, вопросы задаются на смысло-жизненную тематику: важно не то, как бросить курить, а какие ценности лежат в *моем* поведении, и как я реализую эти ценности;
- во-вторых, самоценно само вопрошание как нахождение между (знанием и незнанием), «нахождение в пути» (К. Ясперс);

- наконец, ищущий находится в самостоятельном (свободном и ответственном) поиске ответов; это не работа с готовыми шаблонами, а поиск своих ответов на вечные вопросы.

Ретрит – это глубокая духовная работа человека с самим собой; это погружение вовнутрь ради разрешения чего-то внешнего; это пробуждение вопросов внутри себя и реализация практики вопрошания. Дело в том, что в режиме повседневности взрослый человек не задает вопросы, он дает ответы. Внешние социальные нормативы «отключают» в нем режим «почемучки» уже в школе. Сложившейся системе социальных институтов не нужен тот, кто непрерывно задает вопросы и не удовлетворяется полученными ответами; им нужен «молчаливый» функционер системы. Вместе с тем, «корка» нормативности время от времени трескается от внутренних экзистенциальных проблем (или кризисов), «выплескивающихся» изнутри или проникающих снаружи (пограничные ситуации) и трансформирующих внутренний мир человека [5, 6].

Причем, в ретрите реализуется своеобразная форма молчаливого вопрошания. Это не работа гуру со своими учениками; это совместная мыслительная активность партнеров в духовных упражнениях. Также и в философии, мыслитель не диктует готовые формулы своим слушателям; это Сократ, что майевтикой вскрывает корку застывших мнений тех, кто попались на крючок его вопрошания, кто стали родителями истины.

Особую роль в ретрите и в вопрошании играет фасилитатор (facilitator). Это не духовный лидер и не гуру, но тот, кто уже стоит между и готов направить других на этот путь. Это как погружение на морское дно или движение вглубь пещеры. У каждого погружающегося или движущегося свой путь, свои инсайты и трансформация; фасилитатор, в свою очередь, освещает этот путь, просвещая возможные тропы и узкие проходы. Фасилитатор не есть водитель, он проводник; участник ретрита, вопрошая, самостоятельно прокладывает свой путь.

Философский ретрит: зарубежный и российский опыт

Несмотря на то что философская практика как самостоятельное движение существует более сорока лет, практика ретритов распространилась и укрепилась в ней только в начале XXI в. Даже сегодня ретрит не является распространенной формой практического философствования и проигрывает

в популярности индивидуальной и групповой формам работы, в том числе, философскому консультированию и философскому кафе.

Вместе с тем, ретрит – это яркое направление философской практики, принципиально отличающее ее от академической философии по причине того, что в ретритной форме работы происходит не передача знаний или обмен мнениями, но погружение в глубины я с философом-проводником.

Следует отметить, что не все именитые фигуры из области философской практики практикуют работу в ретритной форме. К примеру, основатель философской практики Г. Ахенбах (Германия) отсутствию цивилизации предпочитает комфортабельные кабинеты [4], а Л. Амир (Израиль) – академические аудитории [3]. В свою очередь, иные яркие фигуры, Р. Лахав (США) и О. Бренифье (Франция), максимально дистанцируются от академических залов и шумных городов и из года в год приглашают старых друзей и новых партнеров в стоящие в стороне от мегаполисов места: О. Бренифье – деревня La Chapelle Saint André, что недалеко от г. Везле, Центральная Франция уже 13 лет подряд собирает в своем загородном доме представителей со всех семи континентов, желающих стать философами-консультантами [14]; Р. Лахав в течение последних десяти лет проводит ежегодные ретриты в Италии, преимущественно в области Пьемонта, Северная Италия [15]. Некоторые из ретритов по философской практике открыты и организуются для широкой аудитории (философское консультирование, созерцательная философия); другие – закрыты, их целевой аудиторией выступает узкая группа философов (например, ретрит Глубинной философии). Несмотря на различия в исковой аудитории и форматах проведения, ретриты по философской практике нацелены на трансформацию участников, внешнюю (профессиональную) или внутреннюю (экзистенциальную, трансцендентальную).

Интересно еще и то, что иная знаковая фигура в философской практике, Л. Маринофф, участвует в ретритах не как фасилитатор, но как «рядовой» участник (например, ретрит, инициированный тибетскими монахами дзен-буддистами) [18]. По Л. Мариноффу, в основе концептуального познания, формирования «правильных» мировоззрения и мироощущения лежит осмысление дхармы. Причем, даже не все буддисты готовы встать на этот путь. В свою очередь, подобная духовная практика формирует потенциал философа-практика, позволяю-

щий ему «светить» Другому. Л. Маринофф является не единственным философом, приобретшим столь глубокий духовный опыт, но он один из немногих, кто произвел феноменологическую редукцию практик своего бытия и поделился с широкой аудиторией своими выводами.

Иная ситуация в отношении ретритов сегодня в России. Академическая философия в России с ее традицией конференций, круглых столов и дебатов «застряла» в официальных формах существования философского знания. Вместе с тем, ретритная деятельность в России связана, прежде всего, с так называемыми альтернативными формами духовных и физических практик. Это медитативные и йогические ретриты, вышедшие из underground и закрепляющиеся в main stream. Однако практика философских ретритов проникает и в Россию. Например, Л. Т. Ретюнский на базе межрегиональной детской общественной организации «Философия – Детям» (Москва) организует и проводит философские летние лагеря, проходящие под эгидой многолетнего проекта «Школа Сократа» для детей и их родителей [7; 12]. С 2010 г. А. И. Макаров и его сторонники из лектория «Интеллектуальные среды» (Волгоград) проводят летнюю школу в Крыму, в рамках работы которой молодые ученые, студенты и аспиранты приобретают навыки ведения лекций. Наконец, в 2017 г. кафедра философии Южно-Уральского государственного университета (Челябинск) собрала философов из разных городов России и зарубежья на выездном методологическом семинаре; в ноябре этого же года усилиями той же команды был собран первый в России ретрит по созерцательным практикам (философское партнерство) и глубинной философии, на котором в роли фасилитатора выступил Р. Лахав (США) [8].

В целом, российский и зарубежный опыт демонстрируют увеличение интереса к философскому ретриту и рост его популярности в среде узкой (философы-практики) и широкой (студенты, интеллигенция) аудиторий, обращение к ретритной активности представителей академической философии.

Будущее философского ретрита, или Вместо заключения

В этом пункте следует задаться вопросом, есть ли у философского ретрита будущее, и если есть, то каково оно. Время показало, что именно созерцательная философия как вдумчивое наблюдение за миром и глубокое осмысление внешнего и внутрен-

него гармонично вписывается в формат философского ретрита. Более того, подобный резонанс можно наблюдать и в отношении обучающих практик, направленных на развитие мышления вообще или конкретных навыков в частности.

Обращаясь к истории философии, можно заметить, что формы существования и трансляции философского знания изменялись с развитием истории. От споров на афинской площади и дебатов в стенах монастырей до бесед в аристократических салонах и лекций в университетских аудиториях.

Философский ретрит – это улавливание чего-то актуального, модного. И вместе с тем, это «реанимация» забытых традиций, связанных с философской аскезой и затворническими практиками.

Философский ретрит, в противоположность духовному номадизму, есть попытка укоренения человека (М. Хайдеггер); это остановка и обнаружения себя (очищенного от «шелухи» повседневности). Это противостояние вечной проблеме того, что «люди ищут удовольствия, бросаясь из стороны в сторону, только потому, что чувствуют пустоту своей жизни, но не чувствуют еще пустоты той новой потехи, которая их притягивает» [10]. Это возможность человека собрать свое я; не приобретение им новой потехи, но реализация экзистенциальной полноты.

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Степ. ветер : Коло, 2005.

2. Адо П. Философия как способ жить. М.: Социум, 2010.

3. Амир Л. Принимая философию всерьез. Перфекционизм versus мелиоризм. Ч. 1 // Социум и власть. 2017. № 3 (65). С. 106–111.

4. Ахенбах Г. Основное правило философской практики // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 99–106.

5. Борисов С. В. О роли и месте философствования в жизни современной интеллигенции // Вопросы культурологии. 2016. № 3. С. 48–51.

6. Борисов С. В. «Человек философствующий»: исследование современных моделей философской пропедевтики. М.: ПЕР СЭ, 2005.

7. Борисов С. В. Эпистемология наивного философствования. М.: Спутник, 2007.

8. Борисов С. В., Гредновская Е. В., Динабург С. Р. Философская практика: лето – осень 2017 (по материалам российских семинаров с международным участием) // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 131–139.

9. Вольф М. Н. Эпистемический поиск в диалоге Платона «Менон» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4. С. 146–159.

10. Дыдров А. А. TERRA UTOPIA: хребты и плато // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 1. С. 110–112.

11. Лебедев А. В. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989.

12. Ретюнских Л. Т. «Школа Сократа»: философские игры десять лет спустя. М.: Изд-во Моск. псих.-социал. ин-та, 2003.

13. Фуко М. Мужество истины. Управление собой и другими II: курс лекций, прочит. в Коллеж де Франс в 1983–1984 учеб. году. СПб., 2014.

14. Brenifier O. Philosophical Attitudes. The Art of Philosophical Practice // Institute of Philosophical Practices. URL: <http://www.pratiques-philosophiques.fr/livres-gratuits-2/?lang=en> (дата обращения: 28.05.2018).

15. Lahav R. Handbook of Philosophical Companionships: principles, procedures, exercises, Vermont: Lovey Books, 2016.

16. Lahav R. Philosophical Counselling as a Quest for Wisdom // Practical Philosophy. 2001. No. 1.

17. Lahav R. Stepping out of Plato's Cave: Philosophical Counseling, Philosophical Practice and Self-Transformation. 2nd ed., Hardwick, Vermont : Loyev Books, 2016.

18. Staude D. The Path of Consideration. Philosophical Practice in Dialogic Life Accompaniment // The Socratic Handbook / ed. M. N. Weiss. LIT Verlag, 2015. P. 35–44.

References

1. Hadot P. (2005) Duhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya. Moscow, St. Petersburg, Stepoj veter, Kolo [in Rus].

2. Hadot P. (2010) Filosofiya kak sposob zhit'. Moscow, Socium [in Rus].

3. Amir L. (2017) *Socium i vlast'*, no. 3 (65), pp. 106–111 [in Rus].

4. Ahenbah G.B. (2016) *Socium i vlast'*, no. 6 (62), pp. 99–106 [in Rus].

5. Borisov S.V. (2016) *Voprosy kul'turologii*, no. 3, pp. 48–51 [in Rus].

6. Borisov S.V. (2005) «Chelovek filosofstvuyushchij»: issledovanie sovremennyh modelej filosofskoj propedevтики. Moscow, PER SEH [in Rus].

7. Borisov S.V. (2003) Epistemologiya naivnogo filosofstvovaniya. Moscow, Sputnik [in Rus].

8. Borisov S.V., Grednovskaya E.V., Dinaburg S.R. (2017) *Socium i vlast'*, no. 6 (68), pp. 131–139 [in Rus].

9. Vol'f M.N. (2011) *Vestnik Tomskogo gos. universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, no. 4, pp. 146–159 [in Rus].

10. Dydrov A.A. (2015) *Vestnik YUzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Social'no-gumantarnye nauki*, vol. 15, no. 1, pp. 110–112 [in Rus].

11. Lebedev A.V. (1989) *Fragmenty rannih grecheskih filosofov*. Moscow, Nauka [in Rus].

12. Retyunskih L.T. (2003) «Shkola Sokrata»: filosofskie igry desyat' let spustya. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo psihologo-social'nogo instituta [in Rus].

13. Foucault M. (2014) *Muzhestvo istiny. Upravlenie soboj i drugimi II: kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1983–1984 uchebnom godu*. St. Petersburg [in Rus].

14. Brenifier O. Philosophical Attitudes. The Art of Philosophical Practice // Institute of Philosophical Practices. Available at: <http://www.pratiques-philosophiques.fr/livres-gratuits-2/?lang=en>, accessed 28.05.2018 [in Eng].

15. Lahav R. (2016) Handbook of Philosophical Companionships: principles, procedures, exercises, Vermont, Lovey Books [in Eng].

16. Lahav R. (2001) Philosophical Counselling as a Quest for Wisdom // Practical Philosophy, no. 1 [in Eng].

17. Lahav R. (2016) Stepping out of Plato's Cave: Philosophical Counseling, Philosophical Practice and Self-Transformation, 2nd ed. Hardwick, Vermont, Loyev Books [in Eng].

18. Staude D. (2015) The Path of Consideration. Philosophical Practice in Dialogic Life Accompaniment // Weiss M.N. (ed.) The Socratic Handbook. LIT Verlag, pp. 35-44 [in Eng].

For citing: Penner R.V.

Retreats in philosophical practice:

present, past, future //

Socium i vlast'. 2018. № 3 (71). P. 86–90.

UDC 101

RETREATS IN PHILOSOPHICAL PRACTICE: PRESENT, PAST, FUTURE

Regina V. Penner,

South Ural State University

Associate professor, Cand.Sc. (Philosophy),

The Russian Federation, 454080,

Chelyabinsk, Lenin Avenue, 76.

E-mail: penner.r.v@gmail.com

Annotation

Instead of the procedures for the «birth» of truth in the Athenian square or for revolutionary actions in the center of Paris, retreats have come into the practice of philosophizing as a special form of inquiry, within which interrogation is realized from the outside and from within. The article specifies the particularity of retreat activity as a special form of spiritual practice; the points of contact between retreat and philosophical practices are indicated; the forecast of the future of philosophical retreat is presented.

Key concepts:

philosophical retreat,
philosophical practice,
philosophical counseling,
questioning,
Socratic dialogue.

Для цитирования: Орехов А. М. Междисциплинарный синтез и социально-гуманитарные науки: к вопросу о прояснении некоторых концептов и векторов исследования // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 91–97.

УДК 140.8

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: К ВОПРОСУ О ПРОЯСНЕНИИ НЕКОТОРЫХ КОНЦЕПТОВ И ВЕКТОРОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Орехов Андрей Михайлович,
Российский университет дружбы народов,
доцент кафедры социальной философии,
доктор философских наук, доцент.
Российская Федерация, 117198,
г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.
E-mail: orekhovandrey@yandex.u

Аннотация

Статья посвящена проблеме уточнения и анализа концептов, выражающих различные версии междисциплинарного синтеза в сфере социально-гуманитарного знания. Междисциплинарный синтез является результатом междисциплинарного взаимодействия, хотя далеко не во всех случаях междисциплинарное взаимодействие завершается междисциплинарным синтезом. Существуют различные версии такого синтеза: ультрадисциплинарный синтез, кроссдисциплинарный синтез, мультидисциплинарный синтез, трансдисциплинарный синтез. Современные социальные ученые наибольшие надежды возлагают на трансдисциплинарный синтез как возможность комбинирования и деконструкции различных фрагментов социально-гуманитарного знания.

Ключевые понятия:

междисциплинарный синтез,
ультрадисциплинарный синтез,
кроссдисциплинарный синтез,
мультидисциплинарный синтез,
трансдисциплинарный синтез,
социально-гуманитарные науки.

Введение

Междисциплинарное взаимодействие в сфере социально-гуманитарных наук играет все более значительную роль в приращении нового социально-гуманитарного знания. Во второй половине XX в. настоящий когнитивный прорыв был совершен в целом ряде пограничных (трансдисциплинарных) дисциплин, таких как экономическая и политическая социология, культурная антропология, социальная культурология, экономическая и политическая психология, экономика права и некоторых других. Работать на стыке двух, а то и трех и более социально-гуманитарных наук ныне не только престижно, но и максимально эффективно, т. е. такая работа позволяет за минимальное время получить максимальный научный результат¹.

На этот факт в свое время обращал еще М. Хайдеггер: «Разграничение предметных областей, их оформление в границах специальных отраслей [не только] не отрывает науки друг от друга, а впервые создает на их границах то взаимодействие, благодаря которому вырисовываются смежные области. Последним присуща собственная динамика, выдвигающая новые, нередко решающие комплексы проблем» [12, с. 246].

Но само теоретическое осмысление проблемы междисциплинарного синтеза в связи с социально-гуманитарными науками невозможно без осмысления и анализа самих концептов, вытекающих и тесно увязанных с концептом «междисциплинарное исследование», тем более что в последние десятилетия им свойственно размножаться, ни к слову сказано, саранчоподобным способом. Помимо собственно базисных терминов – «междисциплинарный синтез» и «полидисциплинарный синтез», появились термины «мультидисциплинарный синтез», «трансдисциплинарный синтез», «кроссдисциплинарный синтез», «ультрадисциплинарный синтез» и еще некоторые другие. Возникает естественный вопрос: как эти виды синтеза связаны с двумя вышеупомянутыми концептами? Не повторяют ли то, что содержится в понятиях «междисциплинарный» и «полидисциплинарный»? И если они отображают какой-то

¹ «Эффективность научного результата прямо пропорциональна максимальному приращению нового научного знания и обратно пропорциональна временным и иным затратам на это приращение» [5, с. 40].

особый, до того невиданный и неслыханный, вектор междисциплинарного синтеза для социально-гуманитарных наук, то тогда в чем же он заключается?

Анализ основных видов междисциплинарного синтеза

Сразу хотелось бы сформулировать ряд важных положений, которые являются центральной осью этой статьи.

- Междисциплинарный синтез является результатом (продуктом) междисциплинарного взаимодействия, хотя далеко не во всех случаях междисциплинарное взаимодействие завершается междисциплинарным синтезом; например, в некоторых случаях междисциплинарное взаимодействие может заканчиваться так называемым «междисциплинарным исключением», это тот самый случай, когда одна социально-гуманитарная наука «вытесняет», «исключает» другую социально-гуманитарную науку с данного направления исследований¹.
- Полидисциплинарный, мультидисциплинарный, трансдисциплинарный и кроссдисциплинарный (и т. п.) синтез являются частными случаями междисциплинарного синтеза.
- Междисциплинарный синтез проходит либо в форме «непаритетного взаимодействия», либо в форме «равноправного сотрудничества».
- «Непаритетное взаимодействие» для каждой конкретной науки может принимать формулу либо «методологического империализма», либо «методологической вассальности»².

Например, в качестве примера можно указать на три способа взаимодействия

¹ Примером такого «вытеснения» может быть, к примеру, вытеснение психологии с исследовательского поля экономики и социологии на рубеже XIX–XX вв. или вытеснение политологии с исследовательского поля экономической науки в XX в. (что, в частности, отразилось в замене названия: с «политической экономии» на «экономикс») [5, с. 32–33].

² Подобное разделение, когда одна какая-либо наука осуществляет «агрессию» («империализм»), а другая играет роль «методологической жертвы» («вассальность»), но в другой терминологии, можно найти и у Р. Г. Браславского: «Введем понятия «целесообразная дисциплина (инициатор междисциплинарного взаимодействия) и «ресурсная дисциплина (материал междисциплинарного взаимодействия), а также их основное отношение «междисциплинарный обмен» (перенос смыслов из одной дисциплины в другую)» [1, с. 22].

между экономической наукой и социологией. Если обе эти науки в равной степени оказывают полезное воздействие на решение какой-либо исследовательской проблемы, то мы имеем здесь случай «равноправного сотрудничества». Второй вариант – социология заимствует методы экономической науки для анализа какой-либо проблемы, это уже – «непаритетное взаимодействие»: для социологии – «социологическая вассальность», для экономики – «экономический империализм». Третий способ: экономическая наука использует социологические методы исследования; это также «непаритетное взаимодействие»: но для социологии – «социологический империализм», а для экономики – «экономическая вассальность».

Итак, взаимодействие между собой различных социально-гуманитарных наук вовсе не представляет собой картину полного хаоса – на самом деле, в нем можно установить свои правила и определить свои закономерности. Но как же вписать в различные варианты полидисциплинарного и междисциплинарного синтеза такие понятия, как трансдисциплинарный синтез, кроссдисциплинарный синтез, мультидисциплинарный синтез и ультрадисциплинарный синтез?

Определим сначала два ключевых концепта.

Междисциплинарный синтез в социально-гуманитарных науках – соединение, слияние различных типов дисциплинарного знания, главной целью которого является достижение эффективного научного результата. В значительной части реальных случаев имеет место взаимодействие двух социально-гуманитарных наук между собой; но, когда между собой взаимодействуют три и более социально-гуманитарные науки, такой случай следует обозначать как «полидисциплинарный синтез».

Первый синтез, который мы рассмотрим – «ультрадисциплинарный синтез».

«Ультрадисциплинарными», по мнению Ю. М. Резника, следует считать те исследования, что «ориентированы на выход из предметной области своей науки, но при этом остаются монодисциплинарными» [8, с. 39].

Попробуем пояснить этот пункт. Латинский термин *ультра-* означает «далее, более, сверх», и в данном случае наиболее близок русскому понятию «сверх-дисциплинарный, выходящий за пределы своей

дисциплины». По сути, под случай «ультрадисциплинарного синтеза» попадает любой случай «социального империализма», когда какая-либо социально-гуманитарная дисциплина навязывает свою методологию другой дисциплине. Заметим, практически во всех случаях навязывание подобной методологии есть не только навязывание методологии, но и отчасти навязывание своей предметности. «Экономический империализм», который идет от экономики в направлении социологии или политологии, навязывает последним не только *экономическую методологию*, но и пытается хотя бы частичным способом продемонстрировать факт, что это предметное поле социологии и политологии есть и поле экономической науки. Оговорка Ю. М. Резника: «...при этом остающиеся монодисциплинарными», – абсолютно ничего не значит, так как само предметное поле науки, проявляющей подобную «методологическую агрессию», остается неизменным и до, и после этой «агрессии». Вот почему так называемый «ультрадисциплинарный синтез» – это обычный междисциплинарный синтез в варианте «методологического империализма».

Следующей задачей для нашего исследования станет концепт «мультидисциплинарный синтез». Это задача из более трудных. Напомним, термин *мульти-* происходит от латинского *multum* – «много» и как префикс означает «множественность, многократность чего-либо».

Р. Г. Браславский определяет «мультидисциплинарность» следующим образом: «Мультидисциплинарность ситуации представляет собой, когда один и тот же объект (феномен, проблема) исследуется совместно (в рамках одного научного предприятия, исследовательского проекта) или независимо друг от друга представителями разных дисциплин. <...> В результате происходит “совмещение сегментов дисциплин”, “смещение фрагментов наук”» [1, с. 37–39].

Междисциплинарный синтез по типу «мультидисциплинарности» во многих случаях затруднен и осложняется *мультипарадигмальностью*: «Такая черта социальной науки, как “мультипарадигмальность”, предполагает не просто существование различных взаимодействующих [друг друга], но и принципиальную нестыковку в языках теоретических описаний, что существенно затрудняет внутринаучную и

междисциплинарную коммуникацию, которая является одним из условий развития научного знания» [3, с. 12].

Вероятно, следует предположить, что главным при таком подходе к концепту «мультидисциплинарность» является слово «независимо»: *какая-то проблема исследуется представителями различных социально-гуманитарных дисциплин, но при этом они не вступают во взаимодействие друг с другом, т. е. действуют независимо друг от друга!*

Возьмем, например, проблему «социального» в современных социально-гуманитарных науках. На эту проблему могут нацеливаться социальные философы, социологи, культурологи (особенно постструктуралисты и постмодернисты) и т. п., но, если, как утверждает Р. Г. Браславский, это *мультидисциплинарный синтез*, каждый ученый входит в проблематику «социального» с фронта своей дисциплины, и получает свое особенное, специфичное, дисциплинарное знание, не синтезируя его со знанием другой дисциплины.

Непонятно только, где тут вообще тогда междисциплинарный синтез? *Междисциплинарное взаимодействие* – да, но где же здесь синтез? Ведь общего, универсального знания исследователи не получают! Каждый копает, фигурально выражаясь, свою траншею, и сойдутся ли где-нибудь эти траншеи в общей точке, неизвестно. Границы дисциплин сохраняют, парадигмы работают каждая сам по себе, узкодисциплинарное, узкопарадигмальное знание увеличивается¹, а вот знание общее, универсальное?.. Правда, увеличение знания по частным направлениям без конечного результата также можно считать чем-то вроде «междисциплинарного синтеза», но все же, все же, все же...

Пример, который приводит далее Р. Г. Браславский, на наш взгляд, скорее попадает под случай «кроссдисциплинарного синтеза» – это случай создания так называемых *страноведческих* дисциплин:

«Результатом [мультидисциплинарного] взаимодействия дисциплин являются междисциплинарные системы знания, такие как страноведение, науковедение,

¹ «В рамках мультидисциплинарных систем сохраняется четкость междисциплинарных границ, и такая четкость, предполагающая различие предметов, методов и результатов взаимодействующих дисциплин, даже является условием успеха» [1, с. 21].

политология. Их отличает объединение дисциплин для создания новой онтологии и методов работы с ее объектами. Данные системы знания характеризуются меньшей четкостью дисциплинарных границ. География, социология, экономика, гражданская история, языкознание, история культуры, политическая наука дополняют друг друга, к примеру, в рамках страноведения или исследования международных отношений» [1, с. 20–21].

Позволим себе не согласиться с такой точкой зрения и продолжим утверждать с ледующее: «мультидисциплинарный синтез» по схеме, описанной выше, представляет собой лишь междисциплинарное взаимодействие, но не междисциплинарный синтез. Ученые исследуют проблему каждый в рамках своей дисциплины, не конструируя общего универсального знания. Синтез здесь только идеальная априорно заданная цель, к которой стремятся все ученые, но которой никогда не достигают, ибо достигнуть ее можно, только выйдя за рамки своей дисциплины или хотя за рамки своей парадигмы.

Теперь о «кроссдисциплинарном синтезе». Префикс «кросс-» отсылается нас к английскому слову *cross* – «скрещиваться, пересекаться». Потому следует предполагать, что в случае кроссдисциплинарного синтеза дисциплины как бы обмениваются своими фрагментами, частями дисциплинарных матриц, что приводит к созданию новых дисциплин и направлений междисциплинарного характера. Один пример (*страноведческие* дисциплины) мы уже приводили выше; вероятно, под эту версию синтеза также подходит случай взаимодействия географии и социологии, зафиксированный Э. Гидденсом:

«Подражая постоянному движению идей, “новая география”, по существу, поддалась критике эмпиризма, обладавшего весьма сильным влиянием на всем протяжении развития современной социальной и политической мысли. В результате в наши дни работы географов привносят в социологию столько, сколько социологи могут отдать взамен. Ибо социальная география содержит множество тех же понятий и вовлечена в те же методологические споры, что и социология» [2, с. 487].

Последний важный концепт для нашего исследования – «трансдисциплинарный синтез» – самый, пожалуй, модный концепт в современных российских социально-

гуманитарных науках. Кто только и что только не пишет о *трансдисциплинарном синтезе* в современных науках (включая социально-гуманитарные)! И если (не дай Бог!) вы об этом *не пишете*, то, судя по мнению *тех*, кто все же *пишет*, отстае минимум на эпоху от современных тенденций научной методологии (например, *находитесь в современности*, когда надо *перешагнуть в постсовременность*!).

Согласимся с этим тезисом, но лишь отчасти, и будем утверждать: *трансдисциплинарный синтез* представляет, по нашему мнению, нечто более сложное, чем ультрадисциплинарный, мультидисциплинарный и кроссдисциплинарный синтез, хотя делать из этого пункта некий стратегический прорыв в современном социально-гуманитарном знании также, на наш взгляд, не следует. В целом, идея трансдисциплинарного синтеза во многом повторяет все то, что уже было нам известно в отношении других типов синтеза, только делает это как бы *на новом качественном уровне*, или, выражаясь образно, *новом витке спирали*.

Главный пункт «трансдисциплинарности» – это ломка, взламывание, трансформация, деконструкция, преобразование самых базисных, основополагающих фрагментов *дисциплинарных матриц* каждой из социально-гуманитарных наук, когда появляется некий до того запретный, маргинальный дискурс относительно возможных путей междисциплинарного синтеза; происходит как бы «распредмечивание» предмета самой научной дисциплины, меняются старые оппозиции внутри и вне дисциплины и появляются новые:

«Существенно, что в междисциплинарных социальных исследованиях при ведущей позиции социальных наук (например, социологии) имеет место не только синтез и конфигурирование представлений из разных дисциплин, но и распредемечивание (деконструкция) социальных понятий и реальности. Можно сказать и по-другому: старые оппозиции и типологии наук перестают работать, складываются новые: кардинально меняется понятие социального, оно включает в себя, как органические моменты, представления из многих других научных дисциплин. Например, социолог теперь не может помыслить общество, не обращаясь к культурологии и теории коммуникации» [9, с. 46].

¹ Укажем, к примеру, на коллективную монографию [11].

То же самое отмечает и Р. Г. Браславский: «В трансдисциплинарных системах знания выдвигаются претензии на абсолютную универсальность онтологии и методов, утративших дисциплинарную определенность. Таковы теория систем, теория самоорганизации, теория информации, теория катастроф, которые отличает принципиальное игнорирование дисциплинарных границ. <...> Трансдисциплинарные стратегии анализа направлены на критику и переосмысление концептуальных и методологических оснований отдельных дисциплин и приводят к трансформации фундаментальных “доменных” (т. е. относящихся к изучаемому фрагменту действительности) предпосылок социальных наук. Трансдисциплинарность предполагает не только пересечение дисциплинарных границ между отдельными науками, но и выход за пределы дискурсивной формации социальных наук в целом, обращение к проблематикам и тематикам, вытеснявшихся или маргинализовавшихся в процессе институализации социальных наук как “трансцендентальные” по отношению к “научному” дискурсу» [1, с. 21, 40–42].

Вероятно, тот же самый трансдисциплинарный характер имеет и современная теория игр, что отмечено Нобелевским лауреатом по экономике Р. Ауманном: у него есть попытка представить ее в виде «цветка», где сама «теория игр» есть «тычинка цветка», а «лепестки цветка» – это применение теории игр в самых различных науках: статистике, биологии, праве, политологии, математике, экономике, психологии и т. п. [6, с. 432].

В. М. Розин ставит вопрос о пяти основных стратегиях трансдисциплинарности: *системно-синергетической, феноменологической, постструктуралистской, коммуникационной и методологической* [8]. Выскажем предположение, что так называемую «феноменологическую» стратегию «прорыва в трансдисциплинарность» выражает идея, высказанная Г. Гутнером:

«Идея науки при этом [рождении «трансдисциплинарности»] теряет определенность. Теряются не только границы между дисциплинами, но и границы между наукой и другими типами деятельности. <...> Научность определяется суждением сообщества, которое исходит из самых разных мотиваций. <...> Трансдисциплинарность следует понимать как

трансцендирование научной дисциплины при осуществлении проектов. Выход за собственные пределы сопряжен со встречей с *другим*. В этой встрече и рождается новая предметность, которую можно охарактеризовать как трансдисциплинарную» [11, с. 264–265].

Такой подход, правда, вызывает и некоторые вопросы. Ведь изначально сама идея «трансдисциплинарности» как одной из версий междисциплинарного синтеза подразумевала не что иное, как синтез разных *наук* (*научных дисциплин*). Но у Гутнера и некоторых других исследователей (например, Л. П. Киященко) речь идет уже не синтезе между науками, а о *синтезе науки и «жизненного мира»* («здорового смысла» и т. п.). Нет ли некоего тут смещения, трансформации и самого понятия «междисциплинарный синтез»? Может быть, все же следует поискать какой-то иной концепт для обозначения данной ситуации?..

В свете всех рассмотренных нами типов междисциплинарности следует заострить вопрос о «новой междисциплинарности», поставленной Марковичем и Шинном. Авторы выделяют шесть основных элементов, которые инкорпорирует в себя «новая междисциплинарность»:

- 1) устойчивая *референтность* (referent) сообщества, применяющих «*ново-междисциплинарный*» тип исследования, наличие общего языка и общего универсума проблем у данного сообщества;
- 2) «новая междисциплинарная» область ведет к росту «плотности» знания, увеличению его «сложности», «разнообразия»;
- 3) в случае «новой междисциплинарности» происходит *комбинирование* фрагментов знания внутри границ самого знания, пересечение этих границ в рамках самих дисциплин;
- 4) «новая междисциплинарность» во многих случаях инициируется посредством реализации *совместных проектов*;
- 5) в случае «новой междисциплинарности» происходит «смещение» и «перемещение» ученых между дисциплинами, уход их от ядро «домашней дисциплины» на ее «периферию» и «границу»;
- 6) «новая междисциплинарность» удлиняет длительность самих междисциплинарных проектов, делает их более прочными и стабильными –

в противовес «краткосрочности» внутридисциплинарных исследований и проектов [13].

Заключение

Хотя существование социально-гуманитарного знания в виде «научной дисциплины» является весьма существенной характеристикой современного этапа развития социально-гуманитарной науки¹, тем не менее, не менее важными и стратегически значимыми являются в ней различные версии междисциплинарного и полидисциплинарного синтеза, которые также весьма эффективны в плане получения нового знания и информации в социально-гуманитарных науках. Ультрадисциплинарный, кроссдисциплинарный и трансдисциплинарный синтез как формы «новой междисциплинарности» позволяют социальным ученым и ученым-гуманитариям реализовывать до того недоступные формы «стратегического прорыва» к новому социально-гуманитарному знанию, новым рубежам социально-гуманитарной науки. Следовательно, и тщательная проработка концептуального аппарата этих новых видов междисциплинарного синтеза представляется нам насущно необходимой.

¹ «Дисциплина, т. е. принципиально коллективная форма научной деятельности, является условием ее существенной интенсификации на фоне систематического вовлечения в науку больших масс населения, их обучения и социализации. Это есть фабрика знания, где оно производится по определенным стандартам, проходит проверку, упаковывается и направляется потребителю. <...> В этом смысле дисциплина – необходимая форма социального бытия науки как сферы профессионального производства, распределения и потребления знания в наше время» [4, с. 19–20]; «Посмотрите на структуру университетов, состав редколлегий журналов, состав секций на научных конгрессах – бастионы дисциплин по-прежнему крепки. Науки сегодня имеют очень устойчивое дисциплинарное ядро, прежде всего в когнитивном смысле – методологические ресурсы, язык и универсум вопросов. Кроме того, каждая дисциплина для своего представителя служит своего рода “верительной грамотой”, удостоверяя его принадлежность к определенной науке, его профессию, квалификацию и т. д.» [10, с. 147–148]

1. Браславский Р. Г. Трансформации методологического самоопределения социологии в контекстах дисциплинарного развития социальных наук // Вторые Давыдовские чтения. М. : Институт социологии, 2014. С. 19–41.

2. Гидденс Э. Устроение общества: очерки теории структуризации. М. : Академический проект, 2003. 526 с.

3. Дудина В. И. Сравнительная эпистемология социального знания / Компаративистика. СПб. : СПбГУ, 2001. С. 5–19.

4. Касавин И. Т. Междисциплинарные исследования в контексте рефлексии и габитуса // Междисциплинарность в науках и философии. М. : ИНФРА-М, 2010. С. 17–35.

5. Орехов А. М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. М. : ИНФРА-М, 2014. 172 с.

6. О чем думают экономисты: беседы с нобелевскими лауреатами. М. : Альпина Паблишер, 2016. 460 с.

7. Резник Ю. М. Феноменология и проект бытия человека: бытие возможного. М. : Канон+, 2017. 632 с.

8. Розин В. М. Обсуждение феномена трансдисциплинарности – событие новой научной революции // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 106–116.

9. Розин В. М. Природа социальности: Проблемы методологии и онтологии социальных наук. М. : УРСС. 2015. 352 с.

10. Савельева И. М. Междисциплинарные основания и дисциплинарная идентичность культурной истории // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 139–149.

11. Трансдисциплинарность в философии и науке. Подходы. Проблемы. Перспективы. М. : Навигатор, 2015. 564 с.

12. Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. 446 с.

13. Markovich A., Shinn T. Where is Disciplinary Going? Meeting on Borderland. Studies of Science and Technology // Social Science Information. 2011. Vol. 50. No. 3–4. P. 582–606.

References

1. Braslavskij R.G. (2014) Transformatsii metodologicheskogo samoopredelenija sotsiologii v kontekstakh distsiplinarnogo razvitija sotsial'nykh nauk // Vtorye Davydovskije techenija. Moscow, Institut sotsiologii, pp. 19–41 [in Rus].

2. Giddens A. (2003) Ustroenie obschestva: Oчерki Teorii struktuiatsii. Moscow, Akademicheskij proekt, 526 p. [in Rus].

3. Dudina V.I. (2001) Sravnitel'naja epistemologija sotsial'nogo znanija // Kompativistika. St. Petersburg, SPbGU, pp. 5–19 [in Rus].

4. Kasavin I.T. (2010) Mezhdistsiplinarnye issledovanija v kontexte reflexii i gabitusa // Mezhdistsiplinasrnost' v naukah i filosofii. Moscow, INFRA-M, pp. 17–35 [in Rus].

5. Orekhov A.M. (2014) *Sotsial'nye nauki kak predmet filosofskogo i sotsiologicheskogo diskursa*. Moscow, INFRA-M, 172 p. [in Rus].

6. O chem dumajut ekonomisty: besedy s Nobelevskimi laureatami (2016). Moscow, Al'pina Publisher, 460 p. [in Rus].

7. Reznik Yu.M. (2017) *Fenomenologija i proekt bytija cheloveka: bytie vozmozhnogo*. Moscow, Kanon+, 632 p. [in Rus].

8. Rozin V.M (2016) *Voprosy fiplosofii*, no. 5, pp. 106–116 [in Rus].

9. Rozin V.M (2015) *Priroda sotsial'nosti: Problemy metodologii i ontologii sotsial'nykh naul*. Moscow, URSS, 352 p. [in Rus].

10. Savel'eva I.M. (2014) *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 139–149 [in Rus].

11. *Transdidiplinarnost' v filosofii i nauk: Podkhody. Problemy. Perspektivy* (2015). Moscow, Navigator, 564 p. [in Rus].

12. Heidegger M. (1993) *Vremja i bytie*. Moscow, Respublika, 446 p. [in Rus].

13. Markovich A., Shinn T. (2011) *Social Science Information*, vol. 50, no. 3-4, pp. 582–606 [in Eng].

For citing: Orekhov A.M. Interdisciplinary synthesis and social-humanitarian sciences: on the question of clearing some concepts and vectors of research // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 91–97.

UDC 140.8

INTERDISCIPLINARY SYNTHESIS AND SOCIAL-HUMANITARIAN SCIENCES: ON THE QUESTION OF CLEARING SOME CONCEPTS AND VECTORS OF RESEARCH

Andrey M. Orekhov,

Peoples' Friendship University of Russia,
Associate Professor of the Department Chair
of Social Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
The Russian Federation, 117198,
Moscow, ulitsa Miklukho-Maklaya, 6.
E-mail: orekhovandrey@yandex.ru

Annotation

The paper is devoted to the problem of specification and analysis of concepts expressing different versions of interdisciplinary synthesis in the sphere of social-humanitarian knowledge. Interdisciplinary synthesis is the result of interdisciplinary interaction although not in all cases interdisciplinary interaction is completed with interdisciplinary synthesis. There are different versions of such synthesis: ultra-disciplinary synthesis, cross-disciplinary synthesis, multidisciplinary synthesis, transdisciplinary synthesis. Modern social scientists set the most hopes on transdisciplinary synthesis as the possibility of combination and deconstruction of different fragments of social-humanitarian knowledge.

Key concepts:

interdisciplinary synthesis,
ultra-disciplinary synthesis,
cross-disciplinary synthesis,
multidisciplinary synthesis,
transdisciplinary synthesis,
social-humanitarian sciences.

Для цитирования: Аверенкова Н. В.,
Пашинцев Е. В.
Гуманитарная предметность
и проблема методологического синтеза //
Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 98–103.

УДК 101.3

ГУМАНИТАРНАЯ ПРЕДМЕТНОСТЬ И ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

Аверенкова Наталья Вячеславовна,
Челябинский институт путей сообщения –
филиал Уральского государственного
университета путей сообщения,
кандидат исторических наук, доцент.
Российская Федерация, 454091,
г. Челябинск, ул. Цвиллинга, д. 56.
E-mail: natali-va@yandex.ru

Пашинцев Евгений Васильевич,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
кафедра философии и культурологии,
доктор философских наук, доцент.
Российская Федерация, 454080,
г. Челябинск, пр. Ленина, 69.
E-mail: izobretatel49@mail.ru

Аннотация

В статье предпринята попытка очертить социокультурные границы гуманитарной предметности. Для решения данного вопроса уже недостаточно категориальных средств естественнонаучного и исторического материализма. Конструктивное развитие социально-философской мысли требует выхода на уровень гуманитарного материализма. Анализ поставленной проблемы позволяет выделить три основных методологических подхода, связанных с признанием или непризнанием онтологического статуса духовной реальности.

Ключевые понятия:
социум,
детерминизм,
онтология,
гносеология,
аксиология,
отражение.

В истории философии, которая в своих глубинных основаниях есть не что иное, как история человеческого Духа, разработка сложнейших культурно-исторических комплексов осуществлялась, как правило, средствами идеалистической методологии. Иначе не могло и быть, учитывая реальное господство технологических и производственно-экономических форм детерминации, исключающих непосредственное влияние сознания на социальную действительность. Однако с возникновением эпохи «социогенных» цивилизаций, когда развитие социальных институтов становится уже невозможным без учета закономерностей развития культуры, коренным образом меняется традиционное противостояние материализма и идеализма. Появляется необходимость фиксировать средствами социологической науки реальное историческое содержание и перспективы развития самых сложных культурных феноменов, в том числе и феномена культуры в целом. На место спекулятивной философии истории приходит более заземленная форма культурно-исторической рефлексии под названием «социальная философия». Ее плодотворное развитие уже невозможно без понимания закономерностей развития культурно-исторического процесса в целом.

Вот здесь и возникает главная социально-философская проблема: возможно ли применение общенаучного принципа детерминизма к более утонченной природе культурных феноменов? По сути дела, речь идет о выяснении четких гносеологических контуров гуманитарного способа познания. Хотя представители идеалистического понимания истории, как правило, игнорируют специфику социологического знания, нарушая преемственность между естествознанием и будущей гуманитарной наукой, тем не менее их описание «наук о культуре» дает немалую пищу для размышлений. Приведем только несколько, но весьма характерных примеров. Анализируя дискуссионный вопрос о соотношении науки и сферы культурных ценностей, Г. Риккерт считал необходимым категорически подчеркнуть: «Понятие культурной ценности как руководящей точки зрения при выборе существенного отнюдь не угрожает объективности исторического специального исследования» [12, с. 98]. Размышляя о необходимости целостной теоретической картины всех духовных явлений, Э. Касси-

пер высказал следующую мысль: «Если не удастся обнаружить общего закона, в силу которого одна форма духа с необходимостью вытекает из другой, пока, наконец, весь ряд форм духа не окажется подвластен этому принципу, совокупность этих форм, как нам кажется, не может более мыслиться как замкнутый в себе космос» [5, с. 175]. В еще более категорической форме о методологическом несовершенстве гуманитарного знания высказался Э. Гуссерль. Он писал: «Ученые-гуманитарии даже не удосужились хотя бы поставить проблему универсальной и чистой науки о духе и построить теорию сущности духа как такового» [4, с. 300]. Наконец, К. Юнгу принадлежит весьма нетривиальная мысль о практической значимости гуманитарного знания. Связывая неразрывно проблему человека с проблемой становления зрелой гуманитарной науки, швейцарский философ писал: «Когда, наконец, придет время и человека не просто будут варварски принимать как данность, но всерьез начнут искать средства и пути экзорцировать его, вырвать его из состояния одержимости и бессознательности и превратить это в важнейшую задачу культуры?» [15, с. 371]. Как видим, в рамках культурологической философской традиции проблема становления и теоретического отражения зрелой духовной реальности стоит достаточно остро. Попробуем включить эту гуманитарную проблематику в более широкий социологический контекст.

Концептуальный смысл построения технологического, институционального и идеологического циклов в развитии мировой цивилизации [13, с. 209–359] сводится к общекультурному представлению о том, что реальный исторический процесс движется к всеобъемлющему царству зрелого человеческого Духа. Это классическая европейская традиция, современное отношение к которой высказал со всей определенностью Э. Кассирер: «Можно согласиться с кантовской и гегелевской концепциями культуры как поступательного развития в осознании свободы; ибо свобода сознания полагается и осуществляется в каждом движении мысли, воли или чувства, ведущем из пассивного состояния к определенным формам деятельности» [5, с. 154]. Единственным и существенным недостатком идеалистического понимания истории является, как это ни парадоксально, отсутствие до конца про-

веденного принципа историзма. Ведь сама реальность духовного прогресса в человеческой истории предполагает постановку проблемы зрелого и «незрелого» человеческого Духа, а гносеологически корректное решение указанной проблемы делает очевидным методологическую правомерность философского материализма. Логика методологического выбора в данном случае до чрезвычайности проста: коль скоро речь идет о ступенях развития незрелого исторического Духа, то действительными основаниями данного процесса могут быть только чувственно-предметные и институционально-идеологические факторы человеческой истории. Остается уточнить: процедура материалистического «переворачивания» современной культурологической проблематики может быть успешной только при условии сознательного «до-страивания» методологии исторического материализма до уровня так называемой «социологии мышления». Пришедший на смену естественнонаучному материализму исторический материализм сам в свою очередь должен уступить место гуманитарному материализму, чтобы профессиональная философская мысль могла заложить категориальную основу зрелого гуманитарного познания.

Используя эвристический потенциал категорий исторического и логического, проблему соотношения Социума и Духа можно конкретизировать с помощью социокультурной динамики трех методологических подходов. Первый подход, назовем его «онтологическим», сводится к следующему утверждению: никакой самостоятельной логики развития у человеческого Духа нет и быть не может, по крайней мере, до определенной социокультурной исторической границы. К этой точке зрения можно причислить философские умонастроения раннего марксизма. Например, в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, характеризуя бытие культурных форм, отзывались об этих идеальных формах следующим образом: «У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления» [8, с. 25]. Идея отрицания духовного прогресса парадоксальным образом воспроизводится также в неокантианстве. Отстаивая вечный,

внеисторический характер культурных ценностей, В. Видельбанд писал: «Эта включенность нашей сознательной культурной жизни в разумную связь, выходящую далеко за пределы нашего эмпирического существования и нас самих, составляет непостижимую тайну всякой духовной деятельности» [1, с. 68]. Второй подход, который можно было бы назвать «гносеологическим», сводится к следующему утверждению: на всех этапах человеческой истории существует объективная корреляция между развитием общественного бытия и уровнем развития человеческой культуры. Иными словами, неизбежный шаг вперед по пути технического или социального прогресса оказывается невозможным без определенной «критической массы» духовного прогресса. К этой точке зрения можно с полным правом отнести методологические установки зрелого марксизма. Например, в экономических рукописях 1857–1859 гг. Маркс писал: «Если рассматривать вопрос идеально, то разложения определенной формы сознания было бы достаточно, чтобы убить целую эпоху» [9, с. 33]. Сюда же можно отнести важнейшую методологическую установку, свойственную современной историко-философской рефлексии, а именно: «В некотором смысле действительность не только воспринимается разумом, но и конструируется им, причем этих конструкций может быть сколько угодно много» [14, с. 336]. Наконец, третий методологический подход, который условно можно было бы назвать «аксиологическим», представляет собой полнейшую идеализацию исторического процесса и сводится к представлению о том, что всякая онтология есть не что иное как инобытие исторического Духа. С этой точки зрения «любая история – это также и по существу история духовного бытия. Народы, государства, человечество сами по себе не есть дух. Однако без наличия в них духа все, что с ними происходит, не было бы историей» [2, с. 646]. В той или иной степени каждый из представленных подходов имеет полное право на существование. Следовательно, главная теоретическая трудность заключается в отыскании такой формы синтеза, которая бы обеспечила историческую «правоту» и логическую непротиворечивость каждого из трех методологических подходов.

Решение проблемы, как нам кажется, состоит в последовательном применении

социологически выверенного принципа историзма. Зададим себе следующий вопрос: в чем состоит историческая правота раннего марксизма? Ответ совершенно очевиден: в условиях господства технической цивилизации, где движущими факторами истории являются технические и институциональные закономерности, культурно-исторический детерминизм не в состоянии существенно влиять на исторический процесс. Теоретическим закреплением этой «бездуховной» логики истории явилась знаменитая формула Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [7, с. 7]. Разумеется, феноменология культуры в имплицитном виде присутствует в составе любого цивилизационного образования. Но если действительные носители культуры – человеческие индивиды – движутся, в конечном счете, по законам экономической и политической реальности, то при целостном описании исторического процесса онтологическим влиянием духовных закономерностей можно пренебречь. В самом деле: ведь не богословские проблемы лежали в основе западноевропейских религиозных войн эпохи позднего средневековья. На первый взгляд, исключением из этого правила должна была стать первая буржуазная формация, раскрепостившая институт частной собственности и обеспечившая доминирующую роль цивилизации по отношению к материально-техническому фактору. Но цивилизация, рассматриваемая как совокупность институциональных форм общения, – это отнюдь не сфера пребывания царства человеческого Духа. Если мы вспомним, какой сокрушительный удар нанесла первая мировая война по европейским «общечеловеческим ценностям», то поймем, что духовное и историческое пространство в условиях институционального (т. е. инструментального) единства общества отнюдь не совпадают. Тем не менее, даже в рамках человеческой предыстории сфера духовной реальности не может оставаться абсолютно «бесхозной». Своеобразным подтверждением данного социокультурного вывода может служить утверждение Р. Кронера о том, что «внутри самой культуры должно быть место, особая область, в которой сознание совершает объединение всех областей в их самости: эта особая область есть философия культуры» [6,

с. 257]. Вывод напрашивается сам собой: философия культуры восполняет то, чего нет в самой действительности. Как справедливо заметил в свое время М. К. Мамардашвили, «классическое философское мышление – это по преимуществу мышление за другого» [10, с. 58]. Понятно, что в рамках зрелой гуманистической реальности необходима в профессиональных кадрах, устанавливающих духовное единство мира, исчезнет сама собой.

Рассмотрим, в чем состоит историческая правота аксиологической методологии. Теоретическая и нравственная истина «аксиологического» подхода заключается в том, что данная методологическая установка обеспечивает теоретическому мышлению тот «метафизический» ориентир, который невозможно вывести непосредственно из недр социологического рационализма. Следует отметить, что в рамках этой гуманистической проекции исторический идеализм в известной степени смыкается с футурологической тенденцией, вырастающей на базе исторического материализма. Еще в 1930-х гг. грузинский философ К. Р. Мегрелидзе, прогнозируя более зрелые этапы «реального социализма», писал: «На этой ступени развития единая сознательная воля свободных граждан социалистического общества и научно доказанные решения определяют направление всего исторического процесса, т. е. общественное сознание определяет бытие, а не наоборот» [11, с. 430]. Но «аксиологический» подход станет актуальным только за пределами институционального единства человеческого общества, поскольку никакая инструментальная оболочка общественных отношений неспособна обеспечить действительную свободу человеческого духа. Поэтому адекватным инструментом при исследовании закономерностей становления зрелого исторического Духа может быть только «гносеологический» подход, лежащий в основе социокультурного детерминизма. Но здесь мы сталкиваемся с новой и более общей методологической проблемой – необходимостью перехода философского мышления от концепции материалистического и идеалистического «отражения» мышлением бытия (и наоборот) к концепции гносеологического «взаимодействия» того и другого. В условиях научно-технической революции трудно не заметить тот очевидный факт, в соответствии с которым информационные про-

цессы все отчетливее обнаруживают свой онтологический культурный статус.

Завершая рассмотрение вопроса о природе гуманитарной предметности, попробуем дать самый беглый очерк того, каким образом представленная выше схема вписывается в феноменологию реального культурно-исторического Духа. Речь пойдет об основных этапах духовного освоения обществом социальной, а затем и собственно духовной реальности. Из соображений чисто методических начнем с процесса духовного освоения социальной реальности. Здесь можно выделить три основных этапа. Первый этап – это рационалистическое освоение природы социальной реальности. Сюда в первую очередь можно отнести политические концепции Платона и Аристотеля. Второй этап – это этическое освоение царства социума. Здесь в качестве ключевой фигуры выступает итальянский мыслитель Н. Макиавелли. Его учение о государстве и природе власти только на первый взгляд может показаться апофеозом политического имморализма. На самом деле перед нами добросовестная попытка осознать технологию власти и моральные принципы властного мышления. Третий этап – это эстетическое освоение социальной реальности. Здесь, безусловно, ключевой фигурой выступает Ф. Ницше с его сокрушительной критикой христианской морали и эстетизацией «воли к власти». Мощная струя духовного аристократизма в учении Ницше – доказательство того, что эстетизация социальной реальности есть канун перехода общественной мысли в новое, подлинно духовное пространство истории.

Следующая феноменологическая ступень в развитии «мирового Духа» – это духовное освоение собственно духовной реальности. Напомним необычайно проницательную мысль К. Юнга, высказанную по данному поводу: «Человек завоевывает не только природу, но и дух, не ведая, что творит» [15, с. 370]. Понятно, что с этой точки зрения грандиозная система Гегеля, где Дух обретает себя, проходя через множество предметных оболочек, уже не кажется порождением чисто спекулятивного ума. За диалектико-логической формой гегелевских конструкций начинает просвечивать их более глубокое гносеологическое содержание. Итак, в процессе постижения человеческим духом своей собственной природы можно выделить

три основных этапа. Первый этап – это рационалистическое освоение духовной реальности, или, что то же самое, духовное освоение рационализма. Ключевой фигурой здесь, опять же, является представитель наивысшего расцвета немецкой классики, автор концепции панлогизма – Г. Гегель. В «Философии духа» он так описывает фундаментальную логическую природу Духа: «Через снятие своего инобытия логическая идея, или в-себе-сущий дух, и становится как раз тем, чем дух является для себя, т. е. дух открывается самому себе» [3, с. 27]. Здесь необходимо хронологическое уточнение: подобно тому как христианская культура начинает формироваться в недрах античного мировоззрения, подобно этому рациональное освоение духовности начинается в рамках завершающего этапа духовного освоения социума. Иначе трудно было бы понять истоки духовного аристократизма Ницше. Второй этап феноменологии человеческого духа – это этическое освоение духовной реальности или наоборот: духовное постижение царства зрелой морали. Сюда можно отнести всю философию экзистенциализма с ее трагически обостренным ощущением «заброшенности» человеческого духа в царстве социума, а также глубокий нравственный пафос классической русской философии – там, где она выходит на уровень абстрактного синтеза религиозной и рационалистической идеологии.

Что касается эстетического освоения духовной реальности, то проводимая здесь логика духовного прогресса заставляет сделать вывод, что данный тип рефлексии пока еще невозможен, поскольку исторически отсутствует его культурная онтологическая основа. Ибо теоретическая проекция зрелой духовной реальности и сам феномен абсолютной, т. е. эстетической, свободы Духа – это две большие исторические разницы.

1. Виндельбанд В. Философия культуры и трансцендентальный идеализм // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. 703 с.

2. Гартман Н. Проблема духовного бытия // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. 703 с.

3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа. М. : Мысль, 1977. 471 с.

4. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. 703 с.

5. Кассирер Э. Лекции по философии и культуре // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. 703 с.

6. Кронер Р. Самоосуществление духа // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. 703 с.

7. Маркс К. К критике политической экономии // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 13. М. : Политиздат, 1959. С. 1–167.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3. М. : Политиздат, 1955. С. 7–544.

9. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 46. Ч. 11. М. : Политиздат, 1969. С. 8–239.

10. Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М. : Наука, 1972. С. 28–94.

11. Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси : Мецниереба, 1973. 430 с.

12. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. 703 с.

13. Пашинцев Е. В. Периодизация всемирной истории: критика классического формационного учения. Екатеринбург, 2014. 671 с.

14. Тарнас Р. История западного мышления. М. : Крон-Пресс, 1995. 448 с.

15. Юнг К. К феноменологии духа в // Культурология. XX век : антология. М. : Юрист, 1995. 703 с.

References

1. Vindel'band V. (1995) *Filosofiya cultures and transcendental idea-lizm* // *Kul'turologiya*. 20 age: anthology. Moscow, Lawyer, 703 p. [in Rus].

2. Gartman N. (1995) *Problema spiritual bytiya* // *kul'turologiya*. 20 age: anthology. Moscow, Lawyer, 703 p. [in Rus].

3. Gegel' G. (1977) *Enciklopediya philosophical sciences*. T. 3. *Philosophy of spirit*. Moscow, Idea, 471 p. [in Rus].

4. Gusserl' E. (1995) *Krizis European humanity and philosophy of* // *Kul'turologiya*. 20 age: anthology. Moscow, Lawyer, 703 p. [in Rus].

5. Kassirer E. (1995) *Lekcii on philosophy and kul'ture* // *Kul'turologiya*. 20 age: anthology. Moscow, Lawyer, 703 p. [in Rus].

6. Kroner R. (1995) *Samoosuschestvlenie dukha* // *Kul'turologiya*. 20 age: anthology. Moscow, Lawyer, 703 p. [in Rus].

7. Marks K. (1959) *To criticism of political ekonomii* // K. Marks, F. Engels. *Soch*. T. 13. Moscow, Politizdat, pp. 1–167 [in Rus].

8. Marks K, Engels F. (1955) *Nemeckaya ideologiya* // K. Marks, F. Engels. *Soch*. T. 3. Moscow, Politizdat, pp. 7–544 [in Rus].

9. Marks K. (1969) *Ekonomicheskie manuscripts of 1857–1859 godov* // K. Marks, F. Engels. *Soch*. T. 46. Ch. 11. Moscow, Politizdat, pp. 8–239 [in Rus].

10. Mamardashvili M.K., Solov'ev E.Yu., Shvyrev V.S. (1972) The Classics and contemporaneity: two epoches in development of bourgeois filosofii // *Filosofiya in the modern world. Philosophy and science*. Moscow, Science, pp. 28–94 [in Rus].

11. Megrelidze K.R. (1973) The Basic problems of sociology of thought. Tbilisi, Mecniereba, 430 p. [in Rus].

12. Rikkert G. (1995) Nauki about nature and sciences about kul'ture // *Kul'turologiya*. 20 age: anthology. Moscow, Lawyer, 703 p. [in Rus].

13. Pashincev E.V. (2014) Division into periods of world history: criticism of classic structure studies. Ekaterinburg, 671 p. [in Rus].

14. Tarnas R. (1995) Istoriya western thought. Moscow, Kron-press, 448 p. [in Rus].

15. Yungas K. (1995) To fenomenologii of spirit in skazke // *Kul'turologiya*. 20 age: anthology. Moscow, Lawyer, 703 p. [in Rus].

For citing: Averenkova N.V., Pashintsev E.V. Humanitarian thingness and the problem of methodological synthesis // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 98–103.

UDC 101.3

HUMANITARIAN THINGNESS AND THE PROBLEM OF METHODOLOGICAL SYNTHESIS

Natalya V. Averenkova,

Chelyabinsk Institute of Railway Transport –
branch of Ural State University
of Railway Transport,
Cand.Sc. (History), Associate Professor,
The Russian Federation, 454091,
Chelyabinsk, ulitsa Ysvillinga, 56.
E-mail: natali-va@yandex.ru

Evgeny V. Pashintsev,

South Ural State
Humanitarian Pedagogical University,
the Department Chair of Philosophy
and Cultural Studies,
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
The Russian Federation, 454080,
Chelyabinsk, prospect Lenina, 69.
E-mail: izobretatel49@mail.ru

Annotation

The article presents an attempt to define the limits of humanitarian thingness. To solve the problem it is not sufficient to use categorical means of natural-science and historical materialism. Constructive development of social-philosophic thought requires the level of humanitarian materialism. Analyzing the problem makes it possible to point out three principal methodological approaches, connected with recognition and non-recognition of ontological status of spiritual reality.

Key concepts:

society,
determinism,
ontology,
gnosiology,
axiology,
reflection.

Для цитирования:

Чернов Л. С., Погорельская Е. Ю.
Лицо и следы научного эксперимента // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 104–111.

УДК 304.2

ЛИЦО И СЛЕДЫ НАУЧНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Чернов Леонид Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления, доцент кафедры философии и политологии, кандидат философских наук, доцент. Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66. E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Погорельская Елена Юрьевна,

Гуманитарный университет, факультет социальной психологии, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, кандидат философских наук. Российская Федерация, 620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19. E-mail: schreibigus@mail.ru

Аннотация

В работе проводится попытка редуцировать экспериментальную нововременную научную парадигму, сформированную на материале естествознания к мировоззренческим ценностям современной технической эпохи. Данная процедура помогает анализировать современные социокультурные процессы с позиции социального, идеологического и психологического экспериментирования.

Ключевые понятия:

научный метод, социальный эксперимент, экспериментальная ситуация, природа человека.

Введение

Описание и анализ эксперимента, как правило, происходят в границах естественно научной сферы. Именно здесь присутствуют правдоподобного рода классификации и достаточно чёткие критерии истинности условий и форм экспериментов. При этом мы не должны забывать, что за этими критериями и условиями находятся социально-культурные механизмы, философские и богословские допущения, позволяющие им работать и допускающие эксперимент как феномен науки. Научный эксперимент рождён в конкретное время в конкретных условиях; он был развит и доведён до современных филигранных технических критериев, продолжая распространять свои правила, «неся себя» в сферу и область социального. Однако применение экспериментальных методов в области социального обнаруживает такие черты, качества и последствия научного эксперимента, которые требуют в первую очередь его мировоззренческого анализа. Если сегодня мы говорим о «мире без границ» в разных смыслах и аспектах, то, возможно, в отношении экспериментального познания эти границы следует обозначить. Вопрос в том, какие основания будут у такого рода демаркации. Иллюзия эксперимента заключена в том, что эксперимент производится над нами, в то время как кажется, что мы сами производим его над собой. С одной стороны, эксперимент – насилие, пытка и недопустимое вторжение в природу человека. При этом мы спокойно соглашаемся с тем, что свободно можем делать с собой всё что угодно и в строгом смысле слова наши жизненные опыт и эксперименты экспериментами не являются. Однако в обоих случаях эксперимент как был насилием над предметом – объектом – природой, так им и остался, распространив свою юрисдикцию на социальное и гуманитарное. Мы не рассматриваем иллюзию онтологически, как недопустимую в классическую эпоху, как однозначное со времён Парменида и Гераклита заблуждение, ставшее обыденностью сейчас. Пусть это будет предметом другой работы. Ф. Ницше пишет в «Весёлой науке» о «доброй воле к иллюзии» [17, с. 580], которая должна помочь будущему человеку, человеку весёлому, задорному, радостному и выздоравливающему. Пока нам достаточно того, что иллюзорные реальности соседствуют сегодня друг с другом как товарищи-пациенты на приёме у врача. Обратимся к научному эксперименту в его новоевропейском классическом понимании

и постараемся увидеть его характеристики и проявления в современной социальной жизни как следствие обозначенной выше иллюзии.

Основная часть

Традиционно «эксперимент» рассматривается как научный метод, ставший базовым принципом в познании природы в эпоху Нового времени. Рождение эксперимента как нового пути в исследовании природы связано с тем, что меняются фундаментальные научные ценности. Вместо ценности «объяснения» явлений природы приходят ценности «практики» и «научного открытия». Появление самого понятия «открытие» напрямую связано с географическими открытиями новых земель XVI–XVII вв. Великие географические открытия показали, что мир не ограничивается представлениями, сформированными еще в античности, что мир гораздо больше и требуется не только объяснение уже готовых феноменов, но и исследование принципиально нового, непонятого, того, что никак не укладывалось в традиционную систему мира античных и средневековых авторов. «Научное открытие» предполагало, что возможно принципиально новое знание, которое не исчерпывается инвентаризацией уже готовых вещей. Кроме того, знание, по мнению Ф. Бэкона, обязательно должно приносить пользу, то есть быть не умозрительным, а утилитарным, практичным. Став частью научной новоевропейской парадигмы, эксперимент из метода достаточно быстро превратился в «социальный факт». Если использовать терминологию Э. Дюркгейма, социальными фактами являются «способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются» [10, с. 413]. Социальный факт в таком понимании – это коллективная привычка, которая «существует не только как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, она выражается в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно» [10, с. 416]. Иными словами, эксперимент из метода науки, внешнего инструментария становится ментальным качеством, априорным допущением, глубинной характеристикой идеологии общества в целом. Увидеть его в таком качестве и проанализировать его именно так представляется важным. Выделим эти существенные качест-

ва эксперимента, доставшиеся современной науке от эпохи Нового времени.

1. Эксперимент – ситуация искусственная, это не просто наблюдение за природным явлением, это агрессивное целенаправленное воздействие на предмет с целью выявления его скрытых свойств, связей. Декарт говорит, что мы можем наблюдать за стрелками часов, но знание, как часы на самом деле работают, нам будет доступно, только если мы разберемся с внутренним скрытым механизмом. Только эксперимент позволит нам «вскрыть» правильное решение из множества возможных. *Эксперимент обязательно действие, активность в модусе испытания*, т. е. предельного напряжения объекта пытки. Например, открытие кровообращения Уильямом Гарвеем предполагало несчетное количество проведенных экспериментов на различных животных, моллюсках и даже людях для того, чтобы его гипотеза обрела доказательную силу в глазах коллег-физиологов.

2. Эксперимент сопровождается количественными измерениями, в то время как физика Аристотеля предполагала изучение качественных характеристик вещей. Аристотель рассматривал категорию количества как некое свойство вещей, которое не имеет отношение к их сущности: петух может быть большим или маленьким, но он все равно петух. *В Новое время количественные характеристики явлений и их связей становятся источником для понимания истины*. Например, открытие Ньютоном закона всемирного тяготения не предполагает понимание причины, почему существует гравитационное притяжение, но предполагает вычисление гравитационной силы между объектами, имеющими массу. Хотя Готфрид Лейбниц и называл ньютоновскую гравитацию «вечной загадкой», математическое, количественное описание гравитации начинает рассматриваться научным сообществом как базовое в понимании движения планет. Качественное объяснение вещей сменяется количественным описанием явлений. Кант в «Критике чистого разума» [13] вводит понятие Ding-an-Sich для указания источника бесконечного познания мира. Отныне наука занята феноменами, а не сущностями вещей.

3. *Эксперимент – это ситуация театральная, зрелищная*. Эксперимент должен быть продемонстрирован, и неоднократно. Например, Гарвей подчеркивал важность присутствия и участия в его экспериментах короля Карла I и других высокопоставленных свидетелей, причем важно также,

что объекты эксперимента были взяты из зверинца его августейшего величества. Эксперимент близок анатомическому театру. Принципы медицинской аутопсии (посмертного вскрытия тела и исследования органов) хорошо иллюстрировали, повторяли и моделировали научный эксперимент. Впервые, аутопсия проводилась публично, что делало её воспроизводимой во множестве других случаев, во-вторых, с мёртвым телом можно было не церемониться, ибо истина науки и жертвы ради неё перекрывали все моральные и другие издержки, и наконец, в-третьих, «все это происходит в уверенности, что скрытая природа вещей может и должна стать в условиях эксперимента непосредственно наблюдаемой» [3, с. 100].

Три вышеназванные признака касаются не только собственно научной деятельности. Эти признаки стали возможными в силу изменившихся культурных, религиозных и антропологических параметров. Например, греческие герои активно совершают подвиги, ищут приключений, доказывают в битвах своё преимущество перед врагами, но и боги активно участвуют в этих соревнованиях, в играх людей. Мир здесь не является объектом для человека, поскольку в мире действуют и иные силы, нежели человеческий интерес. Анатомический театр и театр античный различаются степенями созерцательности. В одном созерцательность переходит в действие, в другом же созерцательностью остаётся. Люди и боги взаимодействуют, но не непосредственно, а опосредованно: через судьбу, рок, пророчество. Ещё пример: для Маленького Принца одноимённой повести человек, считающий звёзды, – сумасшедший. А между тем, этот человек умеет отвлекаться от качества того, что именно он считает и превращает количество звёзд в товар. Это «количество» можно положить в банк и получать на нём проценты. Вспомним образ М. И. Кутузова «Войны и мира», который плохо видит (одним глазом), выглядит сонно, «как бы» вяло двигается и которому совсем не нужно обозревать во всей полноте сцену сражения. Полнота зрелища М. И. Кутузову в принципе не нужна, как невозможно для человека мировоззрение в строгом смысле слова. Для эксперимента и науки полнота обзора желательна, ибо они претендует на всеобщий (в духе паноптикума) обзор.

Итак, мы зафиксировали три существенных признака самой экспериментальной ситуации: возможность порождающего *актасо* стороны субъекта, *количественный* подход к

разного типа предметам и специфическую практическую *зрелищность*. Рассмотрим эти признаки применимо к предметам социальным.

Социально-психологический эксперимент описан в книге Филиппа Зимбардо «Эффект Люцифера» [11]. Автор анализирует свой эксперимент 1971 г., позднее получивший название Стэнфордский тюремный. Зимбардо был автором, «творцом» этого известного эксперимента, в котором принимало участие 24 человека со стороны «заключённых» и несколько наблюдателей, членов учёной группы. Участники эксперимента сами по объявлению захотели участие в исследовании, согласившись на зарплату 15 долларов в день. Они случайным образом были поделены на «охранников» и «заключённых», согласившись две недели провести в подвале университета, переделанном под тюремные камеры. Эксперимент проводился по заказу ВМФ США и ставил целью исследование личностных поведенческих реакций в их зависимости от заранее установленной социальной роли. Наблюдение должно было длиться две недели, но уже через 6 дней эксперимент был завершён, ибо, как сказали его организаторы, «вышел из-под контроля». Фактически сразу «охранники» стали вести себя неоправданно жестоко в отношении «заключённых», а «заключённые» оказались тотально деморализованы и подавлены. Одному «заключённому» понадобилась срочная медицинская помощь, другие же легко приняли на себя роль жертвы, полностью подчинившись тем манипуляциям и действиям, которые над ними проводила «охрана». Зимбардо подчёркивает, что «тюремщикам» не было дано никаких специальных указаний как вести себя конкретно. Был лишь один запрет на прямое физическое насилие в отношении узников.

До сих пор не ясно, каковы конкретные результаты этого эксперимента и можно ли его считать успешным. И это при том, что данного рода эксперименты позднее повторялись и сам Стэнфордский тюремный эксперимент связан с более ранним, тоже американским, экспериментом 1963 г., проводимым под руководством Стэнли Милгрэма в Йельском университете. Уже эксперимент Милгрэма показал, что человек с лёгкостью перекладывает ответственность за проявляемую им жестокость на плечи авторитета, учёного, старшего, «научной истины» [15]. Характерно, что сам Милгрэм, семья которого была жертвой нацистского режима в Германии во время Второй миро-

вой войны, позднее, после исследований в США, планировал продолжить эксперимент в Европе. Он хотел понять природу массового психоза немецкой нации в период эпохи Гитлера. Однако, поездка в Европу оказалась ненужной, ибо многочисленные повторы эксперимента, который получил название «Повинуемость» благодаря документальному фильму, снятому во время эксперимента, показали общую характеристику природы человека в этом конкретном вопросе. Вне зависимости от его национальной, партийной, классовой и каким-либо другим принадлежности.

В ходе эксперимента Милгрэма его участники, которые якобы помогали ученикам развивать способности памяти, были вправе наказывать нерадивых учеников небольшим ударом электрического тока. Так разрешалось и рекомендовалось организаторами эксперимента. Ученики были подставными, специально подобранными людьми и никакого удара они не получали, однако те, кто его делал, те, кто учил, те, кто активно вмешивался в процесс улучшения памяти, этого не знали. А ученики в свою очередь демонстрировали, что получали удары током и испытывали боль. Даже не желая причинять боль «ученикам», «учителя» подчинялись авторитету университета, авторитету обстановки лаборатории и продолжали через насилие развивать память другого при помощи ударов тока. Повторим, «учителя» жалеют «учеников», они не испытывают к ученикам изначальной неприязни, однако задача эксперимента заставляет применять насилие, повышая степень электрического разряда раз за разом. Милгрэм пишет: «Парадоксально, что именно такие добродетели, как верность, дисциплина и самопожертвование, которые мы так ценим в человеке, создают разрушительные механизмы войн и привязывают людей к бесчеловечным системам власти» [15, с. 246].

И в отношении Стэнфордского тюремного эксперимента Ф. Зимбардо, и в отношении эксперимента «Повинуемость» С. Милгрэма можно сделать следующие выводы.

Сама ситуация эксперимента меняет личностные характеристики человека. Идентичность «надзирателя», «заклочённого», «учителя» и «ученика» нивелируется и меняется. Она целиком становится зависимой от заранее предписанной роли. Оказывается, что никакой изначальной идентичности нет, как нет и изначальной природы человека (добрый, разумный), а есть лишь ситуация, подкреплённая юридически, научно, рационально.

В ходе эксперимента его участники достаточно легко перешагивают через сочувствие, через симпатию и этические нормы поведения. Эксперимент позволяет быть немножечко бесчеловечным, немного злым, немного суровым и строгим. Степень этого «немного» крайне расплывчата и туманна, но в этом случае она поглощена объективной, заранее разрешённой ситуацией эксперимента. Эксперимент снимает с личности «учителя» и «тюремщика» ответственность за любого рода поступки.

Оба эксперимента показали определённую степень непредсказуемости в отношении его завершения. Иными словами, начало эксперимента не предполагало знания его продолжения; особенно это касается эксперимента Ф. Зимбардо. В ходе эксперимента появляются результаты и следствия, которые не закладывались в изначальные условия эксперимента, а появлялись в нём самопроизвольно, поскольку условия были искусственными с самого начала. Предмет, над которым проводился эксперимент, начинал жить самостоятельной жизнью. Отсюда мы делаем вывод: в ходе эксперимента рождался новый предмет, искусственный в отношении того, который был изначальным.

Сам Ф. Зимбардо, пытаясь понять и осмыслить «эффект Люцифера», спровоцированный его экспериментом, утверждает, что ситуацию создает социальная система, которая с необходимостью идеологична, и, по сути, на этой обезличенной системе всегда и лежит ответственность за возможные перегибы в ходе эксперимента. Данная аргументация Ф. Зимбардо логически близка аргументации Ф. Бэкона, который утверждал, что в ходе научного эксперимента природа начинает взаимодействовать «сама с собой» [7]. Ф. Бэкон стремился избавиться природу от антропоморфных признаков и сделать из неё чистый предмет, предоставить её самой себе. Однако, избавив эксперимент от мифологических антропоморфных признаков, он привносит в него с необходимостью признаки научные, внешне-объективные, но по сути такие же мифологические. Повторим: особенность экспериментального отношения к действительности заключается в том, что в результате агрессивного воздействия на испытуемый объект происходит перестройка, переформирование его природы и, как следствие, *появление природы нового типа*.

Идея создания новой природы, природы нового типа, природы под запрос человека своими корнями уходит в библейские сюжеты. Бог создает мир из ничего, по любви.

Человек – образ и подобие Бога, и потому имеет похожие притязания, но, в отличие от Бога, человек не располагает таким количеством любви, которое позволяет ему творить «из ничего», и, «создавая свободу», человек вынужден пользоваться «природными кирпичиками», некоей природной данностью, из которой он будет творить. Например, комбинируя атомы различных химических элементов, можно создать новые химические вещества, которых нет в природе. Структурная химия заложила основы органического синтеза и дала в XX в. миру новые лекарства, резину, искусственный шелк, красители и многое другое. Во второй половине XX века появляется генная инженерия – наука об управляемых мутациях, которая позволяет, используя генетический материал, создавать трансгенные организмы. *В экспериментальном подходе заложена идея создания новой природы, природы под запрос человека, природы контролируемой и с «заданными свойствами».* Аристотелизм отказывался природу контролировать. В Новое время наука ставит природу под контроль. Ярче всего перспективы тотального контроля над природными и социальными объектами представлены в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир».

Социальные эксперименты позволяют человеку «быстро получить новую природу». Попадая в заключение, человек не должен привыкать быть заключённым, не должен тратить время на усвоение нового жизненного сценария. Гуманнее сразу сделать его заключённым, подарить ему на время новую природу. (Такого рода «гуманизму» посвящён советский фильм С. Кулиша «Мёртвый сезон».)

Используем при анализе социального эксперимента логику рассуждений Джорджио Агамбена в отношении так называемой «голой жизни» (*nudavita*), которую он исследует [1; 2], в частности, на примере немецких лагерей Второй мировой войны. Агамбен анализирует политический аспект, допускающий и позволяющий в социальном эксперименте доходить до дна голой жизни. В той мере, в какой политическое принадлежит природе человека изначально, мы целиком соглашаемся с результатами этого авторитетного итальянского исследователя¹.

Агамбен полагает, что политическое связано, с одной стороны, с сакральным, а с другой – с экстремальным, чрезвычай-

ным. Сакральное он прочитывает в юридическом смысле, а не так, как его традиционно трактует культурная антропология. Юридическим термином «*sacer*» в римском праве называли человека, которого мог убить всякий, но при этом данный субъект не становился жертвой. Такого рода изгой, по мнению Агамбена, начинал жить «голой жизнью», той чистой жизнью, которую мы называем сейчас «биосом», т. е. жизнью в простом биологическом смысле слова. Жизнь субъекта такой «голой жизни» может длиться долго, она и длится, по сути, всю европейскую историю. Власть суверена может лишиться его жизни, но при этом субъект такой жизни священен (*sacer*). Быть священным для власти – значит в любое время быть готовым к смерти. Это кажется странным, но если вспоминать европейскую историю и её развитие в этой дихотомии: суверен/власть – субъект подчинения, то тезис М. Фуко [9; 16; 19], который использует Агамбен: «Формула классической власти заключается в том, чтобы предать смерти или сохранить жизнь», выглядит убедительно. Заметим, что форма отношения к власти в культуре, как правило, проявлялась через смерть: Сенека умирает по приказу Нерона, Сократ умирает ради закона, Роланд героически погибает ради рыцарской чести и «милрой Франции». Власть Сфинксы заключена в том, чтобы убить не отгадавшего загадку. Если загадка отгадывается в случае Эдипа, то Сфинкса уходит, предоставляя Эдипу жить так, как он хочет. Заметим, жизнь Эдипа полна ошибок и роковых случайностей, в которые ни боги, ни Сфинкса не вмешиваются до поры. Как бы страшна власть суверена ни была, в частную жизнь эта власть не вторгается и не вмешивается. Процесс внедрения власти в частную жизнь человека начинается тогда, когда место суверена занимает объективированный закон. Это происходит в эпоху Нового Времени, как раз тогда, когда между законом и наукой ставится знак равенства. Жизнь человека становится сакральной, священной уже не в старом, юридическом «римско-античном» смысле слова, а в прямом гуманистическом. Права человека провозглашаются *священной* ценностью, но вместе с тем власть политического начинает распространяться и влиять на все области жизнедеятельности человека: на его «биос». Действительно, сейчас мы видим, что через био-политические технологии власть регулирует частную жизнь индивида, представляя эту регуляцию как проявление максимальной заботы о человеке и особого рода попечения о его част-

¹ Д. Агамбен опирается на положения К. Шмита, для которого государство политически и технически может санкционировать любое юридическое решение, в том числе и преступное.

ной жизни. Примеры такого рода регуляции: диеты, витамины, биодобавки, обязательная диспансеризация, нормы калорий на упаковках продуктов, мода на фитнес залы, солярии, спа-салоны, жилищная политика, экологическая мания/истерия, рекомендации врачей. Иными словами, биополитика захватывает жизнь человека как биологическое существо, не давая пространства для жизни частной, поскольку жизнь частная и жизнь вообще становятся одним и тем же.

Символом, показателем кристаллом пространства, или «номоса», по словам Агамбена, контролируемыми той властью, которая нацелена на *pudavita*, является лагерь. Именно в лагере чистая жизнь проявлена максимально открыто, без прикрытия и защиты. Можно назвать её постоянно длящейся экзистенциальной ситуацией, превратившуюся в биологическое состояние выживания. В Германии юридически и политически лагерь санкционирован официально (указом о защите народа и государства от 28 февраля 1933¹); соответственно, всё, что творится экспериментально за его стенами, будет легальным и легитимным. Жизнь в такого рода условиях будет стремиться только к одному – продолжить саму себя, сохраниться.

Такие понятия, как ответственность, вина, благо, стыд в условиях лагерных социальных экспериментов не работают, они бессмысленны, поскольку ничего не могут описать, а уж тем более проанализировать. Агамбен ставит под сомнение возможность в принципе достоверно анализировать то, что было внутри лагерного эксперимента. Действительно – подлинники свидетели мертвы, а оставшиеся в живых либо больны, изломаны экспериментом, либо не могут истинно свидетельствовать об увиденном. В этом смысле субъект социального эксперимента уже находится на операционном лагерном столе и как его будут оперировать: с наркозом, без наркоза, завтра или послезавтра – это уже детали. Скорее всего его уже прооперировали, но он об этом не знает. Заключённые эксперимента Ф. Зимбардо уже заключённые, и ничто их не спасёт, кроме радикальной волевой внешней остановки эксперимента. В противном (если эксперимент не остановить) случае у эксперимента «ниоткуда» появляется своя логика, техническая процедура, аргументированная и научно подкреплённая структура. Мы знаем, что немецкие врачи, проводившие медицинские опыты во имя

¹ Вторая подпись под указом после президента Гинденбурга – подпись рейхсканцлера А. Гитлера.

науки над заключёнными лагерей, переписывались с коллегами из США, вступали в научные дискуссии со своими заокеанскими коллегами и защищали научные диссертации на материале опытных исследований.

Заключение

Иллюзия современного эксперимента нарушает ницшеанский запрет на снятие покровов радикально [6]. Истина обнажена, просвечена насквозь, употреблена по нашему усмотрению, и при этом нам же внушается, что именно этого она и мы хотели. Экспериментальная наука и социальные практики не остаются на поверхности природы, как о том призывал Ф. Ницше в «Весёлой науке». Подростковое «окаянство» («Весёлая наука») в отношении истины стало вещью обыденной и повседневной. Специфическая практическая зрелищность, о которой мы говорили в начале статьи, становится тотальной прозрачностью (Ж. Бодрийяр). В этой тотальной прозрачности уже не важно, что иллюзорно, а что собственно реально. Учёный работает и на виду публики, и в тишине засекреченной подземной лаборатории. Результат его исследования должен быть проявлен как можно быстрее, сегодня истина не терпит медлительности, а специфичность этой истины заключена в том, как она будет представлена массовому зрителю, которому юридически и политически можно доказать/обосновать что угодно.

1. Агамбен Д. *Homosacer*. Суверенная власть и голая жизнь / ред. Д. Новикова ; пер. О. Дубицкая, М. Велижев, И. Левина и др. М. : Европа, 2011. 256 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=128615> (дата обращения: 30.05.2018).

2. Агамбен Д. *Homosacer*. Чрезвычайное положение / ред. Л. Воропай ; пер. О. Дубицкая, М. Велижев, И. Левина и др. М. : Европа, 2011. 148 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=128583> (дата обращения: 30.05.2018).

3. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988. 288с.

4. Ахутин А. В. История принципов физического эксперимента: от Античности до XVII в. М. : Директ-Медиа, 2014. 293 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=228428> (дата обращения: 30.05.2018).

5. Ахутин А. В. Поворотные времена. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. Ч. 2. Статьи и наброски. 537 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=459408> (дата обращения: 30.05.2018).

6. Булл М. Анти-Ницше / пер. с англ. Д. Кралечкина ; науч. ред. А. Смирнов. М. : Дело, 2016. 273 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=487658> (дата обращения: 30.05.2018).

7. Бэкон Ф. Новый Органон: вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы / пер. С. Красильщикова. М. : Директ-Медиа, 2014. 281 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6986> (дата обращения: 30.05.2018).

8. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / пер. с англ. А. А. Писарева ; под науч. ред. С. М. Гавриленко ; авт. предисл. А. Бикбов. М. : Дело, 2016. 593 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=487669> (дата обращения: 30.05.2018).

9. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. 672 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=82727> (дата обращения: 30.05.2018).

10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1990. 575 с.

11. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М. : Альпина non-фикшн, 2016. 740 с.

12. Золотухина-Аболина Е. В. Историко-философские этюды: XX век и современность / науч. ред. Л. П. Пендюрина. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 221 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=271618> (дата обращения: 30.05.2018).

13. Кант И. Критика чистого разума / пер. Н. О. Лосский. М. : Директ-Медиа, 2002. 1095 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7029> (дата обращения: 30.05.2018).

14. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М. : Прогресс, 1980. 260 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=46967> (дата обращения: 30.05.2018).

15. Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль : пер. с англ. М. : Альпина non-фикшн, 2016. 282 с.

16. Мишель Фуко и литература : науч. сб. / под ред. Н. Т. Пахсарьян и др. СПб. : Алетейя, 2015. 144 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=363294> (дата обращения: 30.05.2018).

17. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 832 с.

18. Философия. Язык. Культура / отв. ред. В. В. Горбатов. СПб. : Алетейя, 2014. Вып. 5. 566 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=363330> (дата обращения: 30.05.2018).

19. Фуко М. Альтернативы тюремному заключению: рост или спад социального контроля? // Реферативный журнал. Сер. 11. Социология. 2011. № 1. С. 16–28.

20. Хоружий С. С. Фонарь Диогена: критическая ретроспектива европейской антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=447510> (дата обращения: 30.05.2018).

References

1. Agamben D. (2011) *Homosacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn'*. Moscow, Evropa, 256 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=128615>, accessed 30.05.2018. [in Rus].

2. Agamben D. (2011) *Homosacer. Chrezvychajnoe polozhenie*. Moscow, Evropa, 148 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=128583>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

3. Ahutin A.V. (1988) *Ponjatje "priroda" v antichnosti i Novoe vremja ("fjusus" i "natura")*. Moscow, Nauka, 288 p. [in Rus].

4. Ahutin A.V. (2014) *Istorija principov fizicheskogo jeksperimenta: ot Antichnosti do XVII v.* Moscow, Direkt-Media, 293 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=228428>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

5. Ahutin A.V. (2014) *Povorotnye vremena. Ch. 2. Stat'i i nabroski*. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 537 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=459408>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

6. Bull M. (2016) *Anti-Nicshe*. Moscow, Delo, 273 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=487658>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

7. Bjekon F. (2014) *Novyj Organon: vtoraja chast' sochinenija, nazываемaja Novyj Organon, ili istinnye ukazanija dlja istolkovanija prirody*. Moscow, Direkt-Media, 281 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6986>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

8. Din M. (2016) *Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennyh obshhestvah*. Moscow, Izdatel'skij dom «Delo», 593 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=487669>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

9. D'jakov A.V. (2010) *Mishel' Fuko i ego vremja*. Sankt-Peterburg, Aleteija, 672 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=82727>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

10. Djurkgejm E. (1990) *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii*. Moscow, Nauka, 575 p. [in Rus].

11. Zimbardo F. (2016) *Jeffekt Ljucifera. Pochemu horoshie ljudi prevrashhajutsja v zlodееv*. Moscow, Al'pina non-fikshn, 740 p. [in Rus].

12. Zolotuhina-Abolina E.V. (2015) *Istoriko-filosofskie jetjudy: XX vek i sovremennost'*. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 221 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=271618>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

13. Kant I. (2002) *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Direkt-Media, 1095 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7029>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

14. Kjempebell D. (1980) *Modeli jeksperimentov v social'noj psihologii i prikladnyh issledovanijah*. Moscow, Progress, 260 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=46967>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

15. Milgrjem S. (2016) *Podchinenie avtoritetu: nauchnyj vzgljad na vlast' i moral'*. Moscow, Al'pina non-fikshn, 282 p. [in Rus].

16. Mishel' Fuko i literature (2015). St. Petersburg,

Aletejja, 144 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=363294>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

17. Nicshe F. (1990) *Sochineniya: v 2 t. T. 1.* Moscow, Mysl', 832 p. [in Rus].

18. *Filosofija. Jazyk. Kul'tura* (2014). Iss. 5. St. Petersburg, Aletejja, 566 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=363330>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

19. Jakimova E.V. (2011) *Referativnyj zhurnal. Serija 11: Sociologija*, no. 1, pp. 16–28 [in Rus].

20. Horuzhij S.S. (2010) *Fonar' Diogena: kriticheskaia retrospektiva evropejskoj antropologii.* Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 688 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=447510>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

For citing: Chernov L.S., Pogorelskaya E.Yu. The image and traces of scientific experiment // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 104–111.

UDC 304.2

THE IMAGE AND TRACES OF SCIENTIFIC EXPERIMENT

Leonid S. Chernov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management, Associate Professor of the Department Chair of Philosophy and Political Sciences
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
The Russian Federation, 620144, Yekaterinburg, ulitsa 8 Marta, 66.
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Elena Yu. Pogorelskaya,

Humanitarian University, The Department of Social Psychology, Associate Professor of the Department Chair of Social-cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 620049, Yekaterinburg, ulitsa Studencheskaya, 19.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Annotation

The authors make an attempt to reduce experimental scientific paradigm of modern times, formed on the basis of natural science to worldview values of modern technological era. This procedure helps to analyze modern social-cultural processes from the perspective of social, ideological, and psychological experimenting.

Key concepts:

scientific method,
social experiment,
experimental situation,
human nature.

Для цитирования: Беляева Л. А., Новикова О. Н.
Игра как форсайт-технология
и ее значение для бытия человека
в культуре постмодерна //
Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 112–118.

УДК 130.2

ИГРА КАК ФОРСАЙТ-ТЕХНОЛОГИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Беляева Людмила Александровна,

Уральский государственный
педагогический университет,
профессор кафедры философии и акмеологии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 620017,
Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
E-mail: labelyaeva278@mail.ru

Новикова Оксана Николаевна,

Уральский государственный
лесотехнический университет
заведующий кафедрой философии,
кандидат педагогических наук, доцент,
Российская Федерация, 620100,
Екатеринбург, Сибирский тракт, 37
E-mail: oksnovi@mail.ru

Аннотация

Аксиологический сдвиг в культуре постмодерна, породивший хаос и неопределенность бытия человека, способствовал формированию нового статуса игры как форсайт-технологии, формирующей будущее человека, где неопределенность жизненных стратегий раскрывается в творческом многообразии возможных вариантов жизненных сценариев. Рассмотрение игры как особой форсайт-технологии еще не являлось предметом специального исследования в нашей литературе. Однако аксиологический сдвиг в культуре постмодерна и развитие новой методологии научного познания позволяют с позиций системно-синергетической и герменевтической методологии исследовать игру как специфическую форсайт-технологию. Толкование игры как специфической формы форсайта выводит нас на понимание игры как трансгрессии бытия человека, формы овладения временем человеческого бытия, дает новое понимание свободы в контексте игровых практик. Результаты исследования дают возможность объяснить возникновение инновационных процессов в социокультурной динамике, порождающих игровую индустрию и связанную с ней перспективу возникновения целого ряда новых профессий. Огромное значение игры как форсайта и трансгрессии бытия человека определяет также необходимость развития новой отрасли образовательной деятельности – игропедагогика, разрабатывающей методики использования дидактических, коммуникативных, спортивных и других игр для личностного роста и развития человека.

Ключевые понятия:
игра,
форсайт-технология,
трансгрессия,
культура постмодерна
игропедагогика.

Введение

Одной из социальных технологий, приобретающей сегодня большую популярность в социально-гуманитарном познании, является технология форсайта, которая была создана более 30 лет назад на Западе в контексте синергетической методологии, предметом ее исследования являются сложноорганизованные системы, обладающие способностью к саморазвитию. Синергетика (Г. Хакен, И. Пригожин, Н. Н. Моисеев, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов) показала, что развитие подобных систем носит нелинейный характер, и в силу этого саморазвивающимся системам нельзя навязывать пути развития, продиктованные прошлым. Эффективное управление саморазвивающимися системами должно осуществляться не из прошлого, а из будущего состояния системы. Отсюда и возникают такие технологии, как разработка сценариев будущего (Г. Кан) и форсайт-технологии, нацеленные на предвидение и разработку шагов по приближению желаемого будущего. Это принципиально меняет характер целеполагания, выбор средств и влияний на ожидаемый (желаемый) результат. Более того, благодаря реализации этих технологий изменяется также характер социокультурной динамики, в которой акценты в управлении сложноорганизованными системами переносятся от прошлого к будущему.

Опираясь на данную характеристику синергетического подхода и технологии форсайта, можно сделать предположение о том, что одной из важнейших и широко распространенных в культуре разновидностей форсайт-технологий является игра, что позволяет, на наш взгляд, раскрыть специфические особенности игры в контексте данной методологии, ускользавшие ранее от пристального внимания исследователей.

Игра как форсайт и трансгрессия бытия человека

Прежде всего следует отметить, что игра как феномен человеческого бытия и культуры служит объектом исследования многих наук, таких как психология, педагогика, культурология, философия, но, несмотря на это, проблема понимания игры остается открытой. Возможно, игра содержит в себе тайну, созвучную с тайной самого человека, о которой очень поэтично говорил Ф. М. Достоевский. Он считал, что человек есть тайна, и сколько бы времени вы ни потратили на ее разгадывание, не думайте, что поте-

ряли его напрасно. То же самое касается и игры как феномена человеческого бытия.

Конечно, определенное представление об игре имелось в самые ранние периоды человеческого истории, однако начало разработки общей теории игры было положено Ф. Шиллером и Г. Спенсером. Ф. Шиллер считал, что игра имеет эстетическую природу и связывал ее с категориями свободы, творчества и наслаждения, видел в ней выражение человеческой сущности. Г. Спенсер, опираясь на теорию эволюции, показал, что игра присуща не только человеку, но и высшим животным, проистекает из потребности в деятельности и выполняет упражняющую функцию.

Позднее обстоятельная теория игры и ее роли в культуре была создана голландским историком и теоретиком культуры Й. Хейзингой. Он придает категории «игра» универсальный характер и рассматривает ее как всеобщий принцип становления человеческой культуры. В своем фундаментальном труде, посвященном анализу игры как феномена культуры, Хейзинга, суммируя присущие ей признаки, дает следующее определение игры. Он характеризует ее как «действие, протекающее в определенных рамках места, времени и смысла, в обозримом порядке, по добровольно принятым правилам и вне сферы материальной пользы или необходимости. Настроение игры есть отрешенность и воодушевление... Само действие сопровождается чувствами подъема и напряжения и несет с собой радость и разрядку» [20, с. 80]. При этом действие разворачивается либо в форме состязания, в котором следует максимально проявить свои способности, либо как испытание, которое необходимо выдержать, либо как преодоление препятствия.

Философский энциклопедический словарь дает определение термина «игра»: «Термин, обозначающий широкий круг деятельности животных и человека, противопоставляемой обычно утилитарно-практической деятельности и характеризующейся переживанием удовольствия от самой деятельности» [16, с. 195].

В другом справочном издании игра определяется как «форма свободного самовыражения человека, которая предполагает реальную открытость миру возможного и развертывается в виде состязания, либо в виде представления (исполнения, репрезентации) каких-либо ситуаций, смыслов, состояний» [15, с. 110]. Как видим, эти определения заметно отличаются друг от друга, что свидетельствует о сложности,

многозначности и многофункциональности игры как феномена человеческого бытия, многообразии ее смыслов и массовом присутствии в повседневности. Не случайно в литературе начала XXI в., посвященной проблематике игры, возникло представление об игроизации бытия человека, которая, по мнению Л. Т. Ретюнских, представляет собой «процесс проникновения различных элементов игрового мира в другие сферы бытия» [13, с. 162]. А согласно позиции С. А. Кравченко, игроизация – это «внедрение принципов игры, эвристических элементов в прагматические жизненные стратегии, что позволяет индивидам посредством саморефлексии достаточно эффективно выполнять социальные роли, адаптироваться к «обществу в действии» [9, с. 143].

Более подробный анализ научной литературы по проблеме игры, вышедшей до 1995 г., дается в нашей монографии «Герменевтическое измерение педагогической деятельности», депонированной в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН, 1994 г.), а также в учебном пособии к спецкурсу «Проблема понимания в педагогической деятельности» [2]. При этом было отмечено, что наиболее распространенным являлся и является деятельностный подход к игре, в рамках которого игра рассматривалась как свободная творческая деятельность, воспроизводящая в обобщенном виде отношение человека к миру и другим людям, результат которой не имеет, как правило, утилитарного значения.

В нашем же исследовании того периода был реализован герменевтический подход к анализу игры, на основе которого игра была представлена как выражение практическо-поведенческой модели понимания ситуации и своего места в ней. В контексте герменевтической методологии было обосновано и показано, что спецификой игровой модели понимания по сравнению с рефлексивной и ценностно-эмпатической моделями является то, что «понимание ситуации приходит через собственное делание, проживание, бытие в ней. <...> В игре происходит перемещение в другое “я”, благодаря чему индивид как бы обращается к другому миру – миру возможного, открывается навстречу ему, приобретает способность саморазвития» [2, с. 44].

Развивая представление об игре в данной статье, хотелось бы обратить внимание на категорию «возможного». В этой связи важно отметить, что важнейшей характеристикой игры является открытость миру возможного. Один из ведущих исследователей

игры Э. Финк характеризует игру как «способ человеческого общения с возможным и недействительным», что связано с открытостью и незавершенностью самого человека [17, с. 363]. По поводу возможного Ж.-П. Сартр пишет: «Возможное есть то, чего недостает Для-себя, чтобы быть собой...». И далее: «Я проектирую себя к Будущему, чтобы слиться с тем, чего мне недостает, иными словами, с тем, благодаря синтетическому прибавлению чего к моему Настоящему я буду тем, чем я являюсь» [14, с. 155–157]. Следовательно, человек есть прежде всего *замысел, проецирующий себя в будущее*, и, проецируя себя в будущее в рамках игры, связывает свое бытие и время. М. Хайдеггер утверждал, что, «поскольку бытие и время имеют место только в событии, этому последнему принадлежит та особенность, что им человек, что тот, кто внимает бытию, выстаивая в собственном времени, вынесен в свое собственное существо. Так сбывающийся человек принадлежит событию» [19, с. 405]. Одним из таких событий, которому принадлежит человек в культуре, является игра.

Исходя из сказанного, можно заметить, что одна из особенностей игры, приоткрывающая ее таинственность, многогранность и заманчивость, которой уделялось недостаточное внимание, состоит, на наш взгляд, в том, что она обладает свойствами **форсайта и проективности**, она позволяет человеку, играя с **миром возможным**, овладеть **временем**. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, отмечая вслед за основателями синергетики Г. Хакеном и И. Пригожиным нелинейность времени и его множественность, пишут: «Возможное, не проявленное в бытии богаче существующего, уже проявленного в нем. То, что нереализуемо или, по крайней мере, трудно осуществимо в действительности, можно прокручивать в своем воображении, строя параллельные миры и разворачивая возможные линии событий в них. <...> В этой пробе мира не проявленное проявляется, нереализованное существует одновременно с реализованным и может взаимодействовать с ним, виртуальное имеет ту же силу, что и реальное» [8, с. 22–23].

В этой связи, определяя игру как феномен человеческого бытия и культуры, следует отметить, что игра как проба мира представляется нам эмоционально-темпоральной моделью действительности, где важным атрибутом бытия является время, которое стартует из действительности, уплотняется и насыщается игровыми событиями.

Благодаря игровому действию время изменяет свои свойства, *становится актом творческой свободы, уплотняющей время экзистенциального бытия человека*. Более того, экзистенциальное время открывает человеку возможности самопознания, движения к собственной самости, освобождения от стереотипов, устаревших идеалов, норм и правил, любых устойчивых форм существования в культуре, выработанных в прошлом. Мы согласны с суждением О. В. Пашенко, которая пишет: «Экзистенциальное время – это пространство свободы, в котором человек волен выбирать себе дорогу» [12, с. 13]. В продолжение сказанного рискнем сделать особое замечание. Как известно, игра многими исследователями определяется как свободная творческая деятельность. Но важно понять, в чем привлекательность свободы в игре, только ли ее необходимость для творчества? Возможно, таинство большой привлекательности игры как раз и состоит в том, что это пространство свободы, **которая не накладывает на человека ответственности**. Именно ответственность является причиной «бегства человека от свободы» (Э. Фромм), а в игре, даже при наличии правил, человек чувствует себя свободным, так как участие в игре абсолютно добровольно, игрок по принуждению не бывает и, кроме того, есть возможность в любой момент выйти из нее без всяких обязательств. При этом свобода в игре носит синтетический характер, являясь одновременно «свободой от» и «свободой для», объединяя *свободу от реальности и свободу для творческой самореализации как в настоящем, так и в будущем*. Свободная игра с миром возможным является по своей сути броском в будущее, в котором проявляются все признаки *форсайта*:

- будущее не просто результат влияния прошлого, оно зависит от прилагаемых усилий по его проектированию;
- будущее вариативно и зависит от заинтересованности в будущем состоянии;
- будущее нельзя предсказать достоверно, но можно спроектировать желаемый вариант и способствовать его приближению. Именно будущее открывает человеку множество возможностей, позволяя человеку выйти за пределы настоящего с его ограниченностью. Особенно это важно в условиях нестабильности общества, высокой социокультурной динамики, что характерно для современной эпохи.

Сегодня человек живет в условиях высокой неопределенности и быстрой смены жизненных и профессиональных задач. В этих условиях игра становится доступным и эффективным способом преодоления ценностного и информационного хаоса бытия и выстраивания модели своего будущего состояния. Игра и выступает способом формирования личностной идентичности на основе разыгрывания социальных ролей и их примерки к собственному «Я» [3, с. 73–82]. В поисках смысла бытия и своего места в нем Homo Ludens эпохи постмодерна приобретает новую форму идентичности – ролевую идентичность, характеризующуюся множественностью и ситуационностью. Отталкиваясь от идеи сходства игры и поэзии, следует сказать, что в игре, как и в поэзии, происходит формирование субъекта, обладающего множественной идентичностью. На примере неоромантической поэзии М. Н. Липовецкий отмечает, что она создает «концепцию субъекта, который реализует несовместимые сценарии и совмещает множественные «я»: вымышленное и литературное соединяется с вполне реальным и повседневным; эти «я» противоречат друг другу, и в то же время они взаимозависимы и неразделимы. Принцип «множественной личности» позволяет выскользнуть из жестко определенных социальных идентичностей, а также из социальных и исторических клеток» [11, с. 16].

В игре нередко реализуются именно эти стремления человека – выскользнуть из неблагоприятных обстоятельств настоящего, рискнуть и выиграть, получить шанс на более благоприятное будущее. В силу этого в кризисные периоды жизни на этапах дестабилизации общества человек тяготеет к риску, шансу поспорить с фортуной, судьбой, самой жизнью. Отсюда столь широкая мода на игровые практики, связанные с возможностью риска и его благополучного разрешения: виртуальные игры, игровые автоматы, казино, тотализаторы, покер, лотереи, где человек получает столь необходимые эмоции, ассоциируемые с успехом, побуждающие его и в дальнейшем погружаться в стихию неопределенности с надеждой на успех. Достаточно вспомнить о большой востребованности в молодежной среде таких форм проведения досуга, как паркур, дрифт, ружинг, диггерство, сталкинг, сурвивализм, квест и др., где риск, азарт, опасность задают новую систему смыслов и координат человеку.

На схожем основании строится индустрия социальных игр, пропагандирующих

не только преодоление испытаний, получение позитивных эмоций, но и приобретение негативного опыта, даже отвращения к кому-либо или чему-либо. «Фактор страха», «Последний герой», «Битва титанов», «Остаться в живых», «Гонка героев» и др. – вот только небольшой перечень социальных игр, где индивид, соревнуясь с другими, стирает границы возможного и невозможного, следуя неким регламентированным правилам, нарушает при этом традиционные устои, нормы, действуя вопреки всем стандартам и этическим координатам. Он часто соглашается на унижения, лишения и трудности, ради получения большого денежного приза, приобретенного не в результате кропотливой трудовой деятельности, а как оплата исполнения конкретной роли.

Современная игровая культура – культура повторений, сериалов, клише и ремейков. Именно игра благодаря своим временным и пространственным возможностям позволяет за короткий период перепробовать, примерить на себя разные роли, освоить эмпирически окружающий мир через уподобление предметам, вещам, объектам окружающей действительности. Симуляции подвержена не только объективная, вещественная реальность, но и сам человек, который становится некой матрицей, носителем определенной программы жизни. Не сформировав у себя чувство целостности и преемственности, современник постоянно готов к изменениям, самообновлениям через поиск творческого начала и своего места в мире. В условиях современных компьютерных технологий введение альтернативных сценариев жизни через игровые практики позволяет сместить время и пространство, соединив воедино в поле игры реальное и виртуальное бытие. Виртуальное бытие человека делает его активным в социокультурном и антропологическом смыслах, формируя отношение к жизни как к игре, в которой есть возможность с легкостью изменять ситуации и получать разноплановые ощущения и эмоциональные состояния.

Опора на философско-антропологический и системно-синергетический подходы позволяет сказать, что человек, растворяясь в игровом действии, смещает границы реального бытия, благодаря чему первоначальный смысл замещается, растворяясь в пересечении множества позиций, способов существования. Все это дает возможность человеку играющему совершить свой бросок в будущее, т. е. свой форсайт. В игровом моделировании, выстраивая поливариантную жизненную стратегию, человек

ориентирован на поиск своего предела, личной трансгрессии, делающей *невозможное возможным*. Индивидуальная трансгрессия становится способом удовлетворения своих недостижимых желаний, актом и формой самореализации и презентации.

Феномен трансгрессии (греч. *trans* – сквозь, через; *gress* – движение) как «факт выхода за пределы» (Ж. Батай, Ж. Деррида, М. Фуко) позволяет человеку трансформировать мир с помощью фантастического способа художественного мышления через конструирование сверхъестественных миров [4; 6; 18]. Игра, особенно ролевая и фантазийная, представляет собой не только способ конструирования своей идентичности, но и позволяет с помощью фантазии выстроить несуществующие миры для апробации своих возможностей и своих пределов, т. е. своей трансгрессии. Именно трансгрессивность роднит игру и поэзию, при этом последняя является наиболее яркой формой трансгрессивности. Это обстоятельство относительно неоромантической поэзии отмечает М. Н. Липовецкий. Он пишет, что среди неоромантических ценностей «высший авторитет приобретают те, что связаны с **трансгрессией** – способностью пересекать границы, нарушать правила и идти против ожиданий. Как правило, поэт и поэзия становятся самой впечатляющей реализацией трансгрессии и трансгрессивности – что выражается не только в текстах, но и в житнетворчестве неоромантического автора, утверждающего себя через методичное нарушение культурных и моральных норм (Есенин, Лимонов, Высоцкий, Рыжий)» [11, с. 17]. Но это характерно не только для поэзии, рациональная культура именно в мире фантазийной игры стремится изобразить реальный мир измененным, отличным от настоящего. Фантастика, ирреальность нацеливают человека исследовать запретные, табуированные темы, разрешают не соблюдать правила и приемы, нормы и ценностные основания. Так, через освоение пусть и ирреальных моментов осмысливается сам реальный мир и через странность, «иное» осваивается то знакомое и близкое человеку, которое меняет реальность, открывая **модус будущего**.

Трансгрессия в контексте игровых практик позволяет человеку преодолеть свои страхи и реализовать желания, формируя представления о мире, где нереальное играет с традицией, противопоставляясь ей или видоизменяя ее. Трансгрессия позволяет человеку быть не тем, что он есть, а *другим, возможным*, и через игровые практики стать некой переменной, множествен-

ностью, *гетерогенной перспективностью*. Выбирая свою жизненную игровую стратегию, современник растворяется в игровом формате жизни, но воспринимает его через реальные пределы, в которых решается его судьба, выстраивается его перспектива. При этом трансгрессия может носить как индивидуальный, так и коллективный характер, и в коллективной форме она наиболее заразительна. Так, еще с древности трансгрессивное начало присутствовало во всех ритуальных праздниках, жертвоприношениях и военных действиях, которые традиционно осуществлялись и поддерживались игровыми формами. Полученный опыт игровой трансгрессии позволяет человеку в дальнейшем лучше адаптироваться к социуму, социальной и профессиональной динамике.

В этой связи мы также утверждаем, что игра становится для современника реально-ирреальным способом удовлетворения насущных антропологических потребностей, таких как потребности в свободе и творчестве, коммуникации, обнаружении и привнесении **смысла** в собственное бытие, **понимание своих перспектив**. В нестабильном, хаотичном и динамичном мире игра *становится актом творческой свободы, уплотняющей время экзистенциального бытия человека*. Она превращается в надежный способ достижения экзистенциальной полноты бытия, дающей человеку удовлетворение жизнью, в том числе и через понимание своего будущего состояния.

Заключение

Аксиологический сдвиг в культуре постмодерна, породивший хаос и неопределенность бытия человека, формирует новое нелинейное, интерпретативное мышление, нацеленное на множественную идентичность. Стремление к свободе как сущностная черта бытия человека во времени реализуется в игровых практиках, где неопределенность жизненных стратегий преодолевается в творческом многообразии и произвольности возможных вариантов, а игровые практики приобретают значение форсайт-технологий, формирующих будущее человека.

Опираясь на идеи философов постмодернистов и синергетическо-герменевтическое видение проблематики игры, можно утверждать, что современник именно в игровых практиках выстраивает свою жизнь, создает подобие некоего идеального мира, необходимого для преодоления хаоса бытия, как некой стратегии жизни, направленной на идентификацию и самопрезентацию.

Он нацелен на самовыражение и самоутверждение собственной значимости через игровую комбинаторику беспредельности человеческого бытия, где индивидуальность представляется как коллаж, мозаичность и фрагментарность. Он постоянно переходит от одного жизненного проекта к другому, адаптируясь к реалиям социума в виде игровой эстетизации своих интеллектуальных и физических сил, стремясь придать свой смысл, значение, системность хаотичному бытию через интуицию своих перспектив и будущего состояния.

Суть игры в постмодернистском социуме состоит в том, что она направлена на поиск вариантов будущего, своей трансгрессии как осознание своих пределов и своих возможностей. *Игровой форсайт и индивидуальная трансгрессия* становятся способом удовлетворения недостижимых желаний, актом и формой самореализации и презентации человека. А само бытие человека в игре формирует его стратегию жизни, устремленной в будущее.

В силу этого игра как форсайт-технология и трансгрессия бытия человека становится важным феноменом современной культуры, оказывая влияние на все сферы человеческого существования: экономику, политику, образование, что задает перспективу существования целого ряда новых профессий, таких как *игромастер* и *игропедагог*, специалистов по разработке и организации обучающих игр с использованием симуляторов. В сфере образования игровые практики как форсайт-технологии дают возможность более эффективно осваивать учебные предметы, работать с проектами, формировать метакомпетенции учащихся, их системное мышление, творческие способности, развитый эстетический вкус. Этому также способствуют интернет-технологии, позволяющие создавать игровые среды и дополненную реальность в онлайн. Не случайно в настоящее время осознается необходимость развития такой относительно самостоятельной и специальной отрасли педагогики, как *игропедагогика*.

1. Атлас новых профессий. М. ; Сколково : Агентство стратег. инициатив, 2014. 168 с.

2. Беляева Л. А. Игра как выражение практическо-поведенческой модели понимания // Проблема понимания в педагогической деятельности : учеб. пособие к спецкурсу. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1995. 74 с.

3. Беляева Л. А., Новикова О. Н. Игра как способ конструирования личностной идентичности // Образование и наука. 2012. № 5 (94). С. 73–82.

4. Батай Ж. Запрет и трансгрессия. URL: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm> (дата обращения: 06.06.2017).

5. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.

6. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с франц. А. Гараджи, В. Лапицкого, С. Фокина ; сост. и общ. ред. В. Лапицкого. М. : Академ. проект, 2000. 432 с.

7. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступит. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 2000. С. 407–420.

8. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М. : КомКнига, 2007. 272 с.

9. Кравченко С. А. Игроизация российского общества (к обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 143–155.

10. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 160 с.

11. Липовецкий М. Н. Неоромантизм в русской поэзии XX–XXI веков: смысл и границы понятия // Филологический класс. 2018. №1 (51). С. 13–18.

12. Пащенко О. В. Будущее как модус антропологического времени в контексте современной культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2016. 22 с.

13. Ретюнских Л. Т. Философия игры. М. : Вуз. зн., 2002. 256 с.

14. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр. В. И. Колядко. М. : Республика, 2000. 639 с.

15. Современная западная философия. Словарь. М., 1991. 414 с.

16. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. 840 с.

17. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии / сост. П. С. Гуревич ; под общ. ред. Ю. Н. Попова. М. : Прогресс, 1998. С. 357–402.

18. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб. : Мифрил, 1994. С. 111–131.

19. Хайдеггер М. Время и бытие : ст. и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. 447 с.

20. Хейзинга Й. Homo Ludens. Опыт исследования игрового элемента в культуре // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. 366 с.

References

1. Atlas novyh professij (2014). Moscow, Skolkovo, Agentstvo Strategicheskikh iniciativ, 168 p. [in Rus].

2. Belyaeva L.A. (1995) Igra kak vyrazhenie prakticheskovo-povedencheskoj modeli ponimania // Problema ponimania v pedagogicheskoy deyatelnosti Ekaterinburg, Ural State University, 74 p. [in Rus].

3. Belyaeva L.A., Novikova O.N. (2012) *Obrazovanie i nayka*, no. 5 (94), pp. 73–82 [in Rus].

4. Batai Zh. Zapret i transgressia. Available at: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm>, accessed 06.06.2017][in Rus].

5. Bodriar Zh. (2000) Simvoliheskyi obmen i smert. Moscow, Dobrosvet, 387 p. [in Rus].

6. Derrida Zh. (2000) Pismo I razlihiie. Moscow, Akademicheskij proekt, 432 p. [in Rus].

7. Derrida Zh. (2000) Struktura, znak i igra v dis-kurse gumanitarnyh nauk // Francuzskay semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu. Moscow, Progress, pp. 407–420 [in Rus].

8. Knyazeva E.N., Kurdiunov S.P. (2007). Siner-getika: nelineinost' vremeni I landshafty koevolucii. Moscow, KomKniga, 272 p. [in Rus].

9. Kravchenko S.A. (2002) *Obshestvennye nauki*, no. 6, pp. 143–155 [in Rus].

10. Liotar Zh.-F. (1998) Sostoyanie postmoderna. Moscow, Institut experimentalnoj sociologii, St. Pen-ersburg, Aleiteia, 160 p. [in Rus].

11. Lipovetsky M.N. (2018) *Filolodicheskij klass*, no.1 (51), pp. 13–18 [in Rus].

12. Pachenko O.V. (2016) Buduschee kak modus antropologicheskogo vremeni v kontekste sovremen-noi kultury. Abstract of thesis. Cheliabinsk, 22 p. [in Rus].

13. Retiunskih L.T. (2002) *Filosofia idry*. Moscow, Vuzovskaia kniga, 256 p. [in Rus].

14. Sartr Zh. P. (2000) Bytie I nichto: Opyt fenom-enologicheskoy ontologii. Moscow, Respublika, 639 p. [in Rus].

15. *Sovremennaia zapadnaia filosofia* (1991). Moscow, 414 p. [in Rus].

16. *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* (1983). Moscow, 840 p. [in Rus].

17. Fink E. (1998) *Osnovnye fenomeny chel-ovecheskogo bytia // Problema cheloveka v zapad-noi filosofii*. Moscow, Progress, pp. 357–402 [in Rus].

18. Fuko M. (1994) *O transgressii // Tanatogra-fia erosa: Zhorzh Bataj i francuzskaia mysl serediny XX veka*. St. Petersburg, Mifril, pp. 111–131 [in Rus].

19. Haidegger M. (1993) *Vremia I bytie*. Moscow, Respublika, 447 p. [in Rus].

20. Heizinga I. (1991) *Homo Ludens. Opyt issle-dovania igrovogo elementa v kulture. Samosoznanie evropejskoi kultury XX veka*. Moscow, 366 p. [in Rus].

For citing: Belyaeva L.A., Novikova O.N. Game as a foresight and its importance for human existence in the culture of postmodernism // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 112–118.

UDC 130.2

GAME AS A FORESIGHT TECHNOLOGY AND ITS IMPORTANCE FOR HUMAN EXISTENCE IN THE CULTURE OF POSTMODERNISM

Lyudmila A. Belyaeva,

Ural State Pedagogical University, Professor of the Department Chair of Philosophy and Acmrology, Doctor of Philosophy, Professor. The Russian Federation, 620017, Yekaterinburg, Prospect Kosmonavtov, 26. E-mail: labelyaeva278@mail.ru

Oksana N. Novikova,

The Ural State Forest Engineering University, Head of the Department Chair of Philosophy, Cand. Sc. (Education), Associate Professor, The Russian Federation, 620100, Yekaterinburg, Sibirsky trakt, 37. E-mail: oksnovi@mail.ru

Annotation

Axiological shift in the culture of postmodernism, which gave rise to chaos and uncertainty of human existence, contributed to forming a new status of a game as a foresight technology, forming a man's future, where uncertainty of life strategies is revealed in a great creative diversity of possible variants of life scenarios. Considering a game as a peculiar foresight technology has not been the subject of research in literature. However, axiological shift in the culture of postmodernism and development of new methodology of scientific cognition make it possible to study a game as a peculiar foresight technology from the perspective of systemic synergetic and hermeneutic methodology. Interpreting a game as a peculiar foresight technology makes us understand a game as a transgression of human existence, form of taking possession of time of human existence, gives new understanding of freedom in the context of game practice. The results of the study make it possible to explain the origin of innovative processes in social-cultural dynamics, giving rise to game industry and connected with it prospects of creating a number of new professions. The great role of a game as a foresight and transgression of human existence determines the necessity of developing a new branch of educational activity – game pedagogics, developing methods of using didactic, communicative, sport and other games for personal growth and development.

Key concepts:

game,
foresight technology,
transgression,
culture of postmodernism,
game pedagogics.

Для цитирования: Нехамкин В. А. Географический детерминизм как направление в философии истории XVIII–XIX вв.: возможности и ограничения // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 119–128.

УДК 140.8; 910.1

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ КАК НАПРАВЛЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ XVIII–XIX вв.: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Нехамкин Валерий Аркадьевич,
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, профессор кафедры философии, доктор философских наук, профессор. Российская Федерация, 119602, г. Москва, ул. Никулинская, д. 15, корпус 1. E-mail: nechamkin@rambler.ru

Аннотация

В работе оценивается роль географического детерминизма в формировании философии истории XVIII–XIX вв. Обосновывается тезис, согласно которому данное направление исходило из положения о включенности социальной истории в природную среду, их коэволюционном развитии в противовес прежде доминировавшей антропоцентрической историософии. В рамках географического детерминизма автором выделяются следующие модели: климатоцентристская и аквацентристская. Констатируется, что сторонники первой исходили из доминирования климата, второй – водоемов в их влиянии на общество. Выделены предпосылки, базовые положения, позитивные стороны и недостатки каждой модели. Показан эвристический потенциал данных моделей в историософии XVIII–XIX вв. Выявляется неоднозначное влияние климато- и аквацентризма на становление различных концепций в философии истории XX–XXI вв. Демонстрируется, что географический детерминизм выступал в роли своеобразной парадигмы в историософии XX столетия и позднее.

Ключевые понятия:
модель,
географический детерминизм,
климатоцентризм,
аквацентризм,
философия истории.

Введение

Философия истории и отражающий ее термин, как известно, появились во второй половине XVIII в. благодаря Вольтеру [24, с. 60]. Конечно, эмпирический материал на данную тематику начал накапливаться еще с античности, но быстрое концептуальное оформление указанной философской дисциплины (имеющей предметом теоретический анализ исторического процесса) происходит именно в эпоху Просвещения. Исследованиями в подобном русле начинают интересоваться И. Г. Гердер, И. Кант, Г. Гегель и многие другие мыслители. Столетие спустя в философии истории обнаруживается уже ряд устойчиво сформировавшихся направлений. Ее научная ветвь (существующая наряду с провиденциальной – Бл. Августин и метафизической – Г. Гегель), по мнению Х. Раппопорта, включает следующие подходы: физико-климатический (базируется на факторе наличия естественной среды), физиолого-психологический (в основе – историческая среда), культурно-исторический (человеческая личность) [23, с. 79]. Суть первого из них (речь о котором и пойдет в дальнейшей работе) Х. Раппопорт выражает так: «Исходит из того, что человек представляет неотъемлемую часть физической природы» [23, с. 80].

Как же мыслители столь быстро (примерно за сто лет) пришли к подобному выводу о включенности и детерминации истории общества природой? Ведь еще в античности историки преимущественно редуцировали свой предмет исключительно к социуму (так, в «Истории» Геродота читаем, что он собирал сведения о прошлом, чтобы «великие деяния как эллинов, так и варваров... не остались в безвестности» [Цит. по: 12, с. 33]), а окружающий ландшафт выступал лишь фоном для развертывания действий людей? Зачем потребовалось включить «физико-климатический» подход в структуру философии истории? В каких концепциях он выражался? Каково его методологическое значение и какие теоретические конструкции он породил в дальнейшем? В чем «физико-климатический» подход (чаще называемый в XX в. «географическим детерминизмом») ныне устарел, а в чем может быть полезен нынешним специалистам по философии истории? Ответы на указанные вопросы и будут даны в работе.

Предпосылкой становления географического детерминизма в философии истории можно считать проявившуюся среди ученых и мыслителей XVIII в. идею о том, что

социальная история – продолжение истории природной. Наиболее законченное выражение она нашла в работе И. Г. Гердера «Идеи к философии истории человечества» (1784), которая открывается утверждением: «Философия истории человеческого рода должна начать с небес, чтобы быть достойной своего имени» [7, с. 13]. От физического мира И. Г. Гердер переходит к биологическому, а только потом – к социальному. Причем философ прекрасно видит связи живого и косного, одушевленного и неодушевленного, пронизывающие физический, биологический, социальный миры закономерности. Он пишет: «Как растение, человек и животное рождаются из семени, и семя, зародыш будущего дерева, тоже нуждается, чтобы вырасти, в теплой материнской оболочке... И жизнь нашу можно сравнить с жизнью растения: мы прорастаем, растем, цветем, отцветаем, умираем» [7, с. 40]. Следовательно, человек и общество существуют не сами по себе (как полагали некоторые античные, средневековые историки и философы, редуцирующие исторический процесс к истории человечества), а в рамках физического и биологического миров.

Однако констатировать подобный тезис мало. Возникает вопрос о факторах физического и биологического мира, решающим образом влияющих на формирование общества. И здесь начинается обширная дискуссия (особенно острая среди мыслителей XVIII в.). В качестве подобных параметров предлагаются: климат (Ж. Боден, Ш. Л. Монтескье); рельеф местности и почва (Ш. Л. Монтескье); воздух, его состав (Ж.-Б. Дюбо); «картина природы» (синтез климата, пищи, почвы, ландшафта у Г. Бокля [5]); водные ресурсы, под влиянием которых формировалось человечество (Л. И. Мечников) и даже <...> пища¹, употребляемая человеком.

Разумеется, рассмотреть в статье все подобные элементы построения историософских коэволюционных социо-природных концепций XVIII–XIX вв. не представляется возможным. Однако наиболее популярными (распространенными среди мыслителей) из данных факторов, позволивших создать особые законченные, относительно внутренне непротиворечивые теоретические конструк-

¹ Например, Я. Молешотт прямо утверждал: «Нельзя отрицать, что превосходство англичан и голландцев перед туземцами из колоний зависит от превосходства их мозга, которое обуславливается превосходством крови, зависящем от пищи» [19, с. 7]. Сходного мнения придерживался и Ж. О. Ламетри: «...Как велика власть пищи! Она рождает радость в опечаленном сердце...» [17, с. 183].

ции, выступали климат и вода. В работе они (на основе базовых параметров построения) названы климато- и аквацентрическими (от слова «аква» – вода) моделями. Отсюда автором ставится и будет далее решаться задача по выявлению предпосылок, базовых положений, эвристического потенциала указанных моделей.

Следует предупредить читателя: наше исследование неизбежно носит искусственно ограниченный характер. Ведь каждый конкретный мыслитель XVIII–XIX столетия часто стремился к синтезу разных факторов (к примеру, Ш. Л. Монтескье признавал существенное влияние на социум не только климата, но и рельефа местности, типа почвы, а Г. Бокль «прибавлял» к ним еще и пищу, которой люди питаются). Впрочем, иначе, без абстрагирования, работать станет крайне трудно.

Подобная задача определила и использованные в работе методы: моделирование (при выделении изучаемых моделей), структурно-функциональный анализ (при вычленинии предпосылок и базовых положений изучаемых моделей), абстрагирование (от иных кроме климата и водных пространств факторов, использовавшихся в географическом детерминизме, при реконструкции климато- и аквацентризма), сравнительный анализ (для сопоставления указанных моделей между собой и иными теоретическими конструктами в рамках географического детерминизма).

Климатоцентрическая модель в философии истории

Идею о зависимости становления общества от типа климата высказал еще Аристотель в работе «Политика»: «Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностями к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии» [2, с. 601].

Впрочем, через три века после Аристотеля Страбон приписывал данную мысль еще легендарному автору «Одиссеи» Гомеру, который отмечал, что европейские народы живут в умеренном климате и потому процветают. В подтверждение тезиса античный географ приводил следующие слова Гомера

о Менелая (почти «предвосхищавшие» позицию философов XVIII в.): «Ты за пределы Земли, на поля Елисейские будешь / Послан богами... / Где ни метелей, ни ливней, ни хладов зимы не бывает, / Где сладкошумно летающий веет Зефир Океаном» [25, с. 8]. Страбон четко зафиксировал и связь географии (включая климат) с политикой, ее нужность для властителей: «Ведь государи могут лучше управлять каждой отдельной страной, зная, как она велика, как расположена, в чем отличительные особенности ее климата и почвы» [25, с. 15].

В результате еще в античности сформировались предпосылки климатоцентрической модели в философии истории. Во-первых, на психологию народов и типы государственного устройства влияют географические факторы. Во-вторых, доминирующий среди них – климат. В-третьих, последний воздействует на формы (технологии) управления, используемые конкретным правителем. Данные тезисы предстояло увязать в систему базовых положений, что сделали мыслители XVI–XVII вв. и эпохи Просвещения.

На мой взгляд, сущность климатоцентрической модели выражают следующие положения (ярко отразившиеся еще в XVI в. у Ж. Бодена). Во-первых, каждая страна (исходя из доминирующего типа климата) должна была относиться к одной из трех групп: северной, южной, умеренной. У Ж. Бодена формально есть Восток и Запад, но один отнесен к югу, другой – к северу [4, с. 80–81]. Во-вторых, северная и южная зоны признавались некими крайностями, негативно влияющими на социальное развитие, а умеренная – позитивно (ибо якобы снимала их). Так, Ж. Боден просто поделил землю от экватора до полюса на три части: «Мы отдадим 30 градусов жары, столько же градусов – холоду и отведем 30 градусов той температурной зоне, в которой можно жить удобно и счастливо...» с определенными нюансами (горы, болота, отдельные зоны неплодородных почв и т. д.) [4, с. 80]. В-третьих, к странам с умеренным климатом в силу случайного «совпадения» попадало государство, где проживал данный (европейский) автор (например, Ж. Боден относил сюда кроме Италии, Верхней Германии, части Испании еще и «родную» Францию [4, с. 87]). В-четвертых, практиковалось выведение линейных зависимостей в системе «климат – социум». Логика оказывалась крайне простой: при жарком климате возникает одна политическая система, при холодном – другая, при умеренном – третья.

В-пятых, при таком подходе стимулировался поиск базового фактора, лежащего в основе самого климата: воздух (Ж.-Б. Дюбо), качество «внутренности Земли», ее испарений (Ж. Боден). Это обстоятельство положительно сказывалось на методологии философии истории, ибо активизировало поиск здесь причинно-следственных связей естественного происхождения (в отличие от креационистских версий философии истории Бл. Августина, И. Флорского, Ж. Боссюэ и др.).

Наиболее законченную в европейской философии версию климатоцентризма представил Ш. Л. Монтескье в XVIII в. в работе «О духе законов». Государства по типу господствующего климата поделены на «жаркие» (южные), «холодные» (северные), умеренные, где данным фактором определяется их политический режим. «Есть страны, жаркий климат которых настолько истощает тело и до того обессиливает дух, что люди исполняют там всякую трудную обязанность только из страха наказания. В таких странах рабство менее противно разуму; и так как там господин столь же малодушен по отношению к своему государю, как его раб по отношению к нему самому, то гражданское рабство сопровождается в этих странах политическим рабством» [20, с. 366]. Люди, живущие в государствах с холодным климатом, не только физически крепче, но и активнее, чем их собратья с юга. Причина опять-таки заключается в типе «воздуха». Как полагает Ш. Монтескье, «холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу» [20, с. 350]. Однако здесь затруднено развитие «разума», ибо сила людей уходит на выживание, сопротивление природе. Впрочем, редко возникают и деспотические политические режимы.

Разумеется, лучшие страны – те, где доминирует умеренный климат (и проживает сам Ш. Монтескье). «В Европе, напротив, умеренный пояс очень обширен; и хотя он охватывает страны с весьма различными климатами, например, Испанию с Италией и Норвегию со Швецией, однако так как климат становится более холодным от юга к северу лишь постепенно, почти пропорционально широте каждой страны, то каждая страна по своему климату весьма сходна с соседней; в этом отношении там не встречается резких различий, и, как я только что сказал, умеренный пояс занимает там очень большое пространство» [20, с. 388]. Отсюда у Ш. Монтескье следуют далеко идущие политические выводы: «В Азии народы

противостоят друг другу, как сильный слабому; народы воинственные, храбрые и деятельные непосредственно соприкасаются с народами изнеженными, ленивыми и робкими, поэтому один из них неизбежно становится завоевателем, а другой – завоеванным. В Европе, напротив, народы противостоят друг другу как сильный сильному; те, которые соприкасаются друг с другом, почти равно мужественны. Вот где великая причина слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства Азии, причина, насколько мне известно, никем еще не выясненная. Вот отчего в Азии свобода никогда не возрастает, между тем как в Европе она возрастает или убывает, смотря по обстоятельствам» [20, с. 389]. Получается своеобразная логика: либо из Европы в Азию приходят «воинственные, храбрые и деятельные» народы, либо один из местных народов почему-то становится таковым и подчиняет «изнеженных, ленивых и робких» соседей.

Каковы итоги развития модели? Они оказались противоречивыми. С одной стороны, климат как элемент природной среды признали важным фактором исторического процесса различные представители европейской историософии. Однако, с другой стороны, доминирующим видели его далеко не все мыслители. Так, по мнению Вольтера, «три вещи влияют на человеческий разум: климат, правительство и религия». Но их иерархия различна: «Климат имеет некоторое влияние, но правительство в *сто раз большее* (курсив мой – В. Н.). Религия вместе с правительством обладает еще большим влиянием» [цит. по: 14, с. 191].

У климатоцентристов возникали трудности и в методологии анализа. Соотношение климата с иными факторами природной среды как детерминантами исторического процесса либо не фиксировалось совсем, либо произвольно менялось мыслителем в разных произведениях. Здесь господствовал полный плюрализм. У Ш. Монтескье наряду с климатом признавалось влияние на ход исторического процесса и рельефа местности [20, с. 391], и характера почвы [20, с. 392]. Лучше дела обстояли в позиции Ж.-Б. Дюбо. Он вывел более «длинный» причинно-следственный ряд, чем Ш. Монтескье. Считал, что дух человека определяется его кровью, она – воздухом, которым люди дышат, начиная с детства. «Сами же качества воздуха зависят от испарения почвы, которую обволакивает этот воздух» [11, с. 391]. Допустим, Ж.-Б. Дюбо прав. Однако возникает резонный вопрос: где остано-

виться, на каком факторе, ведь очевидно, что и «испарения почвы» тоже от чего-то зависят? Ответа нет. Вместо этого в цепи «испарения почвы – воздух – кровь – дух человека – характер народа» Ж.-Б. Дюбо опять объявляет доминирующим элементом «воздух», который ранее поставил в зависимость от «испарений почвы». На противоречие внимание не обращается. Мыслитель делает следующий «убедительный» вывод: «причины перемен, происходящих в нравах и одаренности жителей разных стран, следует искать в изменениях, затрагивающих свойства тамошнего воздуха, подобно тому, как отличия между характерами разных народов принято объяснять разницей между свойствами воздуха их стран» [11, с. 422]. Логика Ж.-Б. Дюбо снова буквально «держится» за воздух. Короче говоря, понять, какими факторами детерминирован климат как параметр исторических трансформаций, выстроить их в систему у климатоцентристов не получилось.

Наконец, явно просматривается европоцентризм климатоцентристов, их желание отождествить регион собственного проживания с умеренным климатом, «лучшим» из существующих типов, что порой тоже приводило к существенным противоречиям. Попробуем объявить (как полагал Ш. Монтескье) европейские народы поголовно «мужественными», «деятельными» в противовес «изнеженным, ленивым и робким» жителям Азии, проживающим на юге. Тезис входит в противоречие с историческими фактами. Например, экспансия Османской империи (большая часть территорий которой располагалась в жарком климате) в Европу продолжалась более 150 лет и была остановлена под Веной только в 1683 г. Получалось, что османы были более деятельными и мужественными, чем европейцы, которые с ними боролись. Но тогда практика опровергает постулат о превосходстве народов, живущих в умеренном климате над иными, проживающими в жарком, что тоже не говорит в пользу климатоцентристов.

В итоге понятие «климат» оставалось неопределенным и, как правило, отождествлялось с температурными максимумами в данной местности (отсюда его оценки мыслителями как «жаркого», «холодного», «умеренного»). Однозначной дефиниции базовой категории у климатоцентристов не сложилось. Ее содержание оставалось крайне абстрактным для понимания, подвергалось многочисленным (часто противоречащим друг другу) интерпретациям. Поэтому в XIX в. в историософии найден более

конкретный фактор природно-социальных трансформаций: вода.

Аквацентрическая модель в философии истории

Мысль о том, что «начало всего – вода» приписывают еще основателю Милетской школы Фалесу (640/624–548 гг. до н. э.) [10, с. 71]. Аристотель же полагал, что, по Фалесу, сама земля держится на воде «благодаря своей плавучести подобно дереву или чему-то в этом роде» [1, с. 268]. Античный философ-диалектик Гераклит из Эфеса (544–483 гг. до н. э.) пояснил на примере воды изменчивость мира в знаменитых утверждениях: «Все течет, все изменяется», «нельзя в одну и ту же реку войти дважды». Так что совсем новой признать данную идею нельзя.

Более того, вывод о важности воды для жизни людей и социума можно было сделать эмпирическим путем: наблюдая соотношение водного пространства и суши на поверхности Земли, потребность человека в питье для выживания, сезонное выпадение осадков в виде дождя или снега, жидкого состояния семени многих живых существ и т. п. признакам. Не чужды данному тезису позднее оказались и некоторые климатологи. Скажем, у Ж. Бодена можно встретить такое замечание: «даже препятствие в виде одной-единственной реки обуславливает различие в природе народов. Когда у реки, отделяющей южан от северян, довольно большая протяженность... то общение и торговля между народами затруднены. Поэтому между этими народами часто вспыхивают междоусобицы» [4, с. 123]. Отечественный историософ начала XX в. В. М. Хвостов, показывая влияние данной стихии на социум, даже отмечал: «Вся всемирная история сложилась бы иначе, если бы на земле было *другое распределение суши и моря* (не 29,2 на 70,8 % соответственно – *В. Н.*)» [29, с. 218]. Как могла бы сложиться социальная история при ином соотношении суши и воды – тема отдельного анализа, требующего специальной методологии [см.: 22], но с философом трудно не согласиться.

В результате предпосылка аквацентрической модели оказалась эмпирической: окружавшие сушу, где жили люди, располагавшиеся на ней самой водные массивы, не могли не натолкнуть мыслителей, ученых на предположение об их доминировании в историческом процессе, построении на подобной основе теоретической конструкции.

Однако для создания особой историософской модели требовалось нечто большее: классифицировать имеющиеся водные «источники», установить степень влияния каждого на ход исторического процесса, поставить их в зависимость от иных факторов. Задачу решил (на качественно иной научной базе, чем была в XVI–XVIII вв.) отечественный географ, историософ XIX в. Л. И. Мечников в работе «Цивилизация и великие исторические реки» [18].

По мнению автора, базовые положения аквацентрической модели могут быть обобщены следующим образом. Становление цивилизации существенным образом зависит от типа водоема, под влиянием которого она развивается. Данных водных бассейнов насчитывается три: реки, моря, океаны. Существует специальный закон исторического развития, выражающий их динамику, гласящий: речную цивилизацию сменяет морская, ее – океаническая [18, с. 328]. По мнению Л. И. Мечникова, «четыре древнейшие великие культуры (китайская, индийская, ассиро-вавилонская, египетская – *В. Н.*) все зародились и развивались на берегах больших рек» [18, с. 328]. «По прошествии ряда веков *поток цивилизации* (курсив мой – *В. Н.*) спустился к морю и распространился по его побережью» [18, с. 329]. Так появилась первая морская, средиземноморская цивилизация. Затем благодаря открытиям Х. Колумба приходит черед становления океанической цивилизации. Причем Л. И. Мечников выводит определенную закономерность: речные цивилизации – замкнутые (автаркичные), морские – региональные, океанические – международные (говоря современным языком – глобальные) [18, с. 334]. Отсюда выделялись три вида обществ (цивилизаций): речные, морские, океанические, сменявшие друг друга.

Каковы заслуги аквацентристской модели в формировании философии истории, отражающей коэволюцию природного и социального мира, вызванную ей причинность? Во-первых, выделен четкий эмпирически фиксируемый, монистический фактор исторических трансформаций – водные бассейны различных объемов. (Вместо «чехарды» из «воздуха», «испарений почвы», «крови» людей и т. п. факторов, как у климатологов.) Во-вторых, определена динамика движения человечества из-за подобной детерминанты (сначала вдоль рек, потом – выход в более широкий средиземноморский регион, распространение по его побережью, переход на глобальный – океанический уровень). Символично, что, как и сама вода,

у Л. И. Мечникова цивилизация «течет» («поток цивилизации спустился к морю»), т. е. как бы принимает динамику базового фактора. В-третьих, Л. И. Мечниковым выведен закон смены трех фаз развития цивилизации: речной – морской – океанической. Хотя ученый и не дает его точной формулировки, но это был существенный шаг вперед по сравнению с климатоцентризмом Ж. Бодена – Ш. Монтескье, где такие закономерности универсального порядка не фиксировались, а преобладали эмпирические обобщения. В-четвертых, аквацентрическая модель выступала не только как описательная, но и как прогностическая. Так, Л. Мечников выводит на основе своего закона умозаключение о судьбе речной цивилизации. Она «должна рано или поздно погибнуть: или быть поглощенной в широком потоке, или развиваться в более обширную морскую цивилизацию» [18, с. 333–334]. В-четвертых, Л. И. Мечниковым высказана плодотворная (в XX в. подхваченная сторонниками мир-системного анализа [3, с. 51–53]) идея о перемещении «центра цивилизации» из одного региона в другой, символами которого выступают определенные города, т. е. своеобразной «исторической эстафете». Так, при смене цивилизации с морской (средиземноморской) на океаническую-атлантическую, по мнению ученого, «Константинополь, Венеция и Генуя потеряли свое значение, и во главе культурного движения встали Лиссабон, Париж, Лондон и Амстердам» [18, с. 335]. В-пятых, всемирная история представлена как движущаяся от локальных, замкнутых (речных) цивилизаций к региональным (морским) и глобальным (океаническим).

Разумеется, многие идеи, высказанные в аквацентрической модели, так и остались не развитыми, не получили подробного изложения у Л. И. Мечникова, оказались востребованными только в XX в.

Рассмотрим и недостатки реконструируемой модели. Одно из возражений эмпирического порядка, которое можно поставить в упрек аквацентризму в редакции Л. И. Мечникова, звучит так: а где же озера? Ведь данный вид водных пространств тоже оказал существенное воздействие на генезис цивилизации. Так, Великие озера повлияли на становление специфического варианта социума: североамериканской цивилизации (США и Канада), возникновение ряда крупных городов-портов (Чикаго, Милуоки, Детройт, Кливленд, Буффало, Торонто). Важно, что данная система водоемов содержит 84 % пресной воды североамери-

канского континента. Немало народов сформировалось на берегах озера Байкал еще до появления там русских в XVII в. (эвенки, буряты, баргуты и др.). Аральское и Каспийское моря тоже являются по сути большими озерами, вокруг которых располагались значительные группы людей. Так что «озерные цивилизации» тоже имели бы право на существование. Правда, здесь крылся и порок, который Л. И. Мечников, видимо, интуитивно, попытался избежать: искусственно ограничил модель тремя типами водоемов (реки, моря, океаны), чтобы не принимать в расчет иные виды водного пространства. Однако такой подход существенно обеднил, схематизировал аквацентризм.

Кроме того, по свидетельству самого Л. И. Мечникова, выявить отличия водоемов (морей и океанов) между собой сложно. «Но всякий океан, в особенности Атлантический, есть не что иное, как более обширное внутренне межматериковое море. Всякое внутреннее море является океаном в миниатюре... Вообще все исторические подразделения имеют чисто условный и относительный характер...» [18, с. 334]. Сюда можно добавить и иные «трудности». Некоторые обозначенные на географических картах моря (Аральское, Каспийское) по сути являются большими озерами (ибо не имеют связи с иными морями), а озера (Байкал) близки по размерам к морям. Соответственно, классификация цивилизаций на такой основе становится достаточно относительной, но критериев размежевания таксономических (классификационных) единиц, их границы ученым не предложены. Это, на мой взгляд, – предмет работы специалистов, которые попытаются возродить аквацентризм в современной философии истории.

Следующий контраргумент заключается в том, что закон Л. И. Мечникова о движении цивилизации по линии реки – моря (средиземноморский регион) – океаны (побережье Атлантики) «есть в сущности не закон в смысле общей формулы, но только краткий пересказ хода всемирной истории» [29, с. 220]. Согласиться с этим положением сложно. «Общая формула» (выраженная динамикой смены цивилизаций и их порядком) в его модели присутствует.

Третий контраргумент заключен в том, что Л. Мечников «ничего не сказал ни о причинах возникновения первых цивилизаций, ни о силах, которые определили переход от одного великого периода в развитии цивилизованного человечества к другому» [24, с. 208]. Формально ученый действительно

считает вопрос о происхождении цивилизации на Земле «неразрешимым» [18, с. 328], одним из «самых темных» [18, с. 326], не указывает прямо: почему речные цивилизации сменяются морскими, а те – океаническими? Ответ следует, на мой взгляд, искать косвенный в оговорке, что законы смены цивилизаций «протекали каждый в своей собственной географической среде» [18, с. 328]. Здесь есть, на мой взгляд, не до конца проработанная попытка выделить популярный ныне среди социальных теоретиков механизм «вызов – ответ» [9], который в XX в. будет обособлен применительно к цивилизациям А. Дж. Тойнби [26, с. 119–120].

В аквацентризме географическая среда в лице разнотипных водоемов задает некие «рамочные» условия, которые должны преодолевать живущие в данной местности люди («вызов»), что порождает «ответ» (конкретные социальные образования локального или глобального типа). Когда потенциал развития «ответа» в одной фазе истории исчерпывался, начинается следующий. А. Тойнби говорит практически о том же самом, что и Л. И. Мечников. О роли рек в становлении цивилизации: «Первые вызовы, которые можно зафиксировать в человеческой истории, были сделаны дельтами рек – Нила, Иордана, Тигра и Евфрата, Инда...» [26, с. 113]. «Афразийская засуха заставила отцов шумерской цивилизации переселиться в устья рек Тигра и Евфрата и преобразовать болотистые низины в плодородную землю» [25, с. 114]. Минойская же цивилизация, по мнению А. Тойнби, «была ответом на вызов, не встречавшийся еще ранее (курсив мой – В. Н.), – вызов моря» [25, с. 116], названный им «вызов Посейдона» [26, с. 118], т. е. в его концепции развитие цивилизаций, как и у Л. И. Мечникова, тоже идет от речных к морским. Совпадают и итоги. «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние» [26, с. 119–120]. Л. И. Мечников, наверно, согласился бы с этим умозаключением относительно влияния речных, морских, океанических цивилизаций на становление конкретного социума.

Есть здесь и существенное отличие позиций. Для А. Тойнби «вызов» задается более широким комплексом факторов (а не только водоемами, как у Л. И. Мечникова). Он указывал субъекта формирования «ответа» – «творческое меньшинство» [26, с. 259], чего не было в аквацентристской модели. Но без аквацентризма выделение механизма «вы-

зов-ответ» в более «зрелом» цивилизационном подходе XX в. тоже, на мой взгляд, не состоялось бы.

Наконец, на мой взгляд, Л. И. Мечников не избежал порой категоричных обобщений в духе климатоцентризма Ж. Бодена – Ш. Монтескье, принятия его отдельных положений (что говорит о некоторой преемственности обеих моделей). О южных народах (якобы до сих пор не создавших «прочной цивилизации») он, в частности, писал: «жители жаркого пояса, получая в изобилии и почти без всяких координированных усилий с их стороны (курсив мой – В. Н.) все необходимое для материального благоденствия, по этой причине лишены единственного стимула к труду, к изучению окружающего мира и к солидарной, коллективной деятельности». Да и околополярные области на крайнем севере и юге тоже якобы из-за климата непригодны для «образования мощных человеческих коллективов» [18, с. 273]. Отсюда в Старом Свете, Индии, Иране цивилизации «сосредоточены исключительно в умеренном поясе» [18, с. 274]. К сожалению, подобный тезис, в значительной мере устаревший во второй половине XIX в., противоречивший эмпирическим данным (особенно о «беззаботной» жизни и вызванной ею перманентной «лени» южных народов), не был подвергнут ревизии и в аквацентризме Л. И. Мечникова.

Заключение

Как оценивают географический детерминизм в климато- и аквацентрической версиях современные специалисты по философии истории? Довольно по-разному. И. А. Гобозов видит позитив в отрицании теологической трактовки движущих сил исторического процесса, а негатив – в невозможности учесть «качественное своеобразие общества» [8, с. 39]. Ю. И. Семенов полагает, что Ш. Монтескье, Л. Мечников и иные мыслители, придерживающиеся аналогичной позиции, верно отметили влияние климата на формы государственного правления, но «для понимания причин развития общества географический детерминизм <...> не давал по существу ничего» [24, с. 157]. Согласиться с подобными суждениями полностью нельзя. Географический детерминизм содержал позитивные моменты как в методологическом, так и в мировоззренческом плане, полезные для становления философии истории и смежных с ней дисциплин. Остановимся лишь на некоторых из них:

1. Данная позиция не только отрицала теологию, но заставляла ученых-гуманитариев

и философов обращать пристальное внимание на физические факторы (диапазон которых постоянно расширялся), что позволяло создать более точные модели исторического процесса, препятствовало редукции последнего исключительно к социальной истории (тенденция к которой наметилась в античности и средневековье у историков и философов, осмыслявших прошлое).

2. Соединение климатоцентризма и аквацентризма (с добавлением сюда такого важного географического фактора, как суша) даст в будущем, в XX в., «всходы» в виде столь неоднозначной дисциплины, как геополитика [28, с. 28–30]. Но ясно, что без исследований Ж. Бодена, Ш. Монтескье и Л. Мечникова она бы не смогла появиться.

3. Влияние географического детерминизма прослеживается в одной из первых в XIX в. спекулятивных (идеалистических) моделей философии истории, нашедшей отражение у Г. В. Ф. Гегеля [6]. Конечно, для немецкого философа история мыслится как сфера манифестации Мирового духа (разума) [6, с. 65]. Прогресс выражается в осознании людьми свободы: «восточные народы знали только, что *один* (правитель – *В. Н.*) свободен, а греческий и римский мир знал, что *некоторые* (наделенные гражданскими правами – *В. Н.*) свободны, мы же знаем, что свободны все люди в себе, т. е. человек свободен как человек» [6, с. 72], ибо так развивается Мировой дух. Однако Г. Гегель вслед за Ж. Боденом, Ш. Монтескье и другими географическими детерминистами признает, что у всемирной истории есть, помимо главной (духовной), еще и «географическая основа» [6, с. 126–146]. Последняя – лишь «внешняя» историческая почва для манифестации Духа, но и ее тоже важно знать [6, с. 126]. Философ выделил три вида географических ландшафтов, участвующих в образовании государств: 1) плоскогорье; 2) низменности; 3) прибрежные (прилагающие к морям) территории [6, с. 134–135]. Верно (еще до появления аквацентризма Л. Мечникова) отметил решающую роль рек при образовании восточных государств и то, что они объединяют народы, ибо «страны суть не что иное, как бассейны рек» [6, с. 135], а также – морей [6, с. 135–136]. Даже ход всемирной истории у Г. Гегеля носил ярко выраженный географический характер: с Востока на Запад, «так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало» [6, с. 147]. В итоге (несмотря на фрагментарную разработку данных идей) позиция Г. Гегеля выступала переходной от климато- к аквацентризму

концепцией в рамках географического детерминизма.

4. Рассуждения Ш. Монтескье, Вольтера и других мыслителей эпохи Просвещения о важной роли климата в истории дошли до правителей, оказали влияние на принятие соответствующих решений, использование определенных управленческих технологий, т. е. становление системы властных отношений в европейской (западной) традиции. Так, в работе наследника престола Пруссии Фридриха, написанной за год до восхождения на трон и начала превращения в короля, которому современники заслуженно дали прозвище «Великий», читаем: «Различие климата, питания и воспитания людей создает абсолютное неравенство между ними в жизни и умонастроении, а в этом и заключается причина того, что, например, итальянский монах является человеком совсем другого рода, нежели китайский мудрец» [27, с. 28]. Представления о решающей роли географии (вкупе с органицистским отождествлением государства и организма, «тела») в деле государственного строительства можно найти и в таком высказывании Фридриха: «Государи являются первоначалом движения в государственном теле, и им нельзя оставлять центра своих владений, дабы не пришли в упадок уже находящиеся под их властью территории» [27, с. 24]. Здесь речь идет об определенной управленческой технологии, порожденной исследуемой историософской концепцией.

О необходимости учета экологической проблематики в ходе государственного регулирования экономической и политической сфер говорят и современные ученые [21]. В этом тоже очевидна определенная заслуга Ж. Бодена, Ш. Монтескье, Л. И. Мечникова и их последователей XVIII–XIX вв.

5. В гносеологическом плане географический детерминизм повлиял на формирование в XX в. целого ряда концепций. Сюда можно отнести: «вызов-и-ответ» А. Тойнби (у него один из вариантов «вызова» как раз и приходит от природной, в т. ч. водной и климатической среды); «гелиотараксии» А. Чижевского (реконструирующей циклы влияния Солнечной активности на социальную историю); этногенеза Л. Н. Гумилева (ее базовая посылка – приходящий из космоса «пассионарный толчок» запускает механизм формирования различных этносов, их становления в рамках природной среды, продолжающегося около 1200 лет); «социоестественную историю» Э. С. Кульпина [15], «климатологическую» версию европейской средневековой истории Э. Ле Руа

Ладюри [16], экоцентризм (как альтернатива антропо- и биоцентризму) [13] и др. Значит, географический детерминизм в целом, климато- и аквацентризм – в частности стали специфическими историософскими парадигмами, т. е. дали базовые положения, из которых в дальнейшем выросли ряд частных концепций.

Действительно, при таком подходе мыслители не всегда находили ответы на многие вопросы. Почему одни народы (жившие на территории со сходным климатом) развиваются гораздо быстрее других? Почему человек смог (в отличие от иных животных) не только приспособиться к окружающей среде, но и приспособить ее для удовлетворения собственных потребностей? Продолжает ли географическая среда оказывать решающее влияние на развитие современного общества или в нем на первый план выходят иные (техника, наука) факторы? Однако и отрицать заслуги сторонников географического детерминизма (в климато- и аквацентрической версиях) на становление философии истории не только в XVI–XIX вв., но и в XX в. не имеет смысла.

1. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М. : Мысль, 1969. 580 с.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 701 с.
3. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб. : Питер, 2014. 288 с.
4. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М. : Наука, 2000. 412 с.
5. Бокль Г. История цивилизации в Англии. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1896. 652 с.
6. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 480 с.
7. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. 703 с.
8. Гобозов И. А. Введение в философию истории. М. : Гуманитар. знание, 1993. 307 с.
9. Губанов Н. Н., Губанов Н. И., Волков А. Э. Вызов Аполлона как драйвер системы образования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Философия. 2017. № 4 (26). С. 12–22.
10. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1979. 620 с.
11. Дюбо Ж.-Б. Критические размышления о Поэзии и Живописи. М. : Искусство, 1976. 767 с.
12. Историки античности : в 2 т. Т. 1. М. : Правда, 1989. 624 с.
13. Кишкин Н. В., Нехамкин В. А. Понятие «эконцентризм»: научно-философское содержание // Гуманитарный вестник. 2017. № 8 (58). С. 4. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/459.html> (дата обращения: 24.04.2018).
14. Кузнецов В. Н. Франсуа Мари Вольтер. М. : Мысль, 1978. 223 с.

15. Кульпин-Губайдулин Э. С. Социоестественная история: от метода к теории, от теории – к практике. Волгоград : Учитель, 2014. 336 с.

16. Ладюри Э. Л. История климата с 1000 года. Л. : Гидрометеоздат, 1971. 280 с.

17. Ламетри Ж. О. Сочинения. М. : Мысль, 1983. 509 с.

18. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М. : Прогресс : Пангея, 1995. 464 с.

19. Молешотт Я. Физиологические эскизы. М. : Изд-во Н. Полякова, 1865. 412 с.

20. Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М. : Госполитиздат, 1955. 803 с.

21. Нифаева О. В., Нехамкин А. Н. Цивилизованная модель российской экономики: прошлое, настоящее, будущее // Экономика и предпринимательство. 2013. № 12-3 (41-3). С. 55–60.

22. Нехамкин В. А. Контрфактические исторические исследования // Историческая психология и социология истории. 2011. Т. 4. № 1. С. 102–120.

23. Раппопорт Х. Философия истории в ее главнейших течениях. СПб. : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1898. 180 с.

24. Семенов Ю. И. Философия истории. От истоков до наших дней: основные проблемы и концепции. М. : Старый сад, 1999. 380 с.

25. Страбон. География. М. : Ладомир, 1994. 942 с.

26. Тойнби А. Постижение истории. М. : Прогресс, 1991. 730 с.

27. Фридрих Великий. Анти-Макиавелли, или Опыт возражения на Макиавеллиеву науку об образе государственного правления. М. : РИПОЛ-классик ; СПб. : Пальмира, 2017. 243 с.

28. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М. : Мысль, 2001. 426 с.

29. Хвостов В. М. Теория исторического процесса. Очерки по философии и методологии истории : курс лекций. М. : Ком Книга, 2006. 392 с.

References

1. Antologiya Mirovoj filosofii (1969): v 4 t. T. 1. Ch. 1. Moscow, Mysl', 580 p. [in Rus].
2. Aristotel' (1983) Sochineniya: v 4 t. T. 4. Moscow, Mysl', 701 p. [in Rus].
3. Attali Zh. (2014) Kratkaya istoriya budushchego. St.Petersburg, Piter, 288 p. [in Rus].
4. Boden Zh. (2000) Metod legkogo poznaniya istorii. Moscow, Nauka, 412 p. [in Rus].
5. Bokl' G. (1896) Istoriya civilizacii v Anglii. St. Petersburg, Tipografua Yu.N. Ehrlih, 652 p. [in Rus].
6. Gegel' G.V.F. (1993) Lekcii po filosofii istorii. St.Petersburg, Nauka, 480 p. [in Rus].
7. Gerder I.G. (1977) Idei k filosofii istorii chelovechestva. Moscow, Nauka, 703 p. [in Rus].
8. Gobozov I.A. (1993) Vvedenie v filosofiyu istorii. Moscow, Associaciya gumanitarnoe znanie, 307 p. [in Rus].
9. Gubanov N.N., Gubanov N.I., Volkov A.E. (2017) Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofiya, no. 4 (26), pp. 12–22. [in Rus].
10. Diogen Laehrtskij (1979) O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenitih filosofov. Moscow, Mysl', 620 p. [in Rus].

11. Dyubo Zh.-B. (1976) Kriticheskie razmyshleniya o Poehzii i Zhivopisi. Moscow, Izd-vo Iskusstvo, 767 p. [in Rus].

12. Istoriki antichnosti (1989): v 2 t. T. 1. Moscow, Pravda, 624 p. [in Rus].

13. Kishkin N.V., Nekhamkin V.A. (2017) *Gumanitarnyj vestnik: jelektronnyj zhurnal*, no. 8 (58), p. 4. Available at: <http://hmbul.ru/catalog/hum/phil/459.html>, accessed 24.04.2018 [in Rus].

14. Kuznecov V.N. (1978) *Fransua Mari Vol'ter*. Moscow, Mysl', 223 p. [in Rus].

15. Kul'pin-Gubajdulin Eh.S. (2014) Socioestestvennaya istoriya: ot metoda k teorii, ot teorii – k praktike. Volgograd, Uchitel', 336 p. [in Rus].

16. Ladyuri E.L. (1971) *Istoriya klimata s 1000 goda*. Leningrad, Gidrometeoizdat, 280 p. [in Rus].

17. Lametri Zh.O. (1983) *Sochineniya*. Moscow, Mysl', 509 p. [in Rus].

18. Mechnikov L.I. (1995) *Civilizaciya i velikie istoricheskie reki*. Moscow, Progress, Pangeya, 464 p. [in Rus].

19. Moleshott Ya. (1865) *Fiziologicheskie ehskizy*. Moscow, Izdatel'stvo N. Polyakova, 412 p. [in Rus].

20. Montes'k'e Sh.L. (1955) *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Gospolitizdat, 803 p. [in Rus].

21. Nifaeva O.V., Nekhamkin A.N. (2013) *Jekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 12-3 (41-3), pp. 55–60 [in Rus].

22. Nekhamkin V.A. (2011). *Istoricheskaya psichologiya i sociologiya istorii*, no. 1 (4), pp. 102–120 [in Rus].

23. Rappoport H. (1898) *Filosofiya istorii v ee glavnejshih techeniyah*. St.Petersburg, Tipografiya Yu.N. Ehrlih, 180 p. [in Rus].

24. Semenov Yu. I. (1999) *Filosofiya istorii. Ot istokov do nashih dnei: osnovnye problemy i koncepcii*. Moscow, Staryj sad, 380 p. [in Rus].

25. Strabon (1994) *Geografiya*. Moscow, Ladimir, 942 p. [in Rus].

26. Tojnbi A. (1991) *Postizhenie istorii*. Moscow, Progress, 730 p. [in Rus].

27. Fridrih Velikij (2017) *Anti-Makiavelli, ili Opyt vozrazheniya na Makiavellievu nauku ob obraze gosudarstvennogo pravleniya*. Moscow, RIPOL-klassik, St.Petersburg, Pal'mira, 243 p. [in Rus].

28. Hauskhofer K. (2001) *O geopolitike. Raboty raznyh let*. Moscow, Mysl', 426 p. [in Rus].

29. Hvostov V.M. (2006) *Teoriya istoricheskogo processa. Ocherki po filosofii i metodologii istorii*. Moscow, Kom Kniga, 392 p. [in Rus].

For citing: Nekhamkin V.A.

Geographical necessarianism as a movement in philosophy of history of XVIII–XIX centuries: possibilities and limits //

Socium i vlast'. 2018. № 3 (71). P. 119–128.

UDC 140.8; 910.1

GEOGRAPHICAL NECESSARIANISM AS A MOVEMENT IN PHILOSOPHY OF HISTORY OF XVIII–XIX CENTURIES: POSSIBILITIES AND LIMITS

Valery A. Nekhamkin,

Bauman Moscow State Technical University, Professor of the Department Chair of Philosophy, Doctor of Philosophy, Professor. The Russian Federation, 119602, Moscow, ulitsa Nikulinskaya, d. 15, building 1 E-mail: nechamkin@rambler.ru

Annotation

The article gives evaluation to the role of geographical necessarianism in forming philosophy of history of XVIII–XIX centuries. The author justifies the thesis according to which this movement proceeds from the assumption of involving social history into natural environment, their co-evolutional development in contrast with anthropocentric historiography dominated before. In the framework of geographical necessarianism the author points out the following models: climatocentric and aquacentric. It is stated that the followers of the first model proceeded from climate dominating, the second – of water dominating in their impact on the society. Factors, fundamental propositions, positive sides and drawbacks of each model are pointed out. The author shows heuristical potential of these models in historiography of XVIII–XIX centuries. The author points out to ambiguous impact of climate centrism and aqua centrism on developing different conceptions in the philosophy of history of XX–XXI centuries. It is shown that geographical necessarianism acted in the role of a specific paradigm in historiography of XX century and later.]

Key concepts:

model, geographical necessarianism, climatocentrism, aquacentrism, philosophy of history.

Для цитирования: Баева М. А., Кузнецова А. Е. Использование механизмов региональных интеграционных объединений для увеличения конкурентоспособности российских образовательных услуг // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 129–139.

УДК 338.2

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ДЛЯ УВЕЛИЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ¹

Баева Марина Алексеевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российский центр исследований АТЭС, научный сотрудник.
Российская Федерация, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82.
E-mail: baevama@ranepa.ru

Кузнецова Анна Евгеньевна,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российский центр исследований АТЭС, научный сотрудник.
Российская Федерация, 119571, г. Москва, проспект Вернадского, 82.
E-mail: anna.igta@gmail.com

Аннотация

Рассматривается важность интернационализации высшего образования, в частности увеличения конкурентоспособности экспорта российских образовательных услуг через использование механизмов Форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС). Несмотря на сохраняющийся приоритет аналитической работы, в настоящее время в повестке АТЭС происходит заметный сдвиг в сторону рассмотрения конкретных вопросов, связанных с торговлей образовательными услугами (взаимное признание квалификаций, обеспечение и оценка качества трансграничного образования, развитие системы аккредитации поставщиков образовательных услуг), что может сделать форум одной из важнейших площадок для продвижения российских интересов в области международного образовательного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, в статье приводится сравнение механизмов АТЭС с механизмами БРИКС в сфере образования.

Ключевые понятия:

Россия в АТЭС, интернационализация образования, образовательные услуги, международная торговля услугами, региональная экономическая интеграция.

¹ Статья подготовлена в рамках НИР «Повестка АТЭС по развитию человеческого капитала: возможности для России», выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2017 г.

В настоящий момент образование и наука являются примерами немногих областей сотрудничества, в которых международные контакты России, в том числе с западными странами, не только не снижаются, но и активизируются. В связи с этим видится целесообразным рассмотреть возможности расширения интеграции России в международное образовательное пространство; увеличения количества иностранных студентов, как проходящих обучение внутри России, так и обучающихся по российским программам в других странах; улучшения имиджа российского образования за рубежом, в том числе посредством участия в различных совместных региональных программах в сфере образования.

Одной площадкой для такой работы может стать форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (далее – АТЭС), объединяющий 21 экономику Азиатско-Тихоокеанского региона². Сегодня дискуссия экономик АТЭС в области образовательного сотрудничества все больше сдвигается в сторону обсуждения прикладных вопросов, связанных с торговлей образовательными услугами, что может сделать форум одной из площадок для повышения привлекательности и конкурентоспособности России на международном рынке образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Международный рынок образования определяется как «система отношений между производителями, поставщиками и потребителями образовательных услуг, предоставляемых гражданам за пределами их стран, а также иностранными учреждениями на внутренних рынках, в том числе с использованием информационных и сетевых технологий» [7, с. 5]. Под процессом интернационализации высшего образования на национальном, секторальном и институциональном уровнях понимается процесс использования инструментов международного, межкультурного и глобального измерения целей, функций и/или предоставления услуг высшего образования [21, с. 2]. Кроме того, отмечается появление новых форм интернационализации в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий и онлайн образования.

Вопросы интернационализации высшего образования рассматривали в своих работах, к примеру, такие авторы, как В. А. Галичин, И. С. Иванов, В. Е. Бочков, Г. А. Краснова, В. М. Филиппов, М. В. Ларионова, В. В. Комлева, М. Л. Агранович, Н. А. Михальченкова и другие.

Более узкие вопросы прикладного характера (к примеру, проблемы и перспективы

² Термин «экономика» применяется к участникам АТЭС в связи с тем, что в форум помимо стран отдельно входят две территории Гонконг и Китайский Тайбэй (Тайвань).

программ двойных дипломов с участием российских вузов) изучаются в работах таких авторов, как В. Д. Бадулин [1], Л. А. Боков [3], Е. В. Викторова [6], В. П. Грахов, С. А. Мохначев, Н. В. Исакова, Ю. Г. Кислякова, У. Ф. Симакова [8], Н. В. Панков и О. Ю. Соколова [18] и других.

Некоторые авторы анализируют опыт совместных образовательных программ России и отдельных стран, преимущественно Китая (см., например, И. С. Иванов [9] и Г. А. Краснова [10]). В работе С. Б. Макеева [15] делается вывод том, что, несмотря на недостаточный уровень российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере, более 10 вузов Иркутской области ведут различное взаимодействие с вузами провинций КНР, при этом между вузами имеется соответствующая нормативно-правовая база. Опыт совместной образовательной деятельности Волгоградского государственного социально-педагогического университета с университетами Китая анализируется в работе Т. М. Терещенко [19]. Опыт открытия совместного инженерного института, созданного Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого и Цзян-суским педагогическим университетом, изучается в работе В. Ли, И. И. Баранова [14]. Также об особенностях сотрудничества России и Китая в области совместных образовательных программ см. О. А. Борисенко, Жан Яан [4]. Сравнительный анализ университетского образования в России и в Европе в современном контексте интеграционных процессов проводится, к примеру, в работе Е. И. Бражник, Н. Н. Суртаева, Ж. Б. Суртаева [5]. Образовательные пространства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Европейского союза (ЕС) рассматриваются, к примеру, в работе Г. А. Краснова, Е. А. Полушкина [11]. Проблемы работы филиалов зарубежных вузов в различных странах анализируются, в работах Р. Бекер [2] и О. И. Беспалова [12]. Важным аспектом при увлечении конкурентоспособности российского экспорта образовательных услуг является также изучение международного опыта других стран (см. Т. А. Мешкова [17]). Сетевое взаимодействие вузов анализируется, к примеру, в работе Е. И. Медяник [16].

В литературе в основном рассматриваются три вида интернационализации высшего образования: ориентированная на импорт, ориентированная на экспорт и ориентированная на экспорт и импорт одновременно. В настоящий момент для России наиболее перспективным видится развитие экспортной составляющей интернационализации высшего образования. Весной 2017 г. в целях повышения привлекательности и конку-

рентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам был учрежден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»¹.

Реализация приоритетного проекта будет проходить с мая 2017 г. по ноябрь 2025 г. В проекте предлагается создание и внедрение целевой модели деятельности вуза по экспорту образования с целью повышения привлекательности российских образовательных программ, улучшения условий пребывания иностранных студентов, повышения статуса и узнаваемости бренда российского образования на международном рынке, а в конечном итоге увеличения выручки от экспорта образовательных услуг. Среди прочего, это подразумевает создание международных служб для поддержки иностранных студентов. Вначале планируется внедрение данной модели в двадцати российских вузах, а с 2021 г. – во всех вузах страны².

По результатам выполнения мероприятий проекта количество иностранных студентов, обучающихся в российских вузах на очной форме обучения, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 г. до 710 тыс. в 2025 г., а количество иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций – с 1,1 млн человек до 3,5 млн человек³.

Что касается стоимостного выражения экспорта образовательных услуг, то отдельная статья по экспорту таких услуг в статистике ЦБ РФ не выделяется. Наиболее приближенным показателем можно назвать данные, публикуемые Министерством образования и науки РФ, о совокупных доходах от оплаты за обучение на контрактной основе иностранных граждан в группах российских вузов. В 2015/2016 академическом году данный показатель составил 253 млн дол.,⁴ что на 17 % ниже, чем аналогичный показатель

¹ Паспорт приоритетного проекта Развитие экспортного потенциала российской системы образования. URL: https://минобрнауки.рф/проекты/1355/файл/9551/pasport_-_orublikovannyi.pdf

² О приоритетном проекте «Экспорт образования». URL: <http://government.ru/info/27864/>.

³ Паспорт приоритетного проекта Развитие экспортного потенциала российской системы образования. URL: https://минобрнауки.рф/проекты/1355/файл/9551/pasport_-_orublikovannyi.pdf

⁴ Арефьев А. Л. Экспорт российских образовательных услуг : стат. сб. Вып. 6. М., 2016. URL: http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2016/Arefiev_SB_6_Page_001_408_ispr_02_08_16.pdf.

в 2011/2012 академическом году¹. Стоит отметить, что предоставление услуг иностранным студентам является не только возможным источником дохода, но также и средством «мягкой силы» продвижения своих ценностей и влияния в другие страны, что является актуальным и для России [13, с. 33].

В 2015/2016 академическом году основная доля иностранных студентов, обучающихся на очной форме обучения, приехала в Россию из стран бывшего СССР (около 55 %). Доля студентов из экономик АТЭС составила 18 %. В основном это студенты из Китая (11 % от общей численности иностранных студентов в российских вузах), Вьетнама (2 %), Малайзии (1 %), США (1 %) и Южной Кореи (0,9 %). Доля студентов из БРИКС равняется 15 %, в основном это также студенты из Китая (75 % от студентов из БРИКС) и из Индии (25 %) (см. таблицу (с. 92))².

Среди основных проблем и вызовов, с которыми сталкивается Россия на международном рынке образовательных услуг, называются различия в национальных образовательных стандартах, недостаточная развитость нормативно-правовой базы, недостаточная координация в работе профильных структур, высокая конкуренция с западными и китайскими вузами, недостаточная развитость инфраструктуры образовательных учреждений для приема увеличившегося числа иностранных учащихся³.

Важную роль в процессе интернационализации образования, в частности продвижения экспорта образовательных услуг, играют международные организации и региональные объединения. Наибольшее количество стран и наиболее широкий круг вопросов в области образования охватывает деятельность ЮНЕСКО. Другие организации либо сконцентрированы на более узких вопросах (к примеру, Всемирный банк нацелен на проекты развития, Всемирная торговая организация – на регулирование международной торговли услугами, в частности образовательными), либо на ограниченном круге стран (к примеру, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)).

¹ Арефьев А. Л., Шереги А. Ф. Экспорт российских образовательных услуг. Вып. 4. М., 2014. URL: <https://stop100.ru/about/sociocenter/documents/library/39867/>.

² Арефьев А. Л. Экспорт российских образовательных услуг: стат. сб. Вып. 7. М., 2017. URL: http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2017/Export_SB_7_%20496p.October.2017.pdf.

³ Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». URL: https://минобрнауки.пф/проекты/1355/файл/9551/pasport_-_opublikovannyi.pdf.

В настоящее время Россия активно участвует в Болонском процессе, направленном на сближение и гармонизацию систем высшего образования стран Европы в целях создания единого европейского образовательного пространства. Что касается Азиатско-Тихоокеанского региона, то наиболее значимой является Региональная конвенция о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степеней в государствах Азии и Тихого океана, которая была подписана Россией еще в начале 1990-х гг. В 2011 г. на смену старой была принята новая Конвенция Азиатско-Тихоокеанского региона о признании квалификаций высшего образования (Токийская конвенция), в соответствии с которой каждая участвующая сторона обеспечивает функционирование собственного национального информационного центра для предоставления актуальной и достоверной информации о национальной системе образования и выдаваемых дипломах/квалификациях, разработки и внедрения национальных квалификационных рамок и унифицированного приложения к диплому. Россия пока не подписала Токийскую конвенцию.

Далее в статье будет рассмотрено использование механизмов Форума АТЭС для увеличения конкурентоспособности экспорта российских образовательных услуг в Азиатско-Тихоокеанском регионе и сравнение их с механизмами БРИКС. Форум АТЭС имеет чрезвычайно развитую повестку в области высшего и среднего профессионального образования (СПО)⁴. Горизонтальный характер носит обсуждение вопросов, связанных с необходимостью популяризации технического и естественно-научного образования, а также привлечения бизнеса к подготовке образовательных программ. Кроме того, в последнее время в АТЭС ведется активная дискуссия о способах адаптации систем образования экономик-участниц форума к происходящим технологическим и демографическим изменениям. Данные направления работы нашли отражение в принятой в 2016 г. Образовательной стратегии АТЭС – ключевого документа, определяющего приоритеты сотрудничества экономик АТЭС в области образования вплоть до 2030 г. (см. рисунок (с. 93))⁵. В 2017 г. с принятием Рамочного документа АТЭС по развитию человеческих ресурсов в цифровую эпоху дополнительный стимул был дан обсуждению

⁴ В АТЭС периодически реализуются проекты, связанные и со школьным образованием, однако они не будут рассматриваться в настоящей статье.

⁵ APEC Education Strategy 2016-2030. URL: http://mddb.apec.org/Documents/2017/HRDWG/EDNET/17_hrdwg_ednet_003.pdf.

Таблица 1

Численность иностранных граждан, обучающихся в российских вузах в 2015/2016 академическом году, по экономикам АТЭС и БРИКС

Участник АТЭС и/или БРИКС	Численность иностранных студентов в российских вузах	Доля от иностранных студентов из соответствующего регионального объединения в российских вузах	Доля от всех иностранных студентов в российских вузах
Австралия	50	0,1 %	0,0 %
Бруней	н/д	н/д	н/д
Вьетнам	4548	12,9 %	2,3 %
Гонконг	0	0,0 %	0,0 %
Индонезия	360	1,0 %	0,2 %
Канада	97	0,3 %	0,0 %
Китай	22 261	доля в АТЭС – 63,3 % доля в БРИКС – 74,6 %	11,1 %
Китайский Тайбэй	229	0,7 %	0,1 %
Малайзия	2389	6,8 %	1,2 %
Мексика	245	0,7 %	0,1 %
Новая Зеландия	7	0,0 %	0,0 %
Папуа — Новая Гвинея	0	0,0 %	0,0 %
Перу	174	0,5 %	0,1 %
Сингапур	30	0,1 %	0,0 %
США	1976	5,6 %	1,0 %
Таиланд	266	0,8 %	0,1 %
Филиппины	35	0,1%	0,0 %
Чили	31	0,1%	0,0 %
Южная Корея	1840	5,2 %	0,9 %
Япония	667	1,9 %	0,3 %
Всего АТЭС	35 155	100,0 %	17,5 %
Бразилия	680	2,2 %	0,3 %
Индия	7569	24,7 %	3,8 %
ЮАР	78	0,3 %	0,0 %
Всего БРИКС	30 588	100,0 %	15,2 %

Источник: составлено авторами на основе статистических данных Министерства образования и науки РФ.

тематики изменения требований к качеству образования в эпоху новых технологий.

Характерной чертой нынешней работы АТЭС в области высшего и среднего профессионального образования является усиливающийся акцент на создании долгосрочных механизмов образовательного сотрудничества и его большей ориентации на решение практических вопросов, связанных с торговлей образовательными услугами. Данная тенденция объясняется разработкой Дорожной карты АТЭС по повышению конкурентоспособности секторов услуг (2016), в которой образовательные услуги стали одними из приоритетных секторов для совместной работы экономик АТЭС наряду с экологически-

ми, сопутствующими (manufacturing-related services), финансовыми и транспортными услугами, а также электронной коммерцией и туризмом. Среди прочего, План по реализации Дорожной карты¹ призывает экономики обмениваться информацией о национальных образовательных стандартах, системах квалификаций и расчета зачетных единиц, а также предпринимать меры, направленные на их взаимное признание, активно используя существующий региональный опыт (к примеру, Рамочного документа Ассоциации

¹ APEC Services Competitiveness Roadmap Implementation Plan (2016-2025). URL: http://mddb.apec.org/Documents/2016/MM/AMM/16_amm_012.pdf.

Основные элементы Образовательной стратегии АТЭС 2016 г.

Источник: составлено авторами по Образовательной стратегии АТЭС на 2016–2030 гг.

государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) по квалификациям)¹.

В целом Дорожная карта не выделяет принципиально новых направлений работы: большинство из указанных выше вопросов уже рассматривалось экономистами в рамках профильной Рабочей группы АТЭС по развитию людских ресурсов и нашло отражение в Плане действий для рассмотренной выше Образовательной стратегии АТЭС. Тем не менее, важность данного документа заключается в том, что в нем образовательная повестка АТЭС напрямую связывается с торгово-экономической составляющей работы форума. Кроме того, в Дорожной карте заложен довольно серьезный механизм отчетности, что может способствовать переводу деятельности АТЭС в области образования из преимущественно аналитического в более практическое русло и помочь экономистам сформировать конкретные инструменты для повышения его эффективности.

Что касается взаимодействия экономик по конкретным направлениям образовательной повестки, работа АТЭС в области высшего образования в первую очередь призвана содействовать повышению академической мобильности в регионе. Наибольшее развитие она получила после 2012 г., когда по инициативе России была одобрена Рамочная инициатива по международному образованию, ставшая одним из приложений к Декларации лидеров

экономик АТЭС 2012 г. В инициативе подчеркивалась необходимость дальнейшего развития сотрудничества между участниками АТЭС в области увеличения мобильности студентов, исследователей и поставщиков образовательных услуг, а также расширения существующей сети двусторонних соглашений в области образования². Спустя год экономисты поставили цель увеличить объем студенческих обменов между членами АТЭС до одного миллиона человек до 2020 г., которая была достигнута уже в 2015 г.³ Необходимо отметить, что высшее образование – довольно высококонкурентное поле в работе АТЭС: сегодня на лидерство здесь претендуют такие крупные игроки на рынке международных образовательных услуг, как Австралия и Китай.

Значительная доля проектов, реализуемых экономистами АТЭС в области высшего образования, носит аналитический характер и заключается в подготовке исследований по отдельным вопросам, связанным с международным образовательным сотрудничеством (например, по взаимному признанию зачетных единиц, состоянию образовательного рынка в регионе, мобильности поставщиков образовательных услуг и пр.). Важность этих проектов не стоит недооценивать, поскольку они способствуют повышению взаимной

¹ ASEAN Qualifications Reference Framework. URL: <http://asean.org/asean-economic-community/sectoral-bodies-under-the-purview-of-aem/services/asean-qualifications-reference-framework/>.

² ANNEX D – Promoting Cross-Border Education Cooperation (2012). URL: http://apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2012/2012_aelm/2012_aelm_annexD.aspx.

³ 2015 Leaders' Declaration. URL: https://www.apec.org/Meeting-Papers/Leaders-Declarations/2015/2015_aelm.aspx.

осведомленности экономик об устройстве образовательных систем, помогая преодолеть информационный барьер на пути торговли образовательными услугами. Вместе с тем постепенно экономики выдвигают и более практикоориентированные проекты, призванные внести реальный вклад в поощрение образовательной мобильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К ним, к примеру, относятся подготовка модельного Приложения к дипломам (документа, разъясняющий, какую именно квалификацию имеет его получатель), инициированная Австралией в 2012–2013 гг. (здесь и далее – база данных по отдельным проектам экономик АТЭС¹) и реализация Программы стипендий и стажировок АТЭС (APEC Scholarship and Internship Initiative).

В частности, в рамках второй инициативы в 2014–2015 гг. был создан специальный интернет-портал, где все желающие могут найти информацию об организуемых университетами и компаниями исследованиях и стажировках в Азиатско-Тихоокеанском регионе². В настоящее время его потенциал остается недоиспользованным, поскольку лишь немногие экономики обновляли изначально загруженную на него информацию. Тем не менее, на фоне усиления торгово-экономической составляющей образовательной повестки члены АТЭС активно обсуждают возможные формы развития данной Программы. В то время как сейчас ее влияние на потоки студентов в регионе не представляется существенным, при условии дальнейшего развития она может стать одним из каналов для привлечения студентов из экономик АТЭС в российские ВУЗы.

В целом среди вопросов, имеющих ключевое значение для международной торговли образовательными услугами, наибольшее развитие в АТЭС получило обсуждение тематики взаимного признания дипломов и квалификаций (последних, как будет показано далее, в первую очередь в контексте среднего профессионального образования). Важность продолжения этой работы подчеркивается и в Плана действий для Образовательной стратегии АТЭС. В последнем также подчеркивается необходимость расширения сотрудничества в таких областях, как обеспечение качества трансграничного образования и аккредитация поставщиков образовательных услуг, по которым экономика АТЭС еще только предстоит приступить к активной работе³.

Другим направлением дискуссии на площадке АТЭС, косвенно связанным с сотруд-

¹ APEC Project Database. URL: <https://aimp2.apec.org/sites/PDB/>.

² Сайт инициативы: <http://education.apec.org/>.

³ Action Plan of the APEC Education Strategy. URL: http://mddb.apec.org/Documents/2017/SOM/CSOM/17_csom_023.pdf.

ничеством в области высшего образования, является повышение мобильности ученых, которое активно обсуждается в контексте популяризации технического и естественнонаучного образования. Наибольшей интенсивности обсуждение этого вопроса достигло в 2015 г., когда прошел первый Диалог АТЭС по науке и технологиям в высшем образовании. В его развитие годом позднее Филиппины предложили распространить действие Карты деловых и служебных поездок АТЭС⁴ на высококвалифицированных ученых. Инициатива встретила одобрение со стороны большинства экономик АТЭС, однако ввиду отдельных технических сложностей проект не дошел до этапа практической реализации. Тем не менее, с учетом растущего внимания экономик АТЭС к созданию практических механизмов образовательного сотрудничества, вполне вероятно, что в ближайшее время работа по данной инициативе возобновится.

Текущая российская работа в АТЭС области высшего образования строится на проведении начиная с 2012 г. ежегодных тематических конференций на базе Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). Наряду с Министерством образования и науки последний является одним из наиболее активных российских участников работы АТЭС по вопросам высшего образования. Кроме того, Россия активно вовлечена в текущую деятельность профильной рабочей группы АТЭС, а в 2016 г. совместно с Перу стала со-председателем встречи министров образования экономик – участниц форума, сыграв одну из ключевых ролей в подготовке принятой на этой встрече Образовательной стратегии АТЭС.

Важной особенностью проводимых Дальневосточным федеральным университетом конференций является то, что на них обсуждаются не только повестка АТЭС, но и более широкие вопросы, связанные с образовательным сотрудничеством на пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. В частности, конференция 2017 г. была посвящена взаимному признанию дипломов и квалификаций. Среди прочего, участники мероприятия обсудили препятствующие этому барьеры; лучшие подходы к данному вопросу среди экономик АТЭС; современное значение Азиатско-Тихоокеанской региональной конвенции о признании квалификаций в области высшего образования (Токио, 2011 г.) как основы для развития общих подходов, принципов и инструментов взаимного признания образования и квалификаций в регионе.

⁴ Держателю Карты не нужно получать визу для осуществления деловой поездки в экономику – участницу системы Карт АТЭС. Подробнее см.: Официальный сайт Российского центра исследований АТЭС. URL: <http://apec-center.ru/>.

Данные конференции являются одним из наиболее долгосрочных и устойчивых российских начинаний в АТЭС. Среди их достоинств – создание дополнительных возможностей для взаимодействия российских академических кругов с партнерами в экономиках АТЭС, а также продвижение российской модели высшего образования. Вместе с тем повышению эффективности этой работы могла бы способствовать более глубокая интеграция принимаемых по итогам конференций рекомендаций в текущую деятельность профильной рабочей группы АТЭС, а также их воплощение в конкретных российских проектах.

Кроме того, интерес представляет сотрудничество Дальневосточного федерального университета с Ассоциацией университетов Азиатско-Тихоокеанского региона (Association of Pacific Rim Universities, APRU). Ассоциация была создана в 1997 г., и в настоящий момент объединяет 49 ведущих исследовательских университетов АТР из 16 экономик АТЭС¹. В Ассоциацию входят как государственные, так и частные вузы.

В рамках Ассоциации университеты ведут совместную работу по следующим направлениям: цифровая экономика, глобальное здравоохранение, опасные природные явления и старение населения. В 2017 г. Дальневосточный федеральный университет предложил создание помимо уже существующих направлений сотрудничества новый Арктический хаб, потому что данная тематика становится все более популярной в исследованиях Ассоциации в последние годы. Инициативу российского университета поддержали Национальный университет Сингапура (National University of Singapore) и Университет Окленда (University of Auckland, Новая Зеландия). Отмечается, что Сингапур Арктика интересуется в качестве альтернативного морского пути и источника ресурсов, а Новую Зеландию – в качестве возможности использовать арктические исследования для изучения Антарктики².

В 2013 г. на встрече ректоров Ассоциации университетов Азиатско-Тихоокеанского региона обсуждалось предложение России, выдвинутое от лиц Дальневосточного университета еще в 2011 г., о создании на базе Ассоциации Сетевого университета АТЭС, которое широко обсуждалось главами государства на самми-

те АТЭС в кампусе Дальневосточного федерального университета и нашло отражение в Декларации лидеров в год председательства России в АТЭС в 2012 г. Приоритетными направлениями сотрудничества были названы биотехнологии, нанотехнологии, морские ресурсы, энергетика, а также гуманитарные науки. Данное предложение предусматривало не только обмен студентами и приглашение преподавателей, но и разработку программ онлайн-образования. На базе Дальневосточного федерального университета проводились молодежные форумы Ассоциации. К примеру, в 2013 г. молодежный форум посетили представители Китая, Республики Кореи, Японии, Сингапура, Индонезии, Австралии и Гонконга. Также в 2017 г. проводилась летняя школа Ассоциации университетов Азиатско-Тихоокеанского региона и конференция по модели ООН.

Стоит отметить, что в работе на площадке АТЭС могут быть заинтересованы и другие российские вузы, в первую очередь Сибири и Дальнего Востока. При этом речь идет не только об организации собственных проектов, но и об участии в начинаниях других экономик-участниц форума (в настоящее время в них преимущественно вовлечен Дальневосточный федеральный университет).

Что касается опыта БРИКС, в которую входят две экономики АТЭС – Россия и Китай, то основная работа БРИКС в сфере образования ведется в рамках Сетевого университета БРИКС, созданного в ноябре 2015 г. Данная инициатива была предложена еще в 2013 г. Российским университетом дружбы народов (РУДН). Каждая страна участница выбирает ряд вузов (не более 12), которые впоследствии создадут совместные образовательные программы по приоритетным направлениям: энергетика; ИТ, в частности информационная безопасность и борьба с киберугрозами; борьба с загрязнением воды; исследование стран БРИКС; экономика и климатические изменения. Пока только ЮАР, Индия и Россия номинировали предусмотренное инициативой количество вузов. Китаю предстоит номинировать еще один, а Бразилии – три. От России участвуют московские вузы, а также вузы Московской области, г. Санкт-Петербурга, Томска и Екатеринбурга³.

¹ США (12 вузов), Гонконг (10), Япония (6), Республика Корея (4), Австралия (4), Сингапур (2), Китайский Тайбэй (2), Чили (1), Филиппины (1), Таиланд (1), Новая Зеландия (1), Мексика (1), Малайзия (1), Канада (1), Индонезия (1) и Россия (1).

² ДВФУ предложил создать Арктический хаб в Ассоциации ведущих университетов АТР. URL: https://www.dvfu.ru/schools/engineering/news/the_university_proposed_the_creation_of_the_arctic_hub_in_the_association_of_leading_universities_of_the_asia_pacific_region/?show_desktop_mode=false.

³ От России в Сетевой университет БРИКС входят Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО), Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Московский физико-технический институт (МФТИ), Национальный исследовательский технологический университет (МИСиС), Московский энергетический институт (МЭИ), Московский государственный

Длительность разрабатываемых вузами программ обучения составляет 2 года, из которых один будет проходить в иностранной для студента стране БРИКС. По окончании программы студентам будут выдаваться двойные дипломы. Сетевой университет БРИКС нацелен на осуществление подготовки в рамках совместных (сетевых) образовательных программ главным образом магистерского и аспирантского уровней. Наряду с дипломом планируется выдача особого сертификата Сетевого университета БРИКС. Помимо основной деятельности проведение краткосрочных курсов, летних и зимних школ, фестивалей, олимпиад и др. Россия предложила выделение квот на обучение иностранных студентов из университетов стран БРИКС, которые входят в сетевой университет БРИКС, в российских университетах на бюджетной основе.

Кроме того, в 2015 г. по инициативе Китая была создана Лига университетов БРИКС с целью двустороннего и многостороннего сотрудничества, с фокусом на проведении различных мероприятий, исследовательских проектах, координировании деятельности в области инноваций, распространении полезной информации между университетами. В Лигу университетов входит 43 университета БРИКС¹.

Создание региональных сетевых университетов в принципе получило широкое распространение в последнее время. Разрабатываются концепции и проекты по созданию Сетевого евразийского университета на базе ЕАЭС. Действует сетевой университет стран СНГ. Продолжает свою работу сетевой университет стран ШОС (УШОС), который был создан в 2009 г. и включает в себя около 80 университетов из России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Основными сферами сотрудничества являются регионоведение, информационные технологии, нанотехнология, энергетика, экология, экономика и педагогика.

Что касается деятельности АТЭС в области среднего профессионального образования, то она в первую очередь касается стандартов для отдельных специальностей и взаимного признания квалификаций. Из-за различий в системах образования эта работа часто находится на стыке с повесткой в области высшего

университет им. М. В. Ломоносова (МГУ), Российский университет дружбы народов (РУДН), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Томский политехнический университет (ТПУ), Томский государственный университет (ТГУ), Уральский федеральный университет (УрФУ).

¹ Progress Report on the Implementation of the Strategy for BRICS Economic Partnership. BRICS. 2017. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/2017/BRICS%20Strategy%20Progress%20Report_25.08.2017.pdf.

образования. Наиболее активная проектная деятельность по данному направлению ведется Китайским Тайбэем и Австралией. В частности, первым были имплементированы проекты по обмену опытом в сфере разработки программ профессионального образования в области индустрии гостеприимства, туризма, инновационного предпринимательства, инженерии и сестринского дела. Австралия реализовывала аналогичные проекты в области транспорта, логистики и туризма. Характерной чертой австралийских проектов является ориентация на практическую разработку стандартов (т. е. не только обмен опытом) и наличие задачи по разработке рамочного документа АТЭС для взаимного признания квалификаций в области среднего профессионального образования.

В АТЭС также действуют программы «Инженер АТЭС» и «Архитектор АТЭС», представляющие собой соглашение между экономиксами-участниками с целью признания «значительной эквивалентности» профессиональных компетенций в области инженерного/архитектурного дела (Россия участвует только в программе «Инженер АТЭС»). Наличие статуса «архитектора/инженера АТЭС» предполагает минимизацию количества дополнительных испытаний при прохождении процедуры сертификации для работы по данным специальностям в экономиках-участницах программы. Основной задачей программ является содействие мобильности высококвалифицированной рабочей силы в регионе АТЭС. Тем не менее, они играют важную роль и с точки зрения образовательного сотрудничества, стимулируя дискуссию о стандартах подготовки для указанных категорий специалистов.

Россия не остается в стороне от деятельности АТЭС в области среднего профессионального образования, однако не является ее самым активным участником. Единственным заметным проектом за последние годы стала организация в феврале 2018 г. конференции по сотрудничеству в области транспортного образования (проект затронул как высшее, так и среднее профессиональное образование), на которой обсуждались общие вопросы подготовки таких специалистов в условиях изменяющихся требований транспортной индустрии, а также перспективы совместной работы экономик АТЭС².

Вероятно, сравнительно низкий уровень вовлеченности России в данную работу объясняется тем, что в настоящее время среднее профессиональное образование является менее конкурентоспособным для России образовательным сектором по сравнению с высшим

² Официальный сайт Российского центра исследований АТЭС. URL: <http://apec-center.ru/>.

образованием. По этой причине наша страна вряд ли сможет претендовать на лидерство дискуссии по этому вопросу в АТЭС. Тем не менее, у России есть интересный для других экономик АТЭС опыт работы в БРИКС в области «профессий будущего» (данная тематика пересекается и с высшим образованием, и с продвижением науки, технологий и инноваций в образовании), а также подготовки к чемпионату Ворлдскиллс (Worldskills). Кроме того, результаты дискуссии на площадке АТЭС могут быть использованы Россией в процессе обновления стандартов для отдельных специальностей среднего профессионального, а в некоторых случаях и высшего образования.

Что касается деятельности горизонтально-характера, наибольшего внимания заслуживают отдельные проекты, затрагивающие общие вопросы развития образовательных систем в условиях происходящих технологических изменений. Так, в последние годы экономики АТЭС реализовывали проекты в области обеспечения качества онлайн-образования, развития «навыков XXI века» (т. н. soft skills)¹, привлечения бизнеса к разработке образовательных программ, интеграции технологий в образование и т. д. Возможно, участие в данной работе не будет оказывать прямого влияния на перспективы привлечения иностранных студентов в российские вузы, однако оно может быть полезно с точки зрения общего повышения конкурентоспособности российского образования.

В БРИКС также развиваются проекты в области онлайн-образования. К примеру, осенью 2017 г. одновременно в пяти городах России, а также в Бразилии, Индии, Китае, ЮАР была проведена международная бесплатная онлайн-олимпиада по математике для учащихся начальных классов BRICSMATH. Олимпиада была организована при поддержке Агентства стратегических инициатив (АСИ) российской образовательной платформой Учи.ру (отечественная онлайн-платформа, с помощью которой ученики из всех регионов России изучают школьные предметы в интерактивной форме). Пилотные версии курсов Учи.ру запущены в Бразилии, Китае, Индии, ЮАР, Индонезии и Вьетнаме². Кроме того, Агентство стратегических инициатив участвовало в рабочей группе по развитию навыков в рамках Делового совета БРИКС, занимаясь деятельностью по так называемым профессиям будущего.

¹ К ним, к примеру, относятся готовность к сотрудничеству, умение донести информацию, наличие развитого критического мышления и предпринимательских навыков и т. д.

² 1 млн ребят из стран БРИКС напишут онлайн-олимпиаду по математике на российской образовательной платформе. URL: <http://asi.ru/news/84880/>.

Как и в АТЭС, в БРИКС проводятся встречи министров образования (с 2013 г.). Основной акцент в работе БРИКС делается на высшем образовании (повышение качества, поощрение обмена студентами и преподавателями, в том числе за счет стипендий и признания дипломов, совместные проекты университетов). Кроме того, имеет место существенный интерес к среднему профессиональному образованию, рабочей силе будущего, информационно-коммуникационным технологиям в образовании, науке и инновациям. В целом тематика деятельности БРИКС в образовательной сфере схожа с основными направлениями работы АТЭС, за исключением совместных проектов университетов. Кроме того, схожим чертами двух региональных объединений является проектная деятельность, а также общее признание того, что образование признается источником экономического роста.

Основные отличия связаны с тем, что образовательная повестка БРИКС все еще остается на стадии становления, в то время как в АТЭС все уже довольно хорошо проработано как на концептуальном уровне, так и с точки зрения проектной деятельности. В АТЭС присутствует более сильный акцент на наращивании потенциала развивающихся с помощью развитых экономик. В то время как в работа БРИКС основана на совместном наращивании потенциала.

Кроме того, изначально были выбраны фокусы на разных форматах сотрудничества – в АТЭС на регуляторном уровне, в БРИКС – на уровне конкретных университетов. Можно сделать вывод, что в АТЭС роль Сетевого университета уже выполняет Ассоциация университетов Азиатско-Тихоокеанского региона. Возможно, в первую очередь это связано с большим по сравнению с БРИКС количеством участников, а также наличием уже действующих ассоциаций университетов в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В целом, можно отметить активную позицию России в сфере образования в таких региональных объединениях, как АТЭС и БРИКС. В настоящее время на площадке АТЭС реализуется целый ряд проектов как аналитического, так и более практического характера, которые могут быть актуальны для России с точки зрения увеличения экспорта образовательных услуг в Азиатско-Тихоокеанский регион и достижения целей приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», в чем у России остается высокий потенциал для развития, и повышения качества образования.

При этом наиболее перспективной представляется работа, направленная на достижение экономикой единого видения таких

принципиально важных для торговли образовательными услугами вопросов, как взаимное признание квалификаций, обеспечение и оценка качества трансграничного образования, развитие системы аккредитации [20]. Несмотря на то что эта деятельность по-прежнему находится на начальном этапе, усиление ориентации экономик АТЭС на решение практических вопросов, связанных с торговлей образовательными услугами, может сделать форум одной из ключевых площадок для укрепления позиций России в рассматриваемой области.

1. Бадулин В. Д. Программы «двойного диплома»: опыт, проблемы и перспективы // Международная торговля и торговая политика. 2013. № 11–12. С. 177–185.

2. Бекер Р. Филиалы зарубежных университетов: новые тенденции и направления // Официальный сайт Центра международного высшего образования (Бостонский колледж, США). 2009. URL: http://www.obhe.ac.uk/documents/view_details?id=770 (дата обращения: 06.04.2018).

3. Боков Л. А. Проблемы соответствия государственным образовательным стандартам при реализации программ двойных дипломов // Международный журнал экспериментального образования. 2013. № 1. С. 18–21.

4. Борисенко О. А., Жан Яан. Особенности сотрудничества России и Китая в области совместных образовательных программ // Политика, государство и право. 2015. URL: <http://politika.snauka.ru/2015/01/2245> (дата обращения: 06.04.2018).

5. Бражник Е. И., Суртаева Н. Н., Суртаева Ж. Б. Сравнительные исследования университетского образования в современном контексте интеграционных процессов // Человек и образование. 2012. № 3 (32). С. 61–65.

6. Викторова Е. В. Программы двойных дипломов как фактор формирования инновационной среды университета // Инновации. 2010. № 12. С. 27–31.

7. Галичин В. А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития. М. : Дело, 2015. С. 1–60.

8. Грахов В. П., Мохначев С. А., Исакова Н. В., Кислякова Ю. Г., Симакова У. Ф. Особенности реализации совместных образовательных программ двойных дипломов // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–10. С. 2162–2168.

9. Интернационализация российских вузов: китайский вектор / под ред. И. С. Иванова. М. : Спецкнига, 2013.

10. Краснова Г. А. Сетевое взаимодействие вузов: сравнительный анализ подходов к реализации совместных образовательных программ в Китае и России // Вестник РУДН. Сер. Информатизация образования. 2016. № 3. С. 123–130.

11. Краснова Г. А., Полушкина Е. А. Анализ механизмов образования и деятельности межгосударств. М. : РАНХиГС. 2016. С. 1–92.

12. Беспалова О. И. Проблемы развития университетского образования в России и за рубежом // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2012. № 8. С. 6–9.

13. Ларионова М. В., Горбунова Е. М. Анализ структуры обязательств и переговорных позиций стран – участниц ВТО по сектору образовательных услуг // Вестник международных организаций. 2007. № 6 (14). С. 10–34.

14. Ли В., Баранова И. И. Совместные образовательные программы китайских университетов и российских вузов: состояние, тенденции и перспективы // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8. № 1. С. 134–141.

15. Макеева С. Б. Анализ международных коммуникаций в образовательной сфере между Иркутской областью и провинциями КНР: по результатам социологического исследования // Ойкумена. 2012. № 3. С. 109–115.

16. Медяник Е. И. Совместный университет как инструмент реализации национальных интересов России и Китая // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 1. С. 7–23.

17. Мешкова Т. А. Международное образовательное сотрудничество России: от конкурентоспособности образования к конкурентоспособности экономики // Мировой опыт и международное сотрудничество в сфере науки. 2009. № 8. С. 46–80.

18. Панков Н. В., Соколова О. Ю. Воздействие глобализации мировой экономики на реформирование отечественной системы образования // Экономические науки. Инновации в экономике. 2015. № 1. С. 30–39.

19. Терещенко Т. М. Опыт внедрения и реализации совместных российско-китайских образовательных программ // Педагогическое образование в России. 2016. № 10. С. 39–42.

20. Knight J. Higher Education Crossing Borders: A Guide to the Implications of the General Agreement on Trade in Services (GATS) for Cross-border Education // Commonwealth of Learning. UNESCO, 2006. P. 1–76.

21. Knight J. Updating the Definition of Internationalization // International Higher Education. The Boston College Center for International Higher Education. № 33. 2003. P. 2–3.

References

1. Badulin V.D. (2013) *Mezhdunarodnaja trgovlja i trgovojaja politika*, no. 11–12, pp. 177–185 [in Rus].

2. Beker R. (2009) *Filialy zarubezhnyh universitetov: novye tendencii i napravlenija* // Oficial'nyj sajt Centra mezhdunarodnogo vysshego obrazovanija (Bostonskij kolledzh, SShA). Available at: http://www.obhe.ac.uk/documents/view_details?id=770, accessed 06.04.2018 [in Rus].

3. Bokov L.A. (2013) *Mezhdunarodnyj zhurnal jeksperimental'nogo obrazovanija*, no. 1, pp. 18–21 [in Rus].

4. Borisenko O.A., Zhan Jaan (2015) *Osobennosti sotrudnichestva Rossii i Kitaja v oblasti sovmeštnykh obrazovatel'nyh program*. Available at: <http://politika.snauka.ru/2015/01/2245>, accessed 06.04.2018 [in Rus].

5. Brazhnik E.I., Surtaeva N.N., Surtaeva Zh.B. (2012) *Chelovek i obrazovanie*, no. 3 (32), pp. 61–65 [in Rus].

6. Viktorova E.V. (2010) *Innovacii*, no. 12, pp. 27–31 [in Rus].

7. Galichin V.A. (2015) Mezhdunarodnyj rynek obrazovatel'nyh uslug: osnovnye harakteristiki i tendencii razvitiya. Moscow, Izdatel'skij dom Delo RANHiGS, pp. 1–60 [in Rus].

8. Grahov V.P., Mohnachev S.A., Isakova N.V., Kisljakova Ju.G., Simakova U.F. (2014) *Fundamental'nye issledovanija*, no. 12-10, pp. 2162–2168 [in Rus].

9. Ivanov I.S. (red.) (2013) Internacionalizacija rossijskikh vuzov: kitajskij vektor // RSMD. Moscow, Speckniga [in Rus].

10. Krasnova G.A. (2016) *Vestnik RUDN. Serija Informatizacija obrazovanija*, no. 3, pp. 123–130 [in Rus].

11. Krasnova G.A., Polushkina E.A. (2016) Analiz mehanizmov obrazovanija i dejatel'nosti mezghosudarstvennyh obrazovatel'nyh prostranstv ES i EAJeS / RANHiGS, pp. 1–92 [in Rus].

12. Bepalova O.I. (2012) *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*, no. 8, pp. 6–9 [in Rus].

13. Larionova M.V., Gorbunova E.M. (2007) *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, no. 6 (14), pp. 10–34 [in Rus].

14. Li V., Baranova I.I. (2017) *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*, vol. 8, no. 1, pp. 134–141 [in Rus].

15. Makeeva S.B. (2012) *Ojkumena*, no. 3, pp. 109–115 [in Rus].

16. Medjanik E.I. (2017) *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij*, t. 12, no. 1, pp. 7–23 [in Rus].

17. Meshkova T.A. (2009) *Mirovoj opyt i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere nauki*, no. 8, pp. 46–80 [in Rus].

18. Pankov N. V., Sokolova O. Ju. (2015) *Jekonomicheskie nauki. Innovacii v jekonomike*, no. 1, pp. 30–39 [in Rus].

19. Tereshhenko T.M. (2016) *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 10, pp. 39–42 [in Rus].

20. Knight J. (2006) *Commonwealth of Learning, UNESCO*, pp. 1–76 [in Eng].

21. Knight J. (2003) *International Higher Education. The Boston College Center for International Higher Education*, no. 33, pp. 2–3 [in Eng].

For citing: Baeva M.A., Kuznetsova A.E. Using mechanisms of regional integration associations for increasing competitiveness of Russian educational services // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 129–139.

UDC 338.2

USING MECHANISMS OF REGIONAL INTEGRATION ASSOCIATIONS FOR INCREASING COMPETITIVENESS OF RUSSIAN EDUCATIONAL SERVICES

Marina A. Baeva,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian APEC Study Center, Research Fellow, The Russian Federation, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82. E-mail: baevama@ranepa.ru

Anna E. Kuznetsova,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russian APEC Study Center, Research Fellow, The Russian Federation, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82. E-mail: anna.igta@gmail.com

Annotation

The article considers the importance of internationalization of higher education, to be more precise, the importance of increasing competitiveness of exporting Russian educational services by means of using mechanisms of "Asia-Pacific Economic Cooperation" (APEC) forum. Despite the persisting priority of analytical work, currently on APEC agenda there is a considerable shift in the direction of considering real aspects connected with educational services (mutual recognition of qualifications, providing and evaluating quality of trans border education, developing the system of accreditation of education providers), which makes it possible to turn the forum into one of the most important grounds for advancing Russian interests in the sphere of international educational cooperation in Asia-Pacific region. Besides, the authors make a comparison of APEC mechanisms with BRICS mechanisms in the sphere of education.

Key concepts:

Russia in APEC, internationalization of education, educational services, international service trade, regional economic integration.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не менее 20. Самоцитирование – не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
 - а) аннотация;
 - б) ключевые понятия (не более пяти);
 - в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учёбы), учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
 - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.
 Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
 Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
 В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
 Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
 Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
 Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
 Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
 Плата за публикацию рукописей не взимается.
 Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
 Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
 Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
 Адрес в сети Интернет: siv74.ru
 E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Requirements for the articles and memos presented for publication in the «Socium i vlast'» journal

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and key concepts are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
 - a. annotation.
 - b. key concepts (up to 5).
 - c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
 - d. course code and subject area to which the article corresponds to.
 The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
 The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
 The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
 The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
 By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
 Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
 No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
 The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
 The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
 Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
 Tel. 8(351) 771-42-30
 Website: siv74.ru
 E-mail: siv_jurnal@mail.ru